

ВЕСТНИКЪ КРИМИНАЛИСТИКИ

BULLETIN OF CRIMINALISTICS

3 (67) - 2018

Издается с 1999 г.

*Основатель журнала и его первый ответственный редактор
профессор А.Г. Филиппов*

Ответственный редактор Е.В. Иванова

Корректор Е.Н. Самсонова

В журнале

«ВЕСТНИКЪ КРИМИНАЛИСТИКИ ~ BULLETIN OF CRIMINALISTICS»

*публикуются статьи по криминалистике, судебной экспертизе, оперативно-
розыскной деятельности, представляющие интерес для практикующих
работников правоохранительных органов, а также адвокатов, судей,
преподавателей криминалистики и научных работников.*

ISSN 2220-847X

Адрес редакции:

author@vestcrim.ru, contact@fact-gsgu.ru

2018

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Иванова Елена Вячеславовна, доктор юридических наук, доцент (Государственный социально-гуманитарный университет).

Заместитель главного редактора: Дьяконова Оксана Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент (Государственный социально-гуманитарный университет).

Редакционный совет:

Аверьянова Татьяна Витальевна, доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия);

Аубакирова Анна Александровна, доктор юридических наук, доцент (Алматинская академия МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова);

Белкин Анатолий Рафаилович, кандидат физико-математических наук, доктор юридических наук, профессор, (Российский технологический университет);

Бочарова Ольга Станиславовна, кандидат юридических наук, доцент (Академии МВД Республики Беларусь)

Бошквич Александр, доктор юридических наук (PhD), адъюнкт-профессор уголовного процессуального права, The Academy of Criminalistic and Police Studies in Belgrade, the Republic of Serbia.

Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор (Кубанский государственный аграрный университет)

Трибунов Олег Павлович, доктор юридических наук, доцент (Восточно-Сибирский институт МВД России);

Зайцева Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор (Волгоградская академия МВД России);

Зинин Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина);

Matulienė Sniegutė, PhD, (Mukolo Romerio universitetas, Vilnius, Литва);

Майлис Надежда Павловна, доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя);

Моисеева Татьяна Федоровна, доктор юридических наук, профессор. (Российский государственный университет правосудия);

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, (Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина);

Филиппов Александр Георгиевич, кандидат юридических наук, профессор (Московский университет МВД России).

Ялышев Станислав Алимович, доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия).

ВЕСТНИКЪ КРИМИНАЛИСТИКИ
BULLETIN OF CRIMINALISTICS
3 (67) - 2018

Published since 1999

The founder of the journal and its first Executive editor

Professor A. G. Filippov

Executive editor

Doctor of Law Sciences docent E. V. Ivanova

The journal

«ВЕСТНИКЪ КРИМИНАЛИСТИКИ ~ BULLETIN OF CRIMINALISTICS»

Published articles on criminalistics, forensic examination, police activity of interest to practitioners law enforcement agencies, as well as lawyers, judges, teachers criminalistics and scientific workers

ISSN 2220-847X

2018

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Катарага О., Петкович П. Проблемы обеспечения единства в подходе к решению некоторых экспертных задач при исследовании одних и тех же объектов	6
Журавлева О.С. Оптимизация формирования экспертных методик как необходимый фактор развития качественных судебных экспертиз.....	12
Дьяконова О.Г. Реорганизация системы государственных судебно-экспертных учреждений: возможности и перспективы.....	22
Смирнов Д.В. Назначение и производство судебно-генетической экспертизы носителей ДНК-информации в гражданском процессе.....	38

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Комаров И.М., Ян Е.И. Размышления о проблемах криминалистической дидактики	46
Григорович В.Л. Правовые основы применения криминалистических средств в расследовании преступлений.....	57
Солтышевский И., Солодов Д.А., Ахрем В. Методы идентификации неопознанных трупов и их частей в польской криминалистической практике	69
Грибунов О.П., Беляева Е.Р. Бездействие сотрудника оперативно-розыскного органа как один из способов фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности	80

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Холевчук А.Г. Проблемные аспекты подготовки судебных экспертов-дактилоскопистов в США.....	87
--	----

ИЗ ИСТОРИИ КРИМИНАЛИСТИКИ

Колоколов Е. Правила о производствѣ слѣдствій по преступленіямъ. Часть II. О формальномъ слѣдствіи. Глава III. О собраніи доказательствъ	95
---	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международная научно-практическая конференция «Теория и практика судебной экспертизы при рассмотрении экономических споров и дел в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве» 99

Международная научно-практическая конференция «История и современность судебно-экспертного образования».....105

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Смирнова И.Г. Праздник наибольшего бескорыстия.....114

Порядок направления материалов в редакцию119

Общие требования к рукописям статей.....120

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА В ПОДХОДЕ К РЕШЕНИЮ НЕКОТОРЫХ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ОДНИХ И ТЕХ ЖЕ ОБЪЕКТОВ

КАТАРАГА О., ПЕТКОВИЧ П.

Аннотация: авторы рассматривают вопрос о необходимости унификации в области судебной экспертизы, иллюстрируя ситуации, которые могут возникнуть в случае, когда судебные эксперты по-разному дают ответы на тождественные вопросы. В статье приведены примеры из практики судебной экспертизы, которая наглядно иллюстрирует обсуждаемый вопрос. Ситуации подвергаются сравнительному анализу с учетом практики разных стран. Подводя итог, авторы делают вывод о возможном разрешении проблемной ситуации.

Ключевые слова: судебная экспертиза, объекты судебной экспертизы, судебно-экспертные учреждения.

Одной из основных и доступных форм реализации научно-технического потенциала в процессе предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, по-прежнему являются судебные экспертизы, которые, используя достижения науки и техники, обеспечивают создание объективной доказательственной базы по расследуемым уголовным делам. Согласно процессуальным законам большинства государств, факты, устанавливаемые в ходе судебных экспертиз, являются доказательствами по расследуемому делу и нередко содействуют поиску и проверке новых доказательств, способствующих воссозданию картины преступления.

Не секрет, что во многих странах действующие системы судебно-экспертных учреждений формировались в соответствии с потребностями органов исполнительной власти и ориентированы на решение задач отдельных ведомств (исключением в этом вопросе является Беларусь, Эстония, Нидерланды и др.), что абсолютно не способствует реализации принципа единообразия экспертной практики. В таких странах продолжительное время экспертные службы в разных министерствах развиваются самостоятельно, практически изолированно друг от друга. Многие из них разрабатывают собственное методическое обеспечение и самостоятельно занимаются подготовкой экспертных кадров. В результате экспертная практика не обладает единством в подходе к решению некоторых экспертных задач, а экспертные методики исследований одних и тех же объектов различны по своей сущности.

Необходимо отметить, что в целях достижения единого научно-методического подхода к экспертной практике, государственными органами принимаются меры законодательного порядка. Таким образом, в Республике Молдова (в законе №68 от 14.04.2018 о судебной экспертизе и статусе судебного эксперта) предусмотрена необходимость производства

экспертизы по утверждённой методике, а именно: «Экспертное заключение действительно при соблюдении в совокупности следующих условий <...> в числе которых значится то, что экспертиза производится посредством утвержденных методов и процедур» [1, ст. 57] .

Кажется, что все в порядке: раз процедура утверждена, то уже единообразие методического подхода к решению судебно-экспертных задач обеспечено, если бы не другая статья этого же закона, которая гласит, что «Публичным судебно-экспертным учреждениям и частным судебным экспертам, зарегистрированным в соответствии со статьей 84, обеспечить <...> в течение трех лет со дня вступления в силу настоящего закона – разработку и утверждение методов и процедур производства судебных экспертиз в соответствии со специальностью судебной экспертизы, для производства которой они авторизованы» [1, ст. 85, (4)].

Получается, что каждое судебно-экспертное учреждение разрабатывает и утверждает свои методики (в законе - методы), согласно которым эксперты, работающие в данном учреждении, будут проводить судебные экспертизы по той или иной специальности. При том, что органов, уполномоченных утверждать экспертные методики, несколько, то и методик будет несколько.

Хочется отметить то, что даже аккредитация, которая, по мнению исследователей данной проблемы [4], должна привести к гармонизации судебно-экспертной деятельности, не обеспечивает должного единого подхода к методическому обеспечению экспертных исследований. Это связано с тем, что при оценке лабораторий и присвоению им аккредитации, вообще не уделяется внимание процессу апробирования методик и правильности их применения экспертами. Орган аккредитации полностью полагается на оценку методов исследования, проведенную техническим экспертом, который, как правило, сам является бывшим судебным экспертом такой же лаборатории. Либо сам процесс аккредитации не охватывает целиком методику, а лишь определенные единичные методы (определение скорости движения, то есть количественное определение содержания того или иного вещества и т.д.). Исследования, которые сами по себе одинаковы, а условия их применения, методы оценки результатов, интерпретация и другие аспекты, имеющие решающее значение при формулировании выводов, разными методиками рассматриваются по-разному. Следовательно, и эксперты, решая те же задачи, даже при применении одинаковых методов, но разных методических рекомендаций вполне возможно, что придут (и приходят) к различным выводам.

В таких ситуациях, следствие и суд при оценке экспертных заключений встречаются с невозможностью принять или отклонить вывод эксперта и зачастую назначает третью экспертизу, которая так же может иметь вывод, не сопоставимый с первыми двумя. В качестве примера приведу случай из практики судебного почерковедения. Исследованию подлежала подпись лица в документе, представленном в копии. Копия была заверена надлежащим образом. Исследование данного объекта проводилось три раза. В судебно-экспертных учреждениях МВД эксперты сделали вывод был о невозможности решения задачи ввиду того, что подпись не представлена в оригинале. По той же причине частным экспертом вопрос был решен в вероятно-положительной форме. В судебно-экспертных учреждениях МЮ ответ был дан в положительной форме относительно воспроизводства в

КАТАРАГА О., ПЕТКОВИЧ П.

исследуемом изображении признаков почерка и подписи лица Х. Эксперты руководствовались разными методическими рекомендациями и соответственно пришли к тем выводам, которые предусматриваются данными методиками. Мы понимаем, что, с экспертной точки зрения, последние два вывода одинаковы, но в суде возникло очень много вопросов в этом отношении. В статьях по данному вопросу приведены примеры из практики судебной баллистики и других областей.

На государственном уровне многих стран имеются попытки решения этих проблем. К примеру, в Молдове, законом № 68 от 14.04.2018 о судебной экспертизе и статусе судебного эксперта, ст. 62 предусмотрено то, что «учреждением, координирующим практическую деятельность в области судебной экспертизы, является Национальный центр судебных экспертиз» [1 ст. 65, (3)]. В этой связи при Национальном центре судебных экспертиз Республики Молдова создан научно-методический Совет, среди многих задач которого является и утверждение экспертных методик исследования для включения в каталог методик [2, 5].

Но в Молдове и в других странах по причинам несовершенства законодательной базы, межведомственной разобщенности и ориентации на реализацию, прежде всего, собственных интересов, эти ведомства никак не могут достигнуть взаимопонимания по обозначенной проблеме.

В Румынии, к примеру, порядок в этом вопросе достигнут по тем специальностям СЭД, по которым лаборатории имеют аккредитацию, так как экспертизы проводятся строго только по задачам включённым в аккредитованную процедуру. Но это имеет место быть так же раздельно в системе МЮ и МВД (у каждого своя процедура) [4].

По поводу Румынии хотелось бы отметить (это не только наше мнение) [4], что СЭУ возложили на аккредитацию больше надежд, чем следует и считают требования, предусмотренные в стандарте, выше законодательных, что является ошибочным изначально. Это приводит к значительному ограничению спектра вопросов, решаемых судебным экспертом по аккредитованным специальностям, и является ущербным не только для судебной экспертизы данного рода, но и для судебного процесса в целом. Аккредитация призвана способствовать развитию области науки, но никак не ограничению действий исследователя в связи с решением экспертной задачи.

К сожалению, такое положение дел в области научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности по всем судебно-экспертным специальностям наблюдаются еще в очень многих государствах и, по нашему мнению, обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, ввиду заниженного значения научно-методического обеспечения как со стороны потребителей судебных экспертиз, так и со стороны субъектов судебно-экспертной деятельности (экспертов). Таким образом, следователи и суды даже не знают, что судебные экспертизы должны проводиться по утвержденным единым методикам (это логично), а эксперты в силу сложившихся традиций и условий работают по тем «указанным» своими наставниками методикам (или предусмотренные учебными программами), особо не вникая в данную проблему. В наилучшем случае начальники введут какую-то другую методику, которую эксперты будут использовать при производстве соответствующих экспертиз.

Во-вторых, ввиду недоработок в законодательных базах (касаемо всех государств, где наблюдаются схожие проблемы), каждое судебно-экспертное учреждение свободно в выборе той или иной методики (пример: Молдова, Румыния). Закон очень размыто предусматривает научно-методическую базу для судебной экспертизы, требования к методикам, каталогам, паспортам и т.д., что мешает разработкам принципов для единого научно-методического подхода решения схожих экспертных задач.

Нельзя исключать и того, что разногласия экспертов играют на руку нечистоплотным деятелям в правоохранительных органах и позволяют в зависимости от ситуации манипулировать ходом расследования.

И в-третьих, разный подход к профессиональной подготовке экспертных кадров и представителей органов – потребителей судебной экспертизы (следствие, суды). Это выражается в разном уровне подготовки как экспертов, так и следователей, и судей. Исходя из уровня знаний последние (следователи и судьи) будут выдвигать перед экспертами задачи, а первые – их решать.

В итоге страдает компетенция по разным видам экспертных специальностей, некоторые экспертные объекты в программах для обучения по отдельным специальностям даже не рассматриваются. В юридических вузах исключен из программы обучения курс «Судебная экспертиза». В данной ситуации говорить о практической подготовке следователей и судей, которые призваны использовать новейшие достижения науки в целях получения объективных доказательств, служащих раскрытию преступлений, не приходится.

В Молдове на законодательном уровне урегулированы единое наименование специальностей судебных экспертиз [3] и процесс допуска в профессию судебных экспертов. Законом о судебной экспертизе предусмотрена единая комиссия, которая осуществляет допуск в профессию [1, ст. 43, (1)], однако это не решает вопрос о едином подходе к решению однообразных экспертных задач, т.к. комиссия за 3 часа работы не может оценить научный потенциал кандидата и предположить, какой он применит подход к решению всех задач, с которыми он встретится в своей практической деятельности.

Выводы.

Этот пробел, по крайней мере, в Молдове, предлагается устранить путем создания Государственного реестра методических материалов и Государственного фонда методических материалов, а также введением общих принципов судебно-экспертной деятельности для всех категорий судебных экспертов через создание «национальной школы судебных экспертов». Естественно, что реализация высказанного предложения требует коррекции программ начального и дополнительного профессионального образования судебных экспертов.

Но все это необходимо упорядочить и предусмотреть в соответствующих нормативных актах, которые будут обязательны для выполнения всеми судебно-экспертными учреждениями.

Библиографический список:

1. Закон о судебной экспертизе и статусе судебного эксперта Республики Молдова. [Law on forensic examination and the status of a forensic expert of the Republic of Moldova]

КАТАРАГА О., ПЕТКОВИЧ П.

1. Постановление Правительства Республики Молдова № 1412 от 27.12.2017 о Национальном центре судебных экспертиз. [Decree of the Government of the Republic of Moldova No. 1412 of December 27, 2017 on the National Center for Forensic Examinations.]
2. Постановление Правительства Республики Молдова № 195 от 24.03.2017 об утверждении Номенклатуры судебных экспертиз. [Decree of the Government of the Republic of Moldova No. 195 dated 03/24/2017 on approval of the Nomenclature of forensic examinations.]
3. Алэморяну Сорин, др., эксперт криминалист Национального института криминалистических экспертиз, лаборатория Клуж, Румыния «Проблематика криминалистических экспертиз», 2013. [Alamoreanu Sorin, and others, Forensic Expert at the National Institute for Forensic Examination, Cluj Laboratory, Romania “The Problem of Forensic Examination”, 2013.]
4. Устав Научно-Методического Совета при Национальном Центре Судебных Экспертиз. [The Charter of the Scientific and Methodological Council at the National Center for Forensic Examination.]
5. Кокин А.В. Проблемы единого научно-методического подхода к экспертной практике, специализации экспертов и их профессиональной подготовке // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. №4-2. [Kokin A.V. Problems of a single scientific and methodological approach to expert practice, the specialization of experts and their professional training // News of TSU. Economic and legal sciences. 2017. №4-2.]

Cataraga Olga, Petkovich Piotr

**PROBLEMS OF ENSURING UNITY IN THE APPROACH TO SOLVING SOME
EXPERT PROBLEMS IN THE STUDY OF THE SAME OBJECTS**

Abstract:

In the article, the authors address the question of the need to unify judicial expertise, exemplifying the situations that may arise in case when the judicial experts differently solve similar cases. The paper contains examples from the practice of judicial expertise, through which the discussed issue is easily understood. Situations are exposed by comparative analysis, taking into account the practice of different countries. At the same time, solutions are indicated in this respect.

Key words: judicial expertise, examination's objects, judicial expert institutions.

Сведения об авторах:

Катарага Ольга, директор Национального центра судебных экспертиз Республики Молдова, старший судебный эксперт.

Петкович Петр, заместитель директора Национального центра судебных экспертиз Республики Молдова, старший судебный эксперт.

About the authors:

Cataraga Olga, director, senior judicial expert of the National Center of Judicial Expertise,

Petkovich Piotr, adjunct director, senior judicial expert of the National Center of Judicial Expertise.

ОПТИМИЗАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ МЕТОДИК КАК НЕОБХОДИМЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

ЖУРАВЛЕВА О.С.

Аннотация: в статье рассматривается современное состояние методического обеспечения экспертных исследований наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, в том числе методик по исследованию новых психоактивных соединений. Изложено мнение автора об имеющихся проблемах в данной сфере, основных недостатках существующих методик и высказаны предложения по повышению качества их содержания и валидации. Особое внимание уделено рассмотрению понятия «производных наркотических средств и психотропных веществ», исчислению количества новых психоактивных соединений, необходимости единого подхода к формированию экспертных методик и созданию системы терминологического единообразия. Оценивая состояние методического обеспечения судебно-экспертных исследований, автор отмечает его существенные недостатки в части содержания, оценки и применения, которые должны быть устранены и доработаны в целях повышения качества судебно-экспертных исследований новых психоактивных соединений.

Ключевые слова: судебная экспертиза, методики исследований, методическое обеспечение, наркотические средства, новые психоактивные вещества.

Все чаще потребителями наркотиков, а также вовлеченными в незаконный оборот наркотиков оказываются достаточно обеспеченные и социально адаптированные граждане. Таким образом, увеличивается предложение на самые разные наркотические средства и психотропные вещества. Особую опасность представляет рост активности международного наркобизнеса в отношении нашего государства. Так, более 50% всех наркотиков, изымаемых в России, поступают из Афганистана, Пакистана, Ирана, Индии, Китая, Польши, Германии, Голландии, латиноамериканских стран. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, сильнодействующих и психотропных веществ продолжает оставаться одной из наиболее важных проблем национальной безопасности. Следовательно, экспертиза «наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ» остается очень востребованной в уголовном процессе.

В современном судопроизводстве заключение эксперта зачастую является наиболее веским, объективным, а иногда и единственным доказательством по рассматриваемым уголовным делам. Появление новых объектов судебной экспертизы, развитие новых методов исследования создает необходимость разработки новых методик экспертного исследования. Информационное обеспечение судебной экспертизы является одним из основных факторов, влияющих на эффективность всего экспертного производства.

В связи с этим все чаще возникают вопросы к качеству судебно-экспертных исследований, а также структуре, порядку формирования и содержанию экспертных методик.

В общем потоке незаконно реализуемых наркотиков отдельно выделяются вещества синтетического происхождения. В 2012 - 2014 годах на нелегальном рынке психоактивных соединений широкое распространение получили синтетические каннабиноиды из групп индол – 3 карбоксамидов, индазол – 3 карбоксамидов, индол- 3 карбоксилатов, индазол – 3 карбоксилатов. Именно каннабиноиды этих групп дали в течение последних лет наибольшее количество новых психоактивных соединений (НПС) (Согласно определения Управления ООН по наркотикам и преступности, НПС - это психоактивные вещества в чистом виде или в составе препаратов, которые не контролируются Конвенцией 1961 года о наркотических средствах или Конвенцией о психотропных веществах 1971 года, но которые могут нести угрозу для здоровья населения).

Естественно, такое «бурное развитие» рынка НПС не могло не повлечь за собой ряд законодательных мер. Помимо внесения многих НПС отдельными позициями в Перечень наркотических средств и психотропных веществ (утверждён Постановлением Правительства Российской Федерации №681 от 30 июня 1998 г.), в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30 октября 2010 г. № 882 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам, связанным с оборотом наркотических средств и психотропных веществ» (далее – Постановление) к наркотическим средствам и психотропным веществам в качестве самостоятельных позиций перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, отнесены «производные» ряда наркотических средств и психотропных веществ, включенных в указанный перечень. Основная цель настоящего Постановления – это оперативное решение вопросов по установлению соответствующих мер контроля над изымаемыми в настоящее время из оборота на территории Российской Федерации новыми видами синтетических каннабиноидов или так называемых «дизайнерских наркотиков».

Одной из проблем является то, что в Постановлении не дано определение понятия «производных наркотических средств и психотропных веществ», поэтому предлагается для отнесения исследуемых соединений к «производным наркотических средств или психотропных веществ» руководствоваться следующими положениями:

1. Под «производными наркотических средств и психотропных веществ» для целей настоящего Постановления следует понимать соединения, химическая структурная формула которых образована формальным замещением одного или нескольких атомов водорода в молекуле соответствующего наркотического средства или психотропного вещества на атомы галогенов и (или) на одновалентные заместители (алкил , алкенил , галогеналкил , арил , нафтил , ацил , amino , алкил-амино , алкилтио , алкилокси-группы), и (или) на мостиковые двух-валентные заместители (алкано , алкено , алкадиено , алканокси , алка-нодиокси-группы).

2. В случае, если одно и то же соединение может быть рассмотрено как «производное» от нескольких альтернативных наркотических средств или психотропных веществ из числа, указанных в настоящем Постановлении, предпочтение следует отдавать

тому наркотическому средству (психотропному веществу), для соответствующей модификации химической структуры которого в его формулу необходимо ввести заместители с минимальным общим количеством атомов углерода.

3. К «производным наркотических средств или психотропных веществ», являющихся карбоновыми кислотами, кроме того, относятся их эфиры, ангидриды, галогенангидриды, амиды, имидазы и гидразиды [1].

Развитие рынка новых психоактивных соединений (НПС), введение новых терминов повлекло за собой расширение и методического обеспечения для исследования веществ синтетического происхождения. Только с 2010 по 2014 года появились, как минимум, 7 методических рекомендаций, в которых в качестве методов рекомендованы наиболее современные подходы к исследованию НПС: тонкослойная и газовая хроматографии, хромато-масс-спектрометрия, ИК-спектрометрия, ЯМР и др.

В первую очередь следует отметить, что вопросы методического обеспечения судебно-экспертных исследований регламентируются достаточно слабо. Федеральный закон от 31.05.2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» лишь упоминает о методическом обеспечении судебно-экспертных исследований, возлагая полномочия на эту деятельность на государственные судебно-экспертные учреждения.

Более подробно методики исследования регламентируются ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009. Основные требования, предъявляемые к методикам исследования, согласно требованиям ГОСТ, заключаются в том, что методики, как минимум, должны содержать следующую информацию: область распространения; описание типа объекта, подлежащего испытанию или калибровке; параметры или количественные показатели и диапазоны, подлежащие определению; аппаратуру и оборудование, включая требования к техническим характеристикам; требуемые исходные эталоны и стандартные образцы; требуемые условия окружающей среды и необходимый период стабилизации; описание процедуры; критерии и/или требования для принятия или непринятия результата; регистрируемые данные, метод анализа и форму представления; неопределенность или процедуру оценки неопределенности [2].

В большинстве своем методики содержат перечисление методов и условий анализа, но не указывают на критерии оценки полученных результатов. Так, в соответствии с международными принципами обеспечения качества и надлежащей лабораторной практики для отнесения вещества к одному из контролируемых предполагается, что критериями должны являться, по крайней мере, два независимых аналитических параметра, что не указано ни в одной из методик.

Несмотря на безусловную необходимость внедрения в экспертную практику современных методик исследования НПС, следует отметить и ряд важных, на наш взгляд, недостатков в их содержании, сертификации и валидации.

Отсутствует в методиках исследования новых психоактивных соединений алгоритм исчисления их количества, находящихся в смесях или нанесенных на объекты носители. Вместе с тем, это вопрос тесно связан с соотношением понятий «смесь», «следы», «наслоения вещества» и требует разъяснений [3, с.81-86].

Вызывает вопросы и алгоритм валидации методик, который не соответствует национальным и международным требованиям, предъявляемым к такого рода разработкам. Так, согласно разработанным ООН принципам обеспечения качества и надлежащей лабораторной практики, внедрение новых методов исследования или аналитической процедуры (методики) в экспертную практику должно сопровождаться проведением ее полной оценки с точки зрения чувствительности (пределы обнаружения), специфичности (неподверженность помехам) и повторяемости результатов (способность обеспечивать стабильные результаты). Если процедура используется для определения количественных показателей, то требуется продемонстрировать точность, достоверность и динамический диапазон анализа и полученные результаты отразить документально. Если необходимо сравнить две методики (например, если специалист по анализу хочет сравнить новую методику со старой), то следует использовать соответствующую статистическую процедуру для определения, имеются ли между двумя методиками существенные различия [4]. Существенным недостатком содержания методик экспертного исследования является также отсутствие алгоритмов формирования выводов по исследованиям производных наркотических средств и психотропных веществ [5, с.218-221].

В Российской Федерации решающую роль в разработке и внедрении методик играет сложившаяся практика их апробации в системе экспертных учреждений, где была разработана методика. Процедура представляет собой проверку на экспериментальном материале положений и выводов научных разработок, в результате которой подтверждается или опровергается возможность и необходимость их использования в экспертной практике [6, с.221].

Вместе с тем, для определения качества методик представляется более оптимальным использовать процедуру межлабораторных сравнительных испытаний тестовых объектов НПС, которые позволят определить диапазон и точность получаемых с помощью алгоритма методики результатов (таких как предел обнаружения, избирательность метода, повторяемость и/или воспроизводимость, устойчивость к внешним воздействиям и/или чувствительность к составу пробы / объекта испытаний).

Методическое обеспечение судебной экспертизы наркотических средств и психотропных веществ невозможно без использования средств информационного обеспечения. Иерархию информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности можно представить в виде нескольких уровней. Элементарным и в настоящее время широко применяемым в практической деятельности является использование в процессе исследований автоматизированных информационно-поисковых систем. В большинстве случаев автоматизированные информационно-поисковые системы являются средством решения экспертных задач на основе полученной информации об объектах исследования. Иногда такие задачи имеют самостоятельное значение, в других случаях они являются промежуточным результатом в решении идентификационных задач.

Проблемы методического обеспечения судебно-экспертной деятельности занимают одно из центральных мест в криминалистической и уголовно-процессуальной литературе. Повышенное внимание к структуре, порядку формирования и содержанию экспертных

методик объясняется необходимостью оптимизации использования специальных знаний в судопроизводстве, исключения большинства возможных экспертных ошибок.

Основные предложения по оптимизации структуры и порядка использования экспертных методик касаются необходимости их сертификации. Так, Е.Р. Россинская отмечает, что применение сертифицированных методик экспертных исследований, единых квалификационных требований к экспертам соответствующих экспертных специальностей в государственных судебно-экспертных учреждениях, независимо от их ведомственной принадлежности, а также в негосударственных учреждениях, занимающихся судебно-экспертной деятельностью, даст реальную возможность получения при экспертном исследовании одних и тех же объектов сопоставимых результатов, характеризующихся необходимой точностью, надежностью и воспроизводимостью [7].

Необходимость единого подхода к формированию экспертных методик в полной мере касается и исследования наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ.

Ю.К. Орлов предлагает рассматривать в качестве формальных оснований оценки надежности экспертной методики авторитетность учреждения, разработавшего ее, когда и кем апробирована, каким органом одобрена и рекомендована к применению [8, с.143].

Отсутствие единого подхода к возможности использования методов базовых наук без дополнительного нормативного закрепления и апробации, а также предъявление безусловного требования к утверждению методики, приводит к тому, что эксперт лишается права выбора наиболее эффективного и оптимального метода исследования и вынужден следовать рекомендациям утвержденной, но, зачастую, устаревшей методики. В этой связи представляется целесообразным разработать общие основания и критерии допустимости использования традиционных и апробированных методов базовых наук, результативность которых не вызывает сомнений. Подобный подход к методическому обеспечению, например, предусмотрен рекомендациями по исследованию наркотиков, разработанными группой экспертов Международного комитета по контролю наркотиков Организации Объединенных Наций, направленных на выявление индивидуальных соединений. Рекомендации содержат подходы, которые могут помочь эксперту выбрать метод, подходящий для исследуемой им пробы. Эксперт, как отмечается в руководствах, может выбрать любой из методов, описанных в руководстве, поскольку каждый метод обеспечивает надежную аналитическую информацию по образцам, к которым он был применен. Каждый метод применялся в течение нескольких лет в пользующихся признанием лабораториях судебной экспертизы и описан в научной литературе. В руководствах указано, что не все перечисленные методы нужно применять ко всем пробам, поскольку выбор методологии и подхода к проведению анализа остается за экспертом. Выбор методов исследования может зависеть, например, от характеристики проб, типа имеющейся аппаратуры. Более сложные методы необходимы только для некоторых случаев экспертизы, таких как сравнение проб или определение типологии. Однако, необходимо отметить, что методики, разработанные для исследования наркотических средств и психотропных веществ, за редким исключением имеют целью дифференциацию наркотических средств и психотропных веществ и не предполагают

возможности их сравнительного исследования. Но даже имеющие место редкие попытки разработки идентификационных методик, предусматривают возможность только вероятных выводов эксперта. Представляется, что разработка идентификационных методик должна стать одним из приоритетных направлений в научных исследованиях наркотических средств и психотропных веществ.

Автоматизация значительного массива справочных данных, в том числе и натуральных коллекций, и сопровождающаяся обеспечением доступа, позволяет восполнить недостаток информации, имеющийся в экспертных подразделениях и усиливающийся по мере удаления от ведущих экспертных учреждений.

Единые требования, предъявляемые к экспертным методикам должны касаться и терминологического единообразия. Вместе с тем, тексты большинства методических рекомендаций не соответствуют понятийному аппарату теории судебной экспертизы. Однако нормативная регламентация не касается терминологии методик, используемых при судебных экспертных исследованиях. Вместе с тем, следует отметить, что тексты значительного количества методических рекомендаций не соответствуют понятийному аппарату теории судебной экспертизы [9, с.105-108]. Так, например, в текстах методических рекомендаций [10] встречается словосочетание «идентификация веществ», употребляемое в химии, но не приемлемое для судебно-экспертных исследований.

В целях указания на определение конкретного вещества более приемлемым представляется термин «диагностика» вещества или наркотического средства. Более корректно следует употреблять и термины, обозначающие наркотические средства. Например, термин «героин» в методических рекомендациях употребляется в трех разных значениях, как «диацетилморфин», «продукт ацетилирования морфина» и, предназначенная для употребления «смесь, содержащая продукт ацетилирования морфина» [11]. Представляется, что поскольку методики и методические рекомендации разрабатываются в целях производства судебно-экспертных исследований, терминология данных документов должна соответствовать терминологии, принятой в теории судебной экспертизы.

Таким образом, требования, предъявляемые к методикам экспертного исследования, должны быть производными от целевого назначения и, предлагаемых к решению, классификационных, диагностических или идентификационных экспертных задач.

На сегодняшний день эксперты, имеющие специализацию «экспертиза наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ», столкнулись с проблемой нормативно-методического характера. За последние годы выпущен ряд методических рекомендаций об исследовании НПС [12]. Все они подробно объясняют структуру НПС, варианты возникновения производных, масс-спектры и т.д. В методиках рассмотрены все методы исследования НПС: тонкослойная и газовая хроматографии, хроматомасспектрометрия, ИК-спектрометрия, ЯМР. В связи с отсутствием образцов постоянно возникающих новых веществ, эксперт вынужден опираться на методы, в основу которых положены базовые библиотеки. Поэтому довольно часто в экспертной практике возникают ситуации, когда согласно разным номенклатурам органических соединений название производных наркотических средств и психотропных веществ

ЖУРАВЛЕВА О.С.

звучит по-разному. В таких случаях от эксперта требуются и знания, и опыт, и навыки работы по отнесению исследуемого вещества к тому или иному виду наркотических средств или психотропных веществ.

Представляется, что в самом общем виде к методикам экспертного исследования объектов должны быть применимы все сформулированные принципы построения, разработанные криминалистической наукой:

- теоретическая обоснованность;
- общность и конкретность;
- этапность;
- ситуационность и многовариантность.

В предлагаемых к использованию в экспертной деятельности методиках считаем целесообразным указывать следующее:

- задачи экспертного исследования, решаемые с использованием рекомендаций;
- принципы использования рекомендаций; указание на выбор методов и подхода к проведению исследования; имеет ли методика жесткий регламент, или выбор методов исследования из предложенной совокупности остается за экспертом;
- описание каждого из методов исследования с указанием на общие принципы пробоподготовки; чувствительность метода исследования; диапазон или регламент параметров использования;
- указание на количество и совокупность независимых аналитических параметров, необходимых для формулирования определенного вывода.

Таким образом, если, например, методика исследования наркотических средств опийной группы отработана по шагам до мелочей, алгоритм исследования жесткий и вывод однозначный, то сейчас при исследовании НПС мы имеем практически полное методическое отсутствие правильного алгоритма формирования выводов. Наряду с отсутствием опыта и навыков экспертной деятельности по специальности «Экспертиза наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ» это может привести к ошибочному отнесению (определению) объекта исследования.

Еще одной проблемой использования методик исследования НПС является отсутствие надлежащего оснащения большого количества экспертных лабораторий в районных подразделениях правоохранительных органов. Таким образом, возникают ситуации, когда есть что исследовать (объекты), есть методические рекомендации, но выполнить весь алгоритм исследования, указанный в них, не представляется возможным. Как следствие, исследование представленных объектов выполняется не полно, что иногда приводит к формированию неполных или ошибочных выводов.

Основываясь на складывающейся в России ситуации в сфере потребления наркотиков необходимо отметить, что проблемы исследования производных наркотических средств и психотропных веществ и дополнение соответствующих методических рекомендаций алгоритмами формирования выводов продолжают оставаться актуальными в целях расследования уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Таким образом, оценивая состояние методического обеспечения судебно-экспертных исследований можно отметить его существенные недостатки в части содержания, оценки и применения, которые должны быть устранены и доработаны в целях повышения качества судебно-экспертных исследований новых психоактивных соединений.

В заключение отметим, что стремление к унификации и стандартизации методик экспертного исследования не исключает эвристического подхода к решению нетипичных экспертных задач, при котором эксперт может использовать научно обоснованные и апробированные аналитические методы.

Библиографический список/References:

1. Методические подходы по отнесению соединений к «производным наркотических средств и психотропных веществ», разработанные ЭКЦ МВД РФ в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30 октября 2010 г. №882 [Methodological approaches to classifying the compounds to the «derived narcotic drugs and psychotropic substances», developed by the forensic science center of Ministry of internal Affairs of the Russian Federation in accordance with the decree of the Government of the Russian Federation of 30 October 2010 No. 882 (In Russ.)].
2. ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009. «Межгосударственный стандарт. Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий» (вместе с «Руководящими указаниями по применению в отдельных областях») (введен в действие Приказом Росстандарта от 04.04.2011 N 41-ст) [GOST ISO/IEC 17025-2009. «Interstate standard. General requirements to competence of testing and calibration laboratories» (together with «Guidelines on application in separate areas») (entered into force by the order of Rosstandart of 04.04.2011 N 41-St) (In Russ.)].
3. Иванова Е.В. К вопросу о порядке исчисления количеств наркотических средств при расследовании уголовных дел и административных правонарушений/ Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. - № 3 [Ivanova E.V. On the order of calculation of quantities of narcotic drugs in the investigation of criminal cases and administrative offenses / Laws of Russia: experience, analysis, practice. - 2008. - № 3 (In Russ.)].
4. Рекомендуемые принципы обеспечения качества и надлежащей лабораторной практики / Руководство для национальных лабораторий. – ООН, Нью-Йорк, 2000 [Recommended principles for quality assurance and good laboratory practice / Guidelines for national laboratories. - UN, New York, 2000 (In Russ.)].
5. Журавлева О.С. Проблемы формирования выводов по результатам экспертиз производных наркотических средств и психотропных веществ - сборник научных статей участников VI всероссийской науч.-практ. конф. с междунауч. участием – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2017 [Zhuravleva O.S. Problems of drawing conclusions on the results of

- examinations of derivatives of narcotic drugs and psychotropic substances-collection of scientific articles of participants of the VI All-russian scientific and practical conference with international participation-Kolomna: State social and humanitarian university, 2017 (In Russ.)).
6. Основы судебной экспертизы. – М., РФЦСЭ, 1997 [Fundamentals of forensic examination. – Moscow, Federal center of forensic expertise, 1997 (In Russ.)].
 7. Москвина Т.П., Россинская Е.Р. Сертификация методического обеспечения судебных экспертиз - реальный путь совершенствования негосударственной судебно-экспертной деятельности / Юстиция, №3, 2006 [Moskvina T.P., Rossinskaya E.R. Certification of methodological support of forensic examinations - a real way to improve non-state forensic activities / Justice, №3, 2006 (In Russ.)].
 8. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. – М., 2005 [Orlov K.Y. Forensic examination as a means of proof in criminal proceedings. - M., 2005 (In Russ.)].
 9. Иванова Е.В. О методическом обеспечении новых родов, видов судебных экспертиз / Методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз: материалы Международной научно-практической конференции, М., 2014 [Ivanova E.V. On methodological support of new genera, types of forensic examinations / Methodological, legal and organizational problems of new genera (types) of forensic examinations: proceedings of the International scientific-practical conference, M., 2014 (In Russ.)].
 10. Гладырев В.В., Дроздов М.А., Кедыс Д.Н., Латыгин В.Н., Мелкозеров В.П и др. Экспертное исследование курительных смесей, содержащих наиболее распространенные синтетические каннабиноиды: методические рекомендации / М.: ЭКУ 9 Департамента Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, 2010 г. [Gladyshev V.V., Drozdov M.A., Kedes D.N., Ladygin V.N., Melkozerov V.P. Expert in the study of smoking mixtures containing synthetic cannabinoids are the most common: methodical recommendations / M: 9 of Department of Federal drug control service of the Russian Federation, 2010 (In Russ.)].
 11. Иванова Е.В. Специальные знания о наркотических средствах в судопроизводстве России. - М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009 [Ivanova E.V. Special knowledge about drugs in the proceedings of Russia - M.: Publishing House «Yurlitinform», 2009 (In Russ.)].
 12. Экспертное исследование синтетических каннабиноидов. Общая схема определения. Производные индол- и индазол-3-карбоновых кислот. Методические рекомендации МВД РФ и ФСКН РФ, Екатеринбург, 2014 г. [Expert in the study of synthetic cannabinoids. General scheme of definition. Derivatives of indole-and indazole-3-carboxylic acids. Guidelines of the interior

Ministry and Federal drug control service of the Russian Federation, Ekaterinburg, 2014 (In Russ.)].

Zhuravleva O. S.

OPTIMIZATION OF FORMATION OF EXPERT METHODS AS A NECESSARY FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF HIGH-QUALITY FORENSIC EXAMINATIONS

Abstract: The article deals with the current state of methodological support of expert research of narcotic drugs, psychotropic and potent substances, including methods for the study of new psychoactive compounds. The author's opinion on the existing problems in this area, the main shortcomings of existing methods and suggestions to improve the quality of their content and validation. Particular attention is paid to the concept of "derivatives of narcotic drugs and psychotropic substances", the calculation of the number of new psychoactive compounds, the need for a unified approach to the formation of expert techniques and the creation of a system of terminological uniformity. Assessing the state of methodological support of forensic research, the author notes its significant shortcomings in terms of content, evaluation and application, which should be eliminated and improved in order to improve the quality of forensic research of new psychoactive compounds.

Keywords: forensic examination, research methods, methodological support, drugs, new psychoactive compounds.

Сведения об авторе:

Журавлева О. С., старший преподаватель кафедры криминалистики и уголовного процесса юридического факультета Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» (ГОУ ВО МО «ГСГУ», РФ, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30), oksana-zhurava@yandex.ru.

About the author:

Zhuravleva O. S., senior lecturer of the Department of Criminalistics and criminal procedure of the law faculty, State Educational Institution of Higher Education of Moscow Region State University of Humanities and Social Studies.

ДЬЯКОНОВА О.Г.

Аннотация: проблема выбора эксперта в судопроизводстве связана, в том числе, и с выбором экспертной организации. Действующие в России государственные судебно-экспертные организации входят в качестве структурных элементов — учреждений — в ту или иную ведомственную систему, что не позволяет характеризовать экспертов, осуществляющих экспертные исследования, как независимых и самостоятельных. В статье рассматривается вопрос, периодически поднимающийся в научных публикациях и обсуждаемый на научно-практических конференциях, посвященный необходимости создания единого федерального органа, который должен объединить все государственные судебные экспертные организации страны. Автор делает попытку дать ответ на этот вопрос, проанализировав мнения ученых и практику работы таких органов, существующих в ряде стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Делается вывод об отсутствии необходимости создания такого органа в России, поскольку его достаточно сложно будет охарактеризовать как организацию, обеспечивающую реальную независимость и самостоятельность — принципиальные положения деятельности эксперта. Существующие в России системы экспертных учреждений являются исторически обусловленными, имеют немалый опыт и перспективы совершенствования. Решение проблем, ради которых авторы предлагают создание единой экспертной службы, следует искать в создании унифицированного научно-методического обеспечения, выверенной системы валидации и сертификации экспертных методик, аккредитации экспертных организаций и сертификации компетентности эксперта. Эти направления деятельности могут стать функциями независимой от ведомств и органов государственной власти организации, например, ассоциация судебных экспертов или федеральной палаты судебных экспертов.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, единая экспертная служба, система государственных судебно-экспертных учреждений.

Широкий круг проблем при назначении и производстве судебной экспертизы в судопроизводстве¹ для удобства исследования можно разделить на несколько групп, одну из которых можно обозначить следующим образом: процессуальные вопросы назначения судебной экспертизы, связанные с выбором кандидатуры эксперта или экспертной организации. Данная группа представляет собой целый комплекс нерешенных вопросов, каждое из государств-членов ЕАЭС пытается решить их по-своему, в том числе и посредством организации системы экспертных учреждений.

¹ Здесь и далее под судопроизводством понимаются и досудебные стадии уголовного процесса, а также судопроизводство по гражданским (в т.ч. арбитражным), административным делам, по делам об административных правонарушениях, рассматриваемых должностными лицами соответствующих компетентных органов и судом.

В России на сегодняшний день действуют экспертные учреждения в различных ведомствах: Минюста, МВД, ФСБ, Минздрава, Минобороны, ФТС и других. Каждая система имеет собственную структуру, отвечает признаку централизованности. Помимо этого, процессуальное законодательство России позволяет суду и заинтересованным участникам процесса обратиться за проведением судебной экспертизы (или экспертного исследования вне судопроизводства) к так называемым негосударственным экспертам или экспертным организациям. Действующий ФЗ о ГСЭД крайне слабо регламентирует деятельность указанных «негосударственных» экспертов, следствием чего напрямую являются проблемы с выбором кандидатуры эксперта или экспертной организации.

В Республике Беларусь экспертная деятельность осуществляется государственными судебно-экспертными учреждениями, организациями, не являющимися государственными судебно-экспертными учреждениями, индивидуальными предпринимателями. Среди государственных судебно-экспертных учреждений Республики Беларусь главное место занимает Государственный комитет судебных экспертиз (с 2013 года), подчиненные ему таможенные лаборатории, институт повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь, а также государственные судебно-экспертные учреждения (подразделения), созданные в установленном законодательством порядке [3, 4]. Помимо «названного Государственного комитета, судебные экспертизы проводятся в органах Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Государственном пограничном комитете Республики Беларусь, Государственном таможенном комитете Республики Беларусь, а также юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, получившими лицензии на осуществление судебно-экспертной деятельности в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 01.09.2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности». Кроме этого, экспертизы могут проводить лица, имеющие необходимые специальные знания (познания) в разовом порядке» [20, с.117].

Путь к созданию единого комитета судебных экспертиз был достаточно долгим. Анализируя организацию производства судебно-медицинских экспертиз, А. И. Швед отмечает, что «не в полной мере соотносилось с задачами Министерства здравоохранения Республики Беларусь производство судебных медицинских экспертиз... ознаменовался постепенный выход подразделений судебно-медицинских экспертиз из подчинения Минздрава... В 1998 году указанная служба полностью была выделена из системы Минздрава и подчинена непосредственно Правительству Республики Беларусь, а с декабря 2001 года – Генеральному прокурору Республики Беларусь. Таким образом, судебно-экспертная деятельность со временем приобретала все большую самостоятельность... Новая система государственных органов объединила экспертные подразделения органов внутренних дел, Государственной службы медицинских судебных экспертиз, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Министерства юстиции, Министерства обороны Республики Беларусь» [28].

В Республике Казахстан с 1997 года функционирует Центр судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, в структуру которого входят институты судебных экспертиз (территориальные подразделения). По мнению С.Ф. Бычковой,

ДЪЯКОНОВА О.Г.

«передача функции производства судебной экспертизы от органов уголовного преследования единой экспертной системе стала революционным, не имеющим аналогов в практике других государств, шагом, направленным на усиление обеспечения прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» [13, с.39].

По закону Республики Казахстан 2010 года [1] к органам судебной экспертизы относились органы судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, в полномочия которых входит проведение судебной экспертизы, в том числе судебно-медицинской, судебно-наркологической и судебно-психиатрической экспертиз (ст.20 Закона №240-IV). 3 февраля 2017 года было принято Постановление Правительства Республики Казахстан [5], которым произведена реорганизация республиканское государственное казенное предприятие «Центр судебной медицины Министерства юстиции Республики Казахстан» путем присоединения к нему государственного учреждения «Центр судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан». В настоящее время судебно-экспертную деятельность осуществляет республиканское государственное казенное предприятие «Центр судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан». «Центр судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан» является некоммерческой организацией, обладающей статусом юридического лица, созданной в организационно-правовой форме учреждения для осуществления функций по производству судебной экспертизы по уголовным, гражданским делам и делам об административных правонарушениях, проведению научных исследований, научно – методического и учебно-методического обеспечения судебной экспертизы, а также координации судебно-экспертной деятельности с негосударственным сектором судебной экспертизы [2].

Система государственных судебно-экспертных организаций в Республике Армения так же, как и в Российской Федерации, не имеет единого центра судебных экспертиз, представляет собой совокупность организаций, каждая из которых обладает компетенцией на производство определенного класса судебных экспертиз. Действующими на сегодня являются: Государственная некоммерческая организация «Экспертный центр Республики Армения» при Минюсте РА (в 1971 году получила статус государственного учреждения «Научно-исследовательская лаборатория судебных экспертиз Министерства юстиции АССР», в указанном статусе действует с 2002 года, проводит 15 видов и 46 подвидов экспертиз); Государственная некоммерческая организация «Национальное бюро экспертиз» (была создана 22 июля 2004 года решением правительства Республики Армения за № 1127-Н); Государственная некоммерческая организация «Научно-практический центр судебной медицины» Минздрава РА, осуществляющая производство судебно-медицинских экспертиз всех видов, а также комплексных экспертиз с применением медицинских знаний.

М. С. Алексанян, помимо указанных пишет об Экспертно-криминалистическом управлении полиции РА (правопреемник ЭКО бывшего МВД РА), а также постоянно действующими, по сути экспертными, структурами являются также наркологическая клиника (наркологическая комиссия клиники) ЗАО «Психиатрический медицинский центр» Минздрава РА, межведомственные комиссии стационарной и амбулаторной

судебно-психиатрических экспертиз [7, с.157]. Следует отметить отличительную черту данных организаций — их нельзя строго разграничить по определенным видам экспертиз, поскольку один и тот же вид экспертиз может проводиться в разных государственных организациях. Например, почерковедческая экспертиза может быть назначена в Экспертный центр Республики Армения или в Национальное бюро экспертиз, а повторная судебно-медицинская экспертиза как в Научно-практический центр судебной медицины, так и в Национальное бюро экспертиз.

В Кыргызской Республике действует Государственный центр судебных экспертиз при Минюсте Кыргызской Республики, который является правопреемником Фрунзенской научно-исследовательской криминалистической лаборатории, которая входила в состав научно-исследовательского сектора Киргизского государственного университета. В настоящее время указанный центр является специализированным государственным судебно-экспертным учреждением, находящимся в непосредственном подчинении Министерства юстиции Кыргызской Республики, проводит криминалистические, инженерно-технические, экономические экспертизы по заданиям судебно-следственных органов и научные исследования на основе специальных познаний по заданиям судебных и правоохранительных органов. Помимо этого, в республике осуществляют судебно-экспертную деятельность Республиканский центр судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения Кыргызской Республики, Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Кыргызской Республики.

Среди негосударственных экспертных организаций Кыргызской Республики можно отметить Негосударственную судебно-экспертную организацию «Независимый центр негосударственной судебной экспертизы», проводящий досудебные экспертизы (по договору возмездного оказания услуг), а также судебные экспертизы, кроме экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями.

В свое время многие авторы высказывались *о создании единой экспертной службы (единого органа)*, при обращении в которую могли бы назначаться экспертизы в рамках любого судопроизводства, но преимущественно, уголовного (В. М. Быков, В. В. Степанов, С. А. Смирнова и др.) [12, с.30]. М. В. Парфенова и О.В. Янчуркин предлагают создать единый экспертный орган на базе Минюста России, и поддерживают передачу государственных судебно-медицинских учреждений из ведения субъектов в ведение Минздрава России [23, с.369].

По мнению С. М. Плешакова, в России необходим единый судебно-экспертный орган, имеющий много преимуществ перед сегодняшней ситуацией ведомственной разобщенности. «Речь идет не только об устранении излишнего дублирования функций, но и о сосредоточении в одной государственной структуре всех ведомственных экспертных служб, которые стали бы функционировать по единым технологиям с более высокой производительности экспертного труда, причем реально независимо от органов предварительного расследования» [24, с.10, 17-18]. Представляется, автор переоценивает реальность независимости единой экспертной службы от органов предварительного расследования, упуская важный аспект, что делать в случае, когда руководитель «единой

экспертной службы» и его заместители окажутся заинтересованными в проводимой этим учреждением экспертизой.

Для решения этого вопроса, не конкретизируя этот аспект, указанный автор отмечает, что создание такого органа не должно препятствовать тому, что соответствующие ведомства имели специалистов, которые бы оказывали помощь следователям в использовании специальных знаний [24, с.18]. С учетом тенденции развития законодательства, пробелах и коллизиях регламентации использования специальных знаний, реализация такого предложения вполне может повлечь и дублирование функций, посредством замещения судебной экспертизы деятельностью специалиста, что недопустимо.

По мнению С. М. Плешакова, судебно-экспертную систему можно было бы представить следующим образом: федеральный центр судебной экспертизы (центральный аппарат и система местных учреждений, в том числе межрегиональных, межрайонных); негосударственные СЭУ; отдельные эксперты, осуществляющие судебно-экспертные исследования по поручениям любых заинтересованных участников уголовно-процессуальной деятельности. В подтверждение своих слов автор приводит результаты анкетирования сотрудников экспертных учреждений системы МВД России и Минюста России, по которому 60 % опрошенных поддержали инициативу создания единой экспертной службы [24, с.18].

П. А. Высоцкий полагает, что создание единой экспертной службы под эгидой Минюста России «позволило бы исключить ведомственную разобщенность экспертных служб и их зависимость от заказчиков исследований, существенно расширить потенциал экспертных исследований, обеспечить рациональное использование материальных средств и кадров, усовершенствовать правовую основу организации судебной экспертизы. В то же время приходится учитывать, что создание единой экспертной службы потребует значительной перестройки в руководстве деятельностью экспертных учреждений и служб, которые функционируют сегодня в системах различных министерств и ведомств, где производство экспертных исследований имеет свою специфику. Поспешное осуществление реорганизации причинит только вред. Поэтому создание единой государственной экспертной службы может рассматриваться как дело перспективное, органически связанное с развитием судебной экспертизы, с необходимостью организационного укрепления и развития экспертных учреждений системы Министерства юстиции» [15].

Весьма оригинальные условия выделяет указанный автор «для достижения этой цели...: уравнивать статус и уровень материально-технического обеспечения судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции со статусом и соответствующим обеспечением экспертных служб, функционирующих в системах органов внутренних дел и безопасности России; осуществлять финансирование судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции из раздела в порядке, предусмотренном для финансирования деятельности правоохранительных органов» [15]. Представляется, что в первые несколько десятков лет никакой экономии и «рационального использования материальных средств и кадров» при создании такого органа не получится. Кроме того, слабо верится в то, что

другие ведомства «с радостью» сложат с себя полномочия по организации экспертных служб и переведут своих экспертов под эгиду Минюста России.

С инициативой о создании единой службы Минюст России выступил еще в 2005 году. Об этом в интервью В. Мартынов высказался предельно ясно: «Представители Минюста обосновывают свою идею тем, что в случае ее реализации исчезнет дублирование функций, будут сэкономлены значительные средства. Но умалчивают о другой стороне предлагаемой реформы. Будет создан такой монстр, которому никакой реальной альтернативы не будет. Все государственные экспертизы будут назначаться в одном ведомстве. Сейчас нередко в одном деле выступают эксперты МВД и Минюста. Две разные экспертизы, есть состязательность уголовного процесса. Это способствует установлению истины, уменьшает возможность ошибки. Если все окажется под крышей одного ведомства, ничего этого не будет, зато сразу встанет проблема корпоративности» [19]. В. Мартынов затронул действительно важный вопрос, касающийся реализации состязательности при использовании специальных знаний в судопроизводстве.

В гражданском и арбитражном процессе постепенно преодолевается барьер закостенелости и пассивности лиц, участвующих в деле, в том числе и за счет привлечения специалистов и обращения к экспертам. Конечно, в соответствии с законодательством, эти попытки не приравниваются к аналогичным решениям органов (лиц), ведущих процесс, но это хотя бы первый шаг в правильном направлении. В уголовном процессе только на стадии судопроизводства есть возможность противопоставить специальные знания одного лица специальным знаниям другого, в рамках предварительного расследования, заинтересованные участники уголовного процесса практически скованы волей следователя (дознателя).

Полагаем, что прежде чем реформировать систему экспертных учреждений, следовало бы изучить и оценить опыт соседних государств.

Проведенный П. П. Смольяковым сравнительный анализ деятельности негосударственных экспертных учреждений странах СНГ, позволяет сделать вывод о том, что функционирование таких институтов может быть как абсолютно бесконтрольным (как в России), так и быть подконтрольным государству, вплоть до регламентации организации производства экспертных исследований (как в Беларуси) [26, с.39]. Полагаем, что существует и золотая середина между бесконтрольностью и тотальным контролем, ее достижение зависит от ряда причин и условий, способствующих развитию здоровой конкуренции на основе принципиальных задач экспертной деятельности.

Так, в 1997 году в Республике Казахстан был создан Центр судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан (Центр СЭ МЮ РК). «Целью послужило создание единой экспертной системы, в основу которой легли соблюдение принципов независимости эксперта от системы уголовного преследования в Республике Казахстан». «Корни» Центра СЭ МЮ РК лежат в созданной в 1951 г. Алма-Атинской научно-исследовательской криминалистической лаборатории при Юридической комиссии Совета Министров Казахской ССР, создание которой ознаменовало начало развития научного направления судебной экспертизы в Казахстане [27, с.415].

Как пишет И. Ш. Борчашвили, идеи Н. Назарбаева «о совершенствовании судебно-экспертной системы легли в основу Государственной программы дальнейшей модернизации правоохранительной системы Республики Казахстан на 2014-2020 годы, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 31 декабря 2013 года, а также Плана мероприятий по ее реализации, принятого постановлением Правительства Республики Казахстан от 1 апреля 2014 года. Более того Государственной программой предусмотрен ряд мер, направленных на консолидацию экспертных функций в одном ведомстве – Министерстве юстиции, путем передачи функций из Министерства здравоохранения по производству судебно-медицинских экспертиз в 2014 году, судебно-наркологических экспертиз в 2015, судебно-психиатрических экспертиз в 2016 году» [11, с.12]. И. Ш. Борчашвили полагает, что судебно-экспертная система Республики Казахстан развивается по пути Белоруссии, в которой функционирует Государственный комитет судебных экспертиз, объединивший все экспертные учреждения страны [11, с.12]. Таким образом, «производство судебной экспертизы может быть поручено лишь лицам, указанным в ч.ч. 1 и 2 ст.273 УПК РК и Законе РК «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан», а именно: а) сотрудникам органов судебной экспертизы; б) лицам, осуществляющим судебно-экспертную деятельность на основании лицензии, в) в разовом порядке — иным лицам, обладающим специальными знаниями, которым суд поручил производство судебной экспертизы» [9, с.44].

Однако далеко не все авторы разделяют позитивные перспективы развития единой экспертной службы. Л. Ф. Парамонова констатирует, вслед за другими авторами, что «в настоящее время в Казахстане проведение судебных экспертиз монополизировано одним государственным учреждением, что негативно влияет на сроки и качество проводимых экспертиз, ведет к снижению темпов развития как судебной экспертизы в целом, так и отдельных видов судебно-экспертного исследования, не позволяет реализовать принципы состязательности и равноправия сторон при осуществлении судопроизводства по уголовным и гражданским делам» [22, с.314]. Л. Ф. Парамонова поднимает проблему, на которую мы уже указывали. Действительно, монополизация в любой сфере деятельности приводит к ухудшению качества, повышению стоимости, затягиванию сроков выполнения и прочим недостаткам, а в области судебной экспертизы негативно повлияет и на развитие состязательности и иных принципиальных основ судопроизводства.

Фактически, монополизация экспертной деятельности способна серьезно воспрепятствовать развитию так называемых негосударственных экспертных организаций. Однако ненадлежащий уровень квалификации негосударственных судебных экспертов, возможная небеспристрастность и ангажированность являются причинами необъективного исследования и, как следствие, получения «нужного» вывода являются иногда спутниками негосударственных экспертных учреждений [25, с.139]. Справедливо отмечая недостатки, С. Б. Россинский выделяет и положительные моменты деятельности негосударственных экспертных учреждений, например, возможность проведения гибкой организационно-кадровой политики и использования более широкого круга методик и методов исследования [25, с.139], что возможно, не будучи связанными ведомственной принадлежностью.

Р. Г. Зорин, В.С. Соркин, комментируя создание ГКСЭ в РБ пришли к следующим выводам: 1) создание Государственного комитета судебных экспертиз в Республике Беларусь является одним из направлений реализации судебно-правовой реформы наряду с иными аспектами, а именно концентрация всех экспертных подразделений в одном ведомстве (примером также может служить создание Следственного комитета Республики Беларусь с 01.01.2012 г.); 2) существование Государственного комитета судебных экспертиз включает как теоретическое, так и практическое обоснование необходимых апробированных практикой исследований в части использования специальных знаний для раскрытия преступлений и реализации задач уголовного судопроизводства; 3) создание Государственного комитета судебных экспертиз предполагает надлежащее методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности и обязывает совершенствовать процедуру подготовки и переподготовки экспертных кадров [18, с.195]. Эти авторы считают наиболее оптимальной существующую в настоящее время практику назначения и производства судебных экспертиз в ГКСЭ Республики Беларусь.

А. Ф. Волинский, анализируя деятельность Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (ГКСЭ РБ), объединившего все судебно-экспертные учреждения (СЭУ) страны, выделил ключевые моменты, характеризующие концепцию этой реформы. «Во-первых, обращает на себя внимание абсолютная централизация всей системы государственных судебно-экспертных учреждений Республики Беларусь в форме ГКСЭ РБ. Статус данного Комитета определен как военизированной организации, подчиненной непосредственно Президенту этой страны, который назначает его председателя и заместителей. Финансируется ГКСЭ РБ из республиканского бюджета и иных не запрещенных источников. Во-вторых, кратко и конкретно обозначены задачи ГКСЭ РБ: реализация единой государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности, осуществление судебно-экспертной деятельности; подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров; совершенствование судебно-экспертной деятельности; внедрения в нее достижений науки и техники, положительного опыта; организация и развитие международного сотрудничества в сфере судебно-экспертной деятельности. В-третьих, соответственно задачам определены функции ГКСЭ РБ. В их числе производство всех видов судебных экспертиз по уголовным, гражданским делам и административным производствам; проведение исследований по материалам органов, осуществляющих дознание, оперативно-розыскную деятельность; ведение криминалистических учетов и коллекций и др» [14, с.121].

При этом А. Ф. Волинский подчеркивает, что деятельностью ГКСЭ РБ «явно осложняется реализация принципа состязательности в уголовном процессе и конкурентное участие в нем судебных экспертов. Частные судебные эксперты и судебно-экспертные учреждения вряд ли достойно могут выступать против мощной государственной системы, к тому же имеющей такой действенный рычаг влияния на них, как лицензирование их деятельности. При этом явно ограничиваются возможности адвокатов воспользоваться услугами экспертных учреждений ГКСЭ РБ — внутриведомственную корпоративность указом не отменишь» [14, с.121]. Тем не менее, он считает, что «пока рано высказывать категорические оценочные суждения о реформе

судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь, тем более воспринимать ее как пример для подражания в условиях нашей страны, обладающей принципиальными территориальными, демографическими, экономическими, правовыми и тому подобными особенностями». В качестве варианта, он предлагает «на базе ЭКП ОВД создать общую, единую для всех правоохранительных министерств и ведомств нашей страны судебно-экспертную службу, с возложением на нее задач по производству криминалистических и близко к ним примыкающих, наиболее часто назначаемых инженерно-технических, экономических, взрывотехнических, биологических и тому подобных экспертиз. На нее же следовало бы возложить ведение криминалистической регистрации, которая по существу уже стала межведомственной и, конечно, участие экспертов в производстве следственных действий по приглашению (вызову) следователя, но только при расследовании тяжких и наиболее тяжких преступлений и непременно с учетом профиля их специальных знаний. При этом, конечно, сохраняется как альтернативная система судебно-экспертных учреждений Минюста России, должно быть обеспечено дальнейшее развитие системы частных судебно-экспертных учреждений» [14, с.123].

Кроме того, по мнению Т. В. Аверьяновой и А. Ф. Волынского следует создать «институт специалистов-криминалистов во всех службах правоохранительных министерств и ведомств, непосредственно решающих задачи раскрытия и расследования преступлений. Они должны работать не на формальные отчеты о количестве выездов на осмотры мест происшествий и проведенных исследований, а на следователя и оперативного работника. При этом, что принципиально важно, будет обеспечена их специализация с учетом профиля деятельности указанных министерств и ведомств», «общая задача этих специалистов – обеспечить технико-криминалистическое сопровождение всего процесса раскрытия и расследования преступлений» [6, с.26].

Ф. Г. Аминев предлагает реорганизовать существующие судебно-экспертные организации следующим образом: «судебные эксперты выводятся вместе с экспертным оборудованием и другим обеспечением из этих ведомств и вводятся в единый государственный центр судебной экспертизы, а на базе имеющихся судебно-экспертных учреждений правоохранительных ведомств образуются технико-криминалистические подразделения, оснащенные современным криминалистическим оборудованием по собиранию, предварительному исследованию следов и иных вещественных доказательств» [8, с.211]. В свою очередь он разработал концепцию создания единого государственного центра судебной экспертизы Российской Федерации (ГЦСЭ РФ), формируемого «путем объединения РФЦСЭ при Министерстве юстиции РФ; Экспертно-криминалистического центра МВД РФ; Управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики Следственного комитета РФ; Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления; Федеральной таможенной службы РФ; Центральной пожарной испытательной лаборатории МЧС РФ; Экспертно-криминалистической службы Министерства обороны РФ» [8, с.212]. В компетенцию предлагаемого Ф. Г. Аминевым ГЦСЭ РФ должно входить, помимо прочего, «разработка и утверждение регламента по проведению оценки пригодности (валидации), стандартизации методов и методик в судебно-экспертной деятельности, разработка и утверждение правил

формирования, ведения и использования Государственного реестра методик судебных экспертиз РФ, ведение Государственного реестра судебных экспертов РФ» [8, с.213].

Полагаем, что идеи о создании единой экспертной службы (комитета) не обоснованы в полной мере, не позволяют характеризовать такую организацию как позволяющую обеспечить независимость, самостоятельность как принципиальные положения деятельности эксперта. На сегодняшний день необходимости в создании единой экспертной службы нет, поскольку существующие системы экспертных учреждений являются исторически обусловленными, имеют немалый опыт и перспективы совершенствования.

Решение проблем, ради которых авторы предлагают создание единой экспертной службы, на наш взгляд, коренится в создании унифицированного научно-методического обеспечения, выверенной системы валидации и сертификации экспертных методик, аккредитации экспертных организаций и сертификации компетентности эксперта. Все эти направления может охватить независимая от любых ведомств и органов государственной власти организация. Например, ассоциация судебных экспертов или федеральная палата судебных экспертов, в качестве прототипа которой можно использовать существующее в настоящее время некоммерческое партнерство «Палата судебных экспертов» [17]. Анализируя законодательство Республики Казахстан, Л. Ф. Парамонова, полагает, что «законодательное закрепление порядка создания, принципов и сферы деятельности Палаты судебных экспертов Республики Казахстан ...упорядочит деятельность лицензиатов, придаст новый импульс развитию конкурентной среды в области судебной экспертизы» [21, с.23].

Полагаем, что существует насущная необходимость в создании федеральной Палаты судебных экспертов (или ассоциации судебных экспертов), которая могла бы принять на себя функции по указанным выше направлениям, в том числе и по ведению федерального реестра экспертов. Подобную точку зрения поддерживают и другие авторы [10, с.11]. О. В. Дубровин полагает, необходимым «создание объединений организаций, осуществляющих проведение судебной экспертизы вне зависимости от форм собственности, в целях представления и защиты общих, в том числе профессиональных интересов, повышения квалификации экспертов, осуществления контроля за их деятельностью» [16]. Сделать это он предлагает по примеру существующих в Европе «саморегулируемых организаций (ассоциаций), основанием для выделения которых служит единство отрасли знаний» [16].

Представляется, Федеральная палата судебных экспертов (ассоциация) должна иметь свои представительства в субъектах федерации. И здесь очень ценным будет опыт организации адвокатской деятельности в регионах России и на федеральном уровне. После формирования федеральной палаты судебных экспертов можно уже будет вести речь о создании единого федерального реестра судебных экспертов, поскольку именно палата (ассоциация) должна будет осуществлять функции по его ведению.

Библиографический список / References

1. О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан от 20 января 2010 года № 240-IV // [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/Document.aspx?doc_id=30560032&sublink=0&m ode=all&action=print&comments=on&size=1. Дата обращения: 1.10.2018. [On forensic expertise in the Republic of Kazakhstan: Law of the Republic of Kazakhstan dated January 20, 2010 No. 240-IV // [Electronic resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/Document.aspx?doc_id=30560032&sublink=0&m ode=all&action=print&comments=on&size=1. Date of access: 10/01/2018.]
2. Устав Государственного Учреждения «Центр Судебной Экспертизы Министерства Юстиции Республики Казахстан»: Утвержден приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 15 июня 2012 года № 228 с изм. 21.04.2016 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sudexpert.adilet.gov.kz/ru/node/79161>. Дата обращения: 1.10.2018. [Charter Of the state Institution "Center of forensic expertise of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan": Approved by order Of the Minister of justice of the Republic of Kazakhstan dated June 15, 2012 № 228. 21.04.2016g. // [Electronic resource]. URL: <http://www.sudexpert.adilet.gov.kz/ru/node/79161>. Date of access: 1.10.2018.]
3. Об образовании Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 22 апреля 2013 г. № 202// [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31300202>. [About formation of the State Committee of forensic expertise of Republic of Belarus: the Decree of the President of Republic of Belarus of April 22, 2013 No. 202 / / [Electronic resource] URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31300202>. Date of access: 1.10.2018.]
4. Вопросы Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 1 июля 2013 г. № 292 // [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31300292>. Дата обращения: 1.10.2018. [Questions of the State Committee of forensic expertise of the Republic of Belarus: the decree of the President of the Republic of Belarus from July 1, 2013 number 292 // [Electronic resource] URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31300292>. Date of access: 1.10.2018.]
5. О некоторых вопросах судебной экспертизы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 3 февраля 2017 года № 34 // [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35216688#pos=0;0. Дата обращения: 1.10.2018. [On some issues of forensic examination: Decree of the

Government of the Republic of Kazakhstan dated February 3, 2017 № 34 / /
[Electronic resource]. URL:
http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35216688#pos=0;0. Date of access:
1.10.2018.]

6. Аверьянова Т.В., Волынский, А.Ф. Нужна ли реформа экспертно-криминалистической службы России? // Оубәкіров оқулары: Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференцияның материалдары, 19 ақпан 2015 ж. Аубакировские чтения: Материалы международной научно-практической конференции, 19 февраля 2015 г. – Алматы: Қазақстан Республикасы ІІМ Алматы академиясы, ҒЗЖРБЖҰБ, 2015. [Averyanova, T. V., Volynsky, A. F. do you need reform of the forensic service of Russia? // Aubakirov's readings: Materials of international scientific-practical conference, February 19, 2015 – Almaty, 2015.]
7. Алексанян М.С. Назначение и производство экспертизы в Республике Армения // Известия ИГЭА. 2011. № 5 (79). [Aleksanyan, M. S. The appointment and performance of expert examination in the Republic of Armenia // proceedings of ISEA. 2011. № 5 (79).]
8. Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дис. ...д-ра юрид.наук. Уфа, 2016. [Aminev, F. G. Judicial and expert activities in the Russian Federation: modern problems and their solutions: dis. ...Doctor of Law Sciences. Ufa, 2016.]
9. Аубакирова А.А. Процессуальная регламентация назначения экспертизы по УПК Республики Казахстан // Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 22-23 января 2015 г.). Москва, 2015. [Aubakirova A.A. The Procedural regulation of the court examination of the Republic of Kazakhstan // Proceedings of the V International scientific and practical conference "Theory and practice of forensic examination in modern conditions" (Moscow, January 22-23, 2015). Moscow, 2015.]
10. Белкин А. Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть X. Производство судебной экспертизы. М.: МТУ (МИРЭА), 2016. [Belkin A.R. Criminal Procedure Code of Russian Federation: constructive criticism and possible improvements. Part X. production of forensic examination. M.: MTU (MIREA), 2016.]
11. Борчашвили И.Ш. Перспективы развития судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан // Материалы международной научно-практической конференции «Восток-Запад: партнерство судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы» (г. Алматы, 6 ноября 2014 г.). Астана, 2014. [Borchashvili, I. sh. Prospects of development of forensic activities in the Republic of Kazakhstan // Proceedings of the international scientific and practical conference "East-West: partnership forensic examination. Topical issues

- of the theory and practice of forensic examination" (Almaty, November 6, 2014). Astana, 2014.]
12. Быков В.М. Новый УПК требует создания независимого комитета судебной экспертизы // Российская юстиция. 2003. № 11. [Bykov, V. M. The New code of criminal procedure requires the creation of an independent forensic examination Committee. Russian justice. 2003. No. 11.]
 13. Бычкова С.Ф. Развитие законодательных основ судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан // Право и государство. 2016. № 1 (70). [Bychkova, S. F. Development of legislative bases of forensic activity in the Republic of Kazakhstan // the Right and the state. 2016. № 1 (70).]
 14. Волинский А.Ф. Республика Беларусь реформировала систему судебно-экспертных учреждений. А Россия? // Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 22-23 января 2015 г.). Москва, 2015. [The Republic of Belarus has reformed the system of judicial and expert institutions. And Russia? // Proceedings of the V International scientific and practical conference "Theory and practice of forensic examination in modern conditions" (Moscow, January 22-23, 2015). Moscow, 2015.]
 15. Высоцкий П.А. Реформа органов и учреждений юстиции в Российской Федерации // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrlaw.ru/publikacii/page34/index.html>. Дата обращения: 1.10.2018. [Vysotsky P. Reform of bodies and institutions of justice in the Russian Federation // [Electronic resource]. URL: <http://www.centrlaw.ru/publikacii/page34/index.html>. Date of access: 1.10.2018.]
 16. Дубровин О.В. Проблемы организации и управления сообществом судебных экспертов в Российской Федерации // Правовая инициатива. 2013. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <http://49e.ru/ru/2013/11/3>. Дата обращения: 1.10.2018. [Dubrovin O. V. Problems of organization and management of the community of forensic experts in the Russian Federation // Legal initiative. 2013. No. 11. [Electronic resource.] URL: <http://49e.ru/ru/2013/11/3>. Date of access: 1.10.2018.]
 17. Дьяконова О.Г. Теоретические основы судебной экспертологии: монография. Москва: Проспект, 2017. [Dyakonova, O. G. Theoretical bases of judicial expertology]. Moscow: Prospect, 2017.]
 18. Зорин Р.Г., Соркин В.С. Процессуальная регламентация судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь // Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 22-23 января 2015 г.). Москва, 2015. [Zorin, R. G., Sorkin, V. S. Procedural regulation of forensic activities in the Republic of Belarus // Proceedings of the V International scientific and practical conference "Theory and practice of forensic examination in modern conditions" (Moscow, January 22-23, 2015). Moscow, 2015.]

19. Интервью начальника Экспертно-криминалистического центра МВД России генерал-майора милиции Владимира Мартынова «Независимой газете» // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации© 2013, МВД России. [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Centri/IEkspertno_kriminalisticheskij_centra/Publikacii_i_vistuplenija/item/184506/?print=1. Дата обращения: 1.10.2018. [Interview of the head of the forensic centre of the Ministry of internal Affairs of Russia the police major-general Vladimir Martynov "The Independent newspaper" // The Official website of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation 2013, Ministry of internal Affairs of Russia. [Electronic resource.] URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Centri/IEkspertno_kriminalisticheskij_centra/Publikacii_i_vistuplenija/item/184506/?print=1. Date of access: 1.10.2018.]
20. Орехова Е. П. Субъекты судебно-экспертной деятельности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сборник научных трудов. 2017. № 1 (41). [Orehova E. P. Subjects of forensic activities // Questions of criminology, criminology and forensic examination: collection of scientific works. 2017. № 1 (41).]
21. Парамонова Л.Ф. Новации казахстанского законодательства, регламентирующего судебно-экспертную деятельность // Судебная экспертиза. 2017. № 3 (50). [Paramonova L. F. Innovations of the Kazakh legislation governing forensic activities // Forensic examination. 2017. № 3 (50).]
22. Парамонова Л.Ф. Перспективы развития института негосударственных судебных экспертов в Казахстане // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: мат-лы межд. науч.-практ. конф., Иркутск, 25-26 сент. 2014г. Иркутск: БГУЭП, 2014. [Paramonova L. F. Prospects of development of the Institute of non-state judicial experts in Kazakhstan / / Criminal procedural and criminalistic means of ensuring the efficiency of criminal proceedings: materials scientific. - prakt. conf., Irkutsk, 25-26 Sept. 2014. Irkutsk, 2014.]
23. Парфенова М.В., Янчуркин О.В. Реформирование судебно-экспертной деятельности в целях обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 22-23 января 2015 г.). Москва, 2015. [Parfenova M. V., Yanchurkin O. V. Reformation of forensic activities in order to ensure the rights and freedoms of participants in criminal proceedings // Proceedings of the V International scientific and practical conference "Theory and practice of forensic examination in modern conditions" (Moscow, January 22-23, 2015). Moscow, 2015.]
24. Плешаков С.М. Современные экспертные технологии в деятельности судебно-экспертных учреждений России: автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Нижний Новгород, 2007. [Pleshakov S. M. Modern expert technologies in the activities of

- forensic institutions of Russia: author. dis. ... cand. of law.sciences. Nizhny Novgorod, 2007.]
25. Россинский С.Б. Производство судебных экспертиз по уголовным делам в негосударственных судебно-экспертных учреждениях: «за» и «против» // Материалы 3-й Межд. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М.: Проспект, 2011. [Rossinsky S. The production of forensic examinations in criminal cases in non-state forensic institutions: "for" and "against" // Materials of the 3rd International scientific and practical conference "Theory and practice of forensic examination in modern conditions". M.: Prospect, 2011.]
26. Смоляков П.П. Институт негосударственных экспертов в странах СНГ: современное состояние и перспективы развития // Актуальні питання судової експертизи та криміналістики: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 90-річчю створення Харківського науково-дослідного інституту судових експертиз ім. Засл. проф. М. С. Бокаріуса (Харків, 7-8 листопада 2013 року). Харків: Право, 2013. [Smolyakov P. Institute of non-state experts in the CIS countries: current state and prospects of development // Topical issues of forensic examination and criminalistics: proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the Kharkiv scientific research Institute of forensic examinations. Honored. Professor M. S. Bokarius (Kharkov, 7-8 November 2013). Kharkov: Law, 2013.]
27. Шайхин, Б.Н., Жуманбаева, Б.А. Актуальные проблемы в сфере судебно-экспертной и экспертно-оценочной деятельности в Республике Казахстан // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. [Shihin, B. N., Zhumanbaeva, B. A. Topical issues in the field of forensic and expert-appraisal activities in the Republic of Kazakhstan // News of Tula State University. Economic and legal Sciences. 2013. No. 4-2.]
28. Швед, А.И. Становление и развитие единой государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности // [Электронный ресурс]. URL: <http://center.gov.by/stanovlenie-i-razvitie-edinoj-gosudarstvennoj-politiki-v-sfere-sudebno-e-kspertnoj-deyatel-nosti-v-respublike-belarus/> Дата обращения: 1.10.2018. [Shved A. The formation and development of a unified state policy in the field of forensic activities // [Electronic resource]. URL: <http://center.gov.by/stanovlenie-i-razvitie-edinoj-gosudarstvennoj-politiki-v-sfere-sudebno-e-kspertnoj-deyatel-nosti-v-respublike-belarus/>. Date of access:: 1.10.2018.]

Dyakonova O.G.

**REORGANIZATION OF THE SYSTEM OF STATE FORENSIC INSTITUTIONS:
OPPORTUNITIES AND PROSPECTS**

Abstract: The problem of choosing an expert in legal proceedings is also connected with the choice of an expert organization. The state forensic organizations operating in Russia are included as structural elements - institutions - into one or another departmental system, which does not allow characterizing experts who carry out expert research as independent and autonomy. The article deals with a question that periodically arises in scientific publications and is discussed at scientific conferences devoted to the need to create a single federal state agency that should unite all state judicial expert organizations of the country. The author attempts to answer this question by analyzing the opinions of scientists and the practice of the work of such state agency that exist in a number of countries of the Eurasian Economic Union (EAEU). It is concluded that there is no need to create such state agency in Russia, since it will be quite difficult to characterize it as an organization that provides real independence and autonomy — the fundamental principles of the expert's activities. The systems of expert institutions existing in Russia are historically determined, have considerable experience and prospects for improvement. The solution of the problems for which the authors propose the creation of a unified expert service should be sought in the creation of a unified scientific and methodological support, a verified system of validation and certification of expert methods, accreditation of expert organizations and certification of expert competence. These activities can become functions of an organization independent of government departments and public authorities, for example, the association of forensic experts or the federal chamber of forensic experts.

Keywords: forensic expert activity, a single expert service, the system of state forensic institutions.

Сведения об авторе:

Дьяконова О.Г., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики и уголовного процесса юридического факультета ГОУ ВО МО Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» (ГОУ ВО МО «ГСГУ», РФ, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30),
oxana_diakonova@mail.ru

About the author:

Dyakonova O.G., Candidate of Law Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Criminalistics and criminal procedure of the law faculty, State Educational Institution of Higher Education of Moscow Region State University of Humanities and Social Studies.

НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО СУДЕБНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОСИТЕЛЕЙ ДНК-ИНФОРМАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

СМИРНОВ Д.В.

Аннотация: в статье анализируется практика применения результатов судебно-генетической экспертизы в гражданском процессе. Освещены основные моменты, связанные с порядком назначения экспертизы, ее возможностями, оценкой получаемых результатов.

Ключевые слова: судебно-генетическая экспертиза, ДНК-анализ, гражданский процесс, вероятностно-статистическая оценка результатов ДНК-анализа.

В течение последних двух десятилетий методы ДНК-анализа уверенно вошли в практику судебной экспертизы, а уровень значимости их применения продолжает неуклонно возрастать. Данное положение определяется рядом исключительных возможностей, которые появляются при использовании технологий исследования ДНК.

Исторически сама возможность использования методов анализа ДНК в практике судебной экспертизы появилась в ходе дух взаимосвязанных процессов научного изучения ДНК и развития технических и аппаратных средств ее исследования.

Одним из фундаментальных положений, определяющих нынешнее состояние вещей в данной области, явилось научное осознание роли молекул ДНК как «основы жизни». Молекулы ДНК являются материальным носителем информации о развитии, функционировании и репродукции любого живого организма на Земле. Феномен жизни как таковой неразделим в настоящее время в научном сознании с его молекулярной основой – молекулой ДНК. Абсолютно все живые организмы на Земле содержат в себе эти молекулы и «классическое» определение жизни как «формы существования белковых тел» претерпело существенные изменения.

Весьма важным для вопросов применения ДНК-анализа для целей правоохранительной деятельности является и тот факт, что структура ДНК определяется в момент формирования биологического организма и не изменяется на протяжении всей его жизни. Можно быть абсолютно уверенным в том, что индивидуум на любом этапе своей жизнедеятельности является обладателем ДНК совершенно постоянного, неизменного состава.

Следующим существенным моментом явилось установление факта индивидуальности ДНК в степени достаточной для возможности идентификации отдельного организма (особи, индивидуума). Строго говоря, молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), являясь биополимером и имея с химической точки зрения довольно простой состав (последовательность, образованная нуклеотидами четырех разновидностей и соединенная в длинные цепочки диэфирными связями через остатки фосфорной кислоты и дезоксирибозы), в большей степени сходны у разных близких в таксономическом отношении организмов, чем различны. Так, при установлении

последовательностей нуклеотидов генетического материала обезьяны шимпанзе и человека было показано, что они совпадают на 95 % [1]. При анализе генома человека оказалось, что 99,9% последовательностей ДНК у разных индивидуумов совпадает. Тем не менее, оставшихся 0,1% генома вполне достаточно для проведения идентификационного ДНК анализа!

И первым таким анализом, показавшим, с одной стороны наличие индивидуальных различий в ДНК представителей человечества, а с другой стороны возможность использования данных различий для целей идентификации, явился анализ полиморфизма длин рестрикционных фрагментов, разработанный в 1985 г. английским ученым А. Джеффрисом [2]. Интересно, что до этого момента в распоряжении судебных экспертов по сути дела находился только один метод идентификации человека – метод дактилоскопии (отпечатка пальцев). Поэтому неудивительно, что и новый метод ДНК-анализа первоначально получил название метод ДНК-дактилоскопии (DNA-fingerprint) [3], что, конечно совершенно не отражало ни существа метода ни его революционную инновационность.

Данный метод ДНК анализа в короткое время показал свою высокую эффективность для использования в практике судебной экспертизы, однако, имел и существенные недостатки. Для его проведения требовалось сравнительно большое количество ДНК, невозможно было проводить анализ деградированной ДНК, сам процесс требовал значительного времени и, что достаточно важно для объективной оценки результатов экспертизы в судебном заседании, возникали трудности при сравнении результатов, полученных в разных лабораториях.

Следующим революционным шагом, определившим состояние ДНК-анализа во всех его видах и практических приложениях, стала разработка Мюллисом в середине 80-х годов прошлого века метода полимеразной цепной реакции (ПЦР) – универсальный метод синтеза заданной последовательности ДНК [4]. Использование данной технологии позволяет из имеющегося в распоряжении исследователя очень малого, вплоть до одной молекулы, начального количества ДНК получить неопределенно много либо полных, либо частичных её копий. Данные копии полностью соответствуют исходной молекуле и по причине большего количества могут быть легче подвергнуты анализу. Теоретически из одной только молекулы ДНК возможно получение неограниченного количества ее копий. Понятно, что наличие такой возможности во много раз повышает чувствительность любого метода ДНК-анализа, если одним из первых этапов исследования является постановка ПЦР.

Первоначально в качестве генетических маркеров использовался полиморфизм (многообразие) так называемых минисателлитных или VNTR локусов (Variable Number Tandem Repeat).[5] Данные локусы с переменным числом tandemных повторов состоят из повторяющихся нуклеотидных последовательностей длиной семь и более пар нуклеотидов. В настоящее время VNTR-локусы потеряли свою привлекательность для целей судебной экспертизы в связи со значительной длиной, не позволяющей в ряде случаев получать надежные результаты при исследовании деградированной, дефрагментированной ДНК. Более результативным в качестве генетических маркеров

оказалось использование еще одной разновидности полиморфных участков ДНК – STR-локусов (STR – Short Tandem Repeat – короткий тандемный(повторяющийся) повтор). Данная разновидность полиморфных локусов отличается от VNTR-локусов меньшей длиной (2-4 пары нуклеотидов) и удовлетворяет многим критериям эффективного идентификационного маркера: доступность для исследования широкого круга биологического материала, обладание высокой полиморфностью, возможность проведение анализа сразу нескольких локусов и сравнения полученных результатов в различных лабораториях [6].

Дальнейшее развитие направления ДНК-анализа в практике судебной экспертизы было связано с разработкой коммерческих наборов и оборудования, позволяющих практически в любой стране и регионе организовать проведение исследований ДНК.

В настоящее время методы ДНК-анализа прочно вошли в практику лабораторий судебных экспертиз. Его проведением занимаются лаборатории судебно-медицинской экспертизы и экспертные лаборатории министерства внутренних дел и др. Круг объектов биологического характера, попадающих в лаборатории, и которые результативно могут быть исследованы данным методом, практически не имеет исключения.

Широкие возможности судебно-генетической экспертизы по идентификации личности и установлению родственных связей объясняет все возрастающее значение ее в гражданском судопроизводстве. В первую очередь, это гражданские судебные иски о наследовании, в которых чаще всего истцы на основании результатов судебно-генетической экспертизы обосновывают свое право на наследование имущества умершего лица. В подобных случаях ДНК-анализ стал стандартным объективным инструментом установления кровного родства.

Решение Басманного районного суда г. Москвы по иску № 2-40/2011 (2-2305/2010)

Лицова О.В. и Лицов В.В. обратились в суд с иском о признании отцовства, указав, что после смерти отца открылось наследство. Данный факт (признание отцовства) был необходим им для вступления в права наследования после смерти отца и получения ими свидетельств о праве на наследство по закону. Судом по делу была назначена судебно-медицинская молекулярно-генетическая экспертиза. Для проведения экспертизы был произведен забор биологического материала трупа. Согласно заключению экспертизы предполагаемый отец действительно биологический отец указанных детей. [7] <https://pravoektb.ru/stati/geneticheskaya-ekspertiza-pri-priznanii-nasledstva/>

В случаях установления прямого родства типа родитель-ребенок (мать-ребенок, отец-ребенок) результатом ее проведения является либо категорическое исключение родственной связи, либо категорическое, с вероятностью практически равной единице подтверждение данного факта. Существующая и используемая в настоящее время в практике судебно-генетических лабораторий линейка STR-локусов (в настоящее время более 50) позволяет поднять уровень вероятности случайного совпадения исследуемых с целью установления родства генотипов до значений, многократно превышающих численный показатель всего населения Земли [8].

При назначении судебно-генетической экспертизы с целью установления прямого родства живых лиц типа «родитель-ребенок» обычно не возникает сложностей. Требуется образец крови либо буккального (защечного) эпителия лиц, родственная связь которых требует экспертного подтверждения. Метод отбора буккального эпителия не требует вмешательства во внутреннюю среду организма, не нарушает целостности кожных покровов и слизистых оболочек, не требует использования специальных оборудования и аппаратуры и поэтому может быть применен вне каких-либо специальных условий (медицинское учреждение, лаборатория и т.п.). Кроме того метод не критичен к наличию у лица отбирающего образец специальных знаний и навыков – правила отбора образцов буккального эпителия просты и немногочисленны. Таким образом, отбор образцов может быть реализован не только любым участником гражданского процесса, но и даже непосредственно в помещении, в котором проходит судебное заседание. С нашей точки зрения отбор образцов для проведения судебно-генетической экспертизы непосредственно в судебном заседании является наиболее предпочтительным, т.к. проводится открыто при всех участниках процесса и в этой связи дальнейшие результаты экспертизы оцениваются ими как более объективные.

Получение образцов для сравнительного исследования может представлять значительные сложности в случаях смерти, гибели или отсутствии (исчезновении) лица либо обоих лиц родство которых требует установления. В этих случаях именно получение образцов является критическим моментом, определяющим как саму возможность назначения и проведения судебно-генетической экспертизы, так и результаты ее проведения с точки зрения формирования научно-обоснованных и объективных выводов эксперта. В случае смерти лица, в отношении которого требуется установление родственной связи в качестве образцов для проведения судебно-генетической экспертизы могут выступать:

1. Образцы крови или мягких тканей, отобранные в морге при проведении вскрытия тела в соответствии с правилами Минздрава РФ. Так в соответствии с п. 35 Приказа Министерства здравоохранения РФ от 6 июня 2013г. N354н "О порядке проведения патолого-анатомических вскрытий" гистологические препараты и биологические материалы в парафиновых блоках в течение трех лет хранятся в архиве патолого-анатомического бюро (отделения).

2. Образцы мягких тканей, отобранные при проведении клинических исследований при жизни данного лица в лечебном учреждении, хранятся в соответствующих архивах с соблюдением необходимых условий и правил. Чаще всего таковыми могут являться гистологические препараты, полученные в результате пункций соответствующих органов.

3. Образцы мягких тканей и костей, полученных при эксгумации трупа лица ранее умершего и уже захороненного

4. Личные вещи умершего лица, которыми он пользовался при жизни, являющиеся потенциальными носителями клеточных структур его организма – зубные щетки, бритвенные принадлежности, зубные протезы, мундштуки курительных принадлежностей, носовые платки, белье и т.д. и т.п.

Однако, если в первых трех случаях образцы имеют достаточно определенный правовой статус, т.к. отбираются квалифицированным персоналом в условиях специализированных учреждений с выполнением определенных требований нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность данных учреждений и их сотрудников, то случаи использования в качестве образцов для судебно-генетической экспертизы личных вещей умершего лица конечно вызывает трудности и очень часто подвергается деструктивной критике участников гражданского процесса противной стороны. Действительно, в этих случаях не достаточно правильный или добросовестный выбор объекта какой-либо из сторон ставит под сомнение результативность проведения судебно-генетической экспертизы. Зачастую стороны гражданского процесса, преследуя противоположные цели и в этой связи обычно затрудняют противоположной стороне действия, направленные на повышение доказательственной значимости аргументов, приводимых стороной в обоснование той или иной своей позиции. В этих случаях, безусловно, суд может руководствоваться положениями п.3 ст. 79 ГПК РФ и вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. Однако, существует и более объективный способ установления принадлежности образцов, содержащих ДНК умершего лица. Так, представляется, необходимым первоначально провести сравнительное исследование ДНК умершего лица с ДНК его живых родственников, отбор образцов которых не вызывает затруднений. Только после подтверждения родственной связи ДНК, умершего лица, ДНК которого имеется на личных вещах покойного, данные образцы могут быть использованы для дальнейшего исследования, необходимого в рамках разрешения конкретных исковых требований.

В отдельных случаях, когда ни при каких условиях невозможно получить образец ДНК умершего лица с целью решения вопроса установления родственной связи возможно использования данных ДНК лиц-родственников покойного. В этих случаях наиболее эффективным с точки зрения информативности будет использование образцов для сравнительного исследования прямых родственников умершего лица, т.е. его биологических отца или матери, либо того и другого одновременно. Данные лица по отношению, например, к биологическим детям умершего лица также выступают как потенциальные кровные родственники, но уже не прямыми, а через поколение, что не исключает получение категорически положительного вывода судебно-генетической экспертизы с высокой степенью вероятности случайного совпадения, но в целом затрудняет для эксперта ее достижение. В подобных ситуациях повышение вероятности случайного совпадения, как критерия точности получаемого результата судебно-генетической экспертизы решается зачастую не расширением исследователем линейки используемых при проведении исследования маркеров (число которых как указывалось выше достаточно большое, но тем не менее все же ограничено), а исследованием как можно большего числа образцов ДНК родственников умершего лица. Так с этой же целью могут быть исследованы образцы ДНК братьев или сестер (так называемых в популяционной генетике sibсов), дядей и тетей, двоюродных родственников и т.д. Исследование каждого дополнительного образца повышает точность получаемого в ходе

проведения судебно-генетической экспертизы результата. Кроме того, при назначении данной экспертизы с целью установления родства в случаях использования образцов ДНК не прямых родственников участникам процесса нужно иметь в виду, что категорически отрицательный вывод экспертом во многих случаях не может быть получен ни при каких условиях. Данные экспертизы, с точки зрения формирования выводов самим экспертом и оценки их судом или участниками процесса, являются наиболее сложными. В этих случаях полученный результат чаще всего не может быть оценен критерием «вероятность случайного совпадения», а оценивается иным критерием идентификационной значимости результата – «отношением вероятностей» (или критерий LR – «likelihood ratio»), при котором любое событие является случайным, а следовательно не может быть ни достоверным (т.е. событием, которое обязательно произойдет, или вероятность которого равна 1), ни невозможным (т.е. событием, которое не может произойти, или вероятность которого равна 0).

Выше приведенный тезис может быть проиллюстрирован следующими примерами. Пусть генетический профиль родителей лица, родство с которым подлежит дальнейшему установлению в каком-либо локусе являются следующими (аллели обозначены прописными буквами латинского алфавита):

Отец: гетерозиготный профиль ab

Мать: гетерозиготный профиль cd

По данному локусу все биологические дети данной родительской пары будут иметь следующие генетические профили: ac ad bc bd с учетом того, что ребенок при зачатии половину генетического профиля отца и половину генетического профиля матери с равным уровнем вероятности – 0,5. Таким образом, при условии, что нам не известен генетический профиль родителей, для двух sibсов возможно (не исключено) любое сочетание из четырех аллелей. Как, впрочем, и для лиц, не имеющих никакого генетического (биологического) родства. Однако, в случае анализа генотипов двух заведомых sibсов и лица, генотип которого исследуется в отношении биологического родства к ним, уже возможна ситуация исключения. Так, если у sibсов имеется какой-либо локус, в котором представлены четыре различные аллели (условно – a, b, c, d), а у предполагаемого родственника в этом локусе имеется аллель отличная от них, то данная ситуация позволяет категорично исключить возможность биологического родства в качестве третьего sibса у проверяемого лица. Другими словами, проверяемое лицо не может быть ребенком родительской пары sibсов.

В случаях установления не прямого родства важнейшими генетическими маркерами выступают генетические признаки, передающиеся по материнской или отцовской линии. Такими маркерами являются митотипы митохондриальной ДНК и STR-локусы половой мужской Y-хромосомы (гаплотипы).

Вопросы усыновления в некоторых случаях связаны с исследованием ДНК с целью установления родства. Так, в практике молекулярно-генетической лаборатории ЭКЦ УМВД России по Рязанской области была проведена экспертиза установления родства по инициативе семейной пары граждан Италии Г., которая ранее удочерила двух родных сестер в России. В их распоряжении оказалась информация о том, что в

организации, осуществляющей уход за детьми-сиротами на территории Рязанской области, проживает девочка, которая вероятно является родной сестрой ранее удочеренных девочек. Образцы для сравнительного исследования были получены официально через руководство организации и из Италии почтовым отправлением. Исследование STR-локусов не дало результатов в связи с тем, что отцы предполагаемых сестер были заведомо различными. Однако, в результате проведенного исследования полиморфизма митохондриальной ДНК удалось установить родство по материнской линии с высокой степенью вероятности позволившей в дальнейшем принять решение семейной паре Г. об удочерении третьей сестры, а органам опеки и попечительства администрации Рязанской области принять обоснованное решение о совместном воспитании сестер в приемной семье.

Приведенными в статье наиболее часто встречающимися в практике примерами использования результатов судебно-генетической экспертизы в гражданском процессе совсем не исчерпываются возможности ДНК-анализа в области гражданско-правовых отношений. Требуют также своего осмысления и другие вопросы, возникающие при применении методов ДНК-анализа: установлении личности безвестно пропавших, идентификации животных в ходе гражданско-правовых отношений, вопросы, возникающие при оценке качества услуг по исследованию ДНК специализированными организациями и др.

Библиографический список / References

1. Mikkelsen T.S. et al. (2005) Initial sequence of chimpanzee genome and comparison with the human genome. *Nature* 437, 69-87).
2. Jeffereys A.J., Wilson V., Jheon S.L. Hypervariable minisatellite regions in human DNA// *Nature*. -1985.- V.316.-p.67-73.
3. Werret D.J/ DNA-fingerprint// *Int. Criminal police review*.-1987.-V.408.
4. Mullis. K., et al. (1986) Specific enzymatic amplification of DNA in vitro – the polymerase chain-reaction, *Cold Spring Harbor Symposia on Quantitative Biology*, 263-273.
5. Jeffereys A.J., et al. (1985) Positive identification of an immigration test-case using human DNA-fingerprints., *Nature* 317. 818-819.
6. Lygo J.F., et.al. (1994) The validation of short tandem repeat (Str) loci for use in forensic casework *Intern.Jornal of Legal Medicine* 107, 77-89.
7. <https://pravoektb.ru/stati/geneticheskaya-ekspertiza-pri-priznanii-nasledstva/>
8. Перепечина И. О., Гришечкин С. А. Вероятностные расчеты в ДНК-дактилоскопии: Методические рекомендации. –М.: ЭКЦ МВД России, 1996. [Perepechina I. O., Grishechkin S. A. Probabilistic calculations in DNA fingerprinting: Methodical recommendations. M.: forensic science center of the MIA of Russia, 1996.]
9. Смирнов Д.В. Естественные-научные основы и исторические аспекты развития ДНК-анализа в практике правоохранительных органов. Современные технологии в науке и образовании СТНО-2018 Международный научно-технический форум Сборник трудов т.10, 131-134. [Smirnov D. V. Natural-scientific bases and

historical aspects of DNA analysis development in law enforcement practice. Modern technologies in science and education STNO-2018 International scientific and technical form. Collection of works, vol. 10, 131-134.]

Smirnov D.V.

**APPOINTMENT AND PRODUCTION OF FORENSIC GENETIC EXAMINATION
OF CARRIERS OF DNA INFORMATION IN CIVIL PROCEEDINGS**

Abstract: The article analyzes the practice of applying the forensic genetic expertise results in civil proceedings. The highlights of the procedure for appointment of the examination, its capabilities, evaluation of the results obtained are covered.

Keywords: forensic genetic examination, DNA analysis, civil procedure, probabilistic-statistical evaluation of DNA analysis results.

Сведения об авторе:

Смирнов Д.В., старший преподаватель кафедры криминалистики и уголовного процесса ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»

About the author:

Smirnov D.V., Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics and Criminal Procedure the Faculty of Law of State Educational Institution of Higher Education of Moscow Region State University of Humanities and Social Studies.

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОБЛЕМАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИДАКТИКИ

КОМАРОВ И.М., ЯН Е.И.

Аннотация: в статье рассмотрены актуальные проблемы криминалистической дидактики, дан исторический анализ ее становления и развития, обосновано значение криминалистики в современном российском юридическом образовании, обозначены основные проблемы.

Ключевые слова: криминалистическая дидактика, современное российское образование, криминалистика и юридическое образование.

В отдельной публикации невозможно раскрыть все аспекты криминалистической дидактики. Можно отразить только отдельные значимые вопросы этого криминалистического института и отметить основные важные направления его совершенствования в современных условиях развития отечественного образования.

Дидактика – это раздел педагогики и теории образования, который изучает проблемы обучения, раскрывает закономерности усвоения знаний, умений и навыков, определяет объем и структуру содержания образования.

Предмет дидактики представляет собой связь преподавания и учения, их взаимодействие; задачи связаны с описанием и объяснением процесса обучения и условий его реализации; разработкой более современных процессов обучения.

В системе дидактики существуют частные дидактики – методики обучения отдельным учебным предметам, отдельных категорий обучаемых, в разных типах учебных заведений и формах образования и т.п. Частная дидактика имеет самостоятельный объект.

Криминалистика, являясь частной дидактикой, имеет свою систему дидактики с обособленной структурой и содержанием.

Истоки формирования криминалистической дидактики лежат в трудах российских процессуалистов, и до, и после принятия в 1864 году Устава уголовного судопроизводства занимавшихся научно-практическим разрешением проблем, связанных с традиционными и новыми условиями отправления правосудия.

В этой связи можно выделить сочинения Н. Орлова [10, с.46-47], где он обращал внимание на необходимость внимательного отношения к расследованию преступлений с тем, чтобы «ничего не было выпущено из виду», давал рекомендации относительно тактики отдельных следственных действий.

Существенный вклад в формирование криминалистической дидактики внес процессуалист Я. Баршев [1, с.51], который также развивал представления о тактике следственных действий, в частности обыска, допроса и осмотра.

Свои исследования в указанной проблематике проводил и Е. Колоколов [6].

Дореформенное российское уголовное судопроизводство отводило косвенным доказательствам весьма незначительную роль, что характерно для уголовного процесса инквизиционного характера, где «царицей доказательств» считалось только признание вины. Однако данное несовершенство уголовного судопроизводства, в основе которого лежала теория формальных доказательств, становилось все более очевидным. В немалой степени этому способствовала практика использования в судебных разбирательствах вещественных доказательств, которые требовали своего криминалистического объяснения. На это обстоятельство указывали и прогрессивные правоведы того периода времени [11, с.97].

В 1864 году с введением в действие Устава уголовного судопроизводства, фактически была реформирована и российская процессуальная парадигма. Теория формальных доказательств заменена на теорию их свободной оценки на основе процессуального и криминалистического анализа.

Произошедшая процессуальная революция стала катализатором для новых исследований, связанных с процедурами собирания и исследования доказательств, а работы ученых, отражающие этот процесс, впоследствии справедливо были отнесены к криминалистическим исследованиям и стали основой криминалистической дидактики [2, 3, 5, 8, 9].

На этот процесс имело влияние и западноевропейское дидактическое наследие. В этой связи следует отметить работы Г. Гросса, Р.А. Рейса, А. Вейнгардта и многих других.

Нет необходимости детально и тщательно рассматривать все дидактические криминалистические источники, которые формировались в России в конце XIX начале XX века, так как мы не проводим их исторический анализ. Очевидным является факт того, что в этот период были созданы соответствующие объективные предпосылки, которые способствовали обоснованию необходимости введения криминалистики в качестве учебной дисциплины в системе юридического образования, что и произошло в октябре 1911 года, когда в Александровской военно-юридической академии, впервые в российских высших учебных заведениях, была создана кафедра уголовной техники, где полноценно стали преподавать криминалистику. Появились первые учебники по криминалистике. Это заложило фактические основы криминалистической дидактики [12, 13].

В советский период развития российской государственности криминалистика преподавалась во всех юридических вузах. Основы ее дидактики были обеспечены трудами таких известных ученых как И.Н. Якимов, С.М. Потапов, П.П. Семеновский, С.В. Познышев, Е.У. Зицер и др. Если перечислять всех криминалистов, которые, более чем за 70 лет внесли вклад в теоретическое, методологическое и прикладное криминалистическое образование не хватит и десяти страниц убористого текста. Отметим только, что их вклад был настолько существенным, что позволил обосновать самостоятельное значение криминалистики как юридической науки.

Интеграционные процессы в криминалистике закономерно требовали научно-практических объяснений основных положений криминалистической дидактики и

методики преподавания в вузах с различным профилем обучения. Соответствующая примерная программа союзного министерства не содержала подобных рекомендаций. В этой связи полезной следует считать работу В.Г. Коломацкого [7], который дал необходимые научно-практические обоснования этой проблеме. В значительной степени они были ориентированы на криминалистическую дидактику обучения студентов уголовно-правовой специализации.

Наиболее ценной в исследовании В.Г. Коломацкого для целей развития криминалистической дидактики мы считаем его идею не только снабжения обучаемого стандартным набором криминалистических знаний, навыков и умений, но и формирования у него, в первую очередь, основ криминалистического мышления, способности к осознанной реализации криминалистических знаний для решения практических задач, дальнейшего повышения квалификации посредством самостоятельного обучения и послевузовского образования. Здесь мы хотим добавить, что эта задача носит универсальный характер и в полной мере может быть развернута в аспекте использования в обучении бакалавров независимо от предпочтений, связанных с дальнейшей узкой профессиональной ориентацией.

Современному юристу необходима устойчивая система криминалистических знаний, навыков и умений, реализуя которые он сможет использовать полученные в вузе данные о научно-практических рекомендациях, приемах, методах и средствах криминалистики в практической правоприменительной деятельности, в соответствии с криминалистическим мышлением.

Если по В.Г. Коломацкому интерпретировать понятие «криминалистическое мышление» в уголовном судопроизводстве, то это умение на основе комплексного и, в первую очередь, криминалистического анализа информации о расследуемом событии выбрать оптимальный вариант алгоритма методики расследования.

Все сказанное в тот период времени В.Г. Коломацким и другими криминалистами относительно криминалистического образования мы считаем правильным, так как в советской высшей школе обучение криминалистике осуществлялось на достаточно высоком уровне. Это запросам общества, связанным с подготовкой специалиста, способного реализовывать свои криминалистические знания, навыки и умения в процессе профессиональной юридической деятельности, в том числе и в первую очередь эффективной борьбе с преступностью.

Современные же реалии таковы, что за четверть века самостоятельной российской государственности мы имеем третий Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), уже не по специальности, а по направлению (бакалавриат) подготовки «Юриспруденция». Криминалистика в этом основополагающем документе, хотя и представлена в базовой части, количество часов на ее изучение никак не отражает значимость предмета для подготовки криминалистически грамотного правоприменителя.

Несмотря на тот факт, что образовательный стандарт третьего поколения действует семь лет и имеет реализацию уже в формате «3+», не утихают споры о необходимости отнесения криминалистики к обязательному предмету обучения. Мы

полагаем, что корректировка криминалистической дидактики могла бы убедить «противников» криминалистики в несомненной пользе этого предмета для юридического образования и подготовки юристов.

Криминалистика наука прикладная и, конечно же, в большей степени она соотносится с уголовным судопроизводством. Однако в современных жизненных реалиях мало кто из юристов тем или иным образом не связывает свою профессиональную деятельность работой с документами, взаимодействием с органами государственной власти, правоохранительными и судебными органами. И на этом основании криминалистические знания и криминалистическое мышление для них, в зависимости от того насколько они ими грамотно владеют, важные факторы успеха или не успеха, в достижении искомого и желаемого результата. Эти знания должны опираться на практическую основу, представлять собой рекомендации, основанные на данных анализа обобщенных практических ситуаций, тогда посредством криминалистического мышления они могут быть эффективно реализованы субъектом в практике принятия правильных решений в конкретных обстоятельствах повседневной профессиональной юридической деятельности.

Современная криминалистика грешит теоретизированием, и эта тенденция мешает ее правильному развитию по причине того, что выполнение научных исследований, которые не находят надлежащего эмпирического подтверждения, не находят и эффективного применения на практике. Страдает от этого и современная криминалистическая дидактика, так как «фундаментальные» и «научообразные» криминалистические знания не порождают у обучаемых необходимые навыки и умения, а также, что самое важное, способности к криминалистическому мышлению в различных областях юридической практики.

Есть и другая серьезная проблема в современной системе образования не эффективно влияющая на обучение криминалистике. С большой натяжкой в высшей школе это обучение можно назвать криминалистическим образованием, фактически оно заменено криминалистической подготовкой. В подавляющем большинстве случаев эта подготовка связана с предсказыванием текстов учебников, ориентированных на криминалистические данные, отражающие предварительное расследование преступлений, большинство из которых «застряло» в прошлом веке, и освоением отдельных простых технических криминалистических действий на основе этих же учебников или составленных в соответствии с ними практикумов.

Подготовка бакалавров направления «Юриспруденция» на основе учебников, рекомендованных для вузовского образования, осуществляется в соответствии с натуралистически прикладной парадигмой криминалистики¹, в рамках которой подавляющее большинство этих учебников написано². Это означает, что сложившаяся

¹ Под натуралистической парадигмой криминалистики мы подразумеваем совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, а также связанных с ними методов, подходов, технических навыков и средств, принятых в научном сообществе в рамках устоявшейся научной традиции обусловленной пониманием криминалистики как системы знаний, предназначенных исключительно для целей расследования преступлений.

² Мы не анализируем криминалистические магистерские программы обучения по причине того, что это направление высшего профессионального образования находится в начале пути и требует самостоятельного анализа и осмысления.

структура российской криминалистики «заточена» практически на удовлетворение интересов раскрытия и расследования преступлений и на этом основании один из главных блоков в обучении связан с материальными объектами, «состояние которых преобразовано действиями преступников или процессами, вызванными такими действиями» [4]. В этом аспекте отечественная криминалистика и ее дидактика достигла определенных существенных результатов, однако крен в уголовное право и процесс серьезно «отодвинул» ее от возможностей многовекторного развития и использования криминалистического знания и соответствующего мышления правоприменителем в других отраслях права и юридической деятельности.

Криминалистика до конца еще не стала источником знаний для формирования у обучающихся основ системного мышления и деятельностного подхода в реализации целей их будущей профессиональной юридической деятельности.

Возникает извечный русский вопрос (теперь для криминалистики) – что делать? В рамках отдельной публикации его решить нельзя мы попытаемся только тезисно высказать собственную позицию на этот предмет.

На наш взгляд, одной из главных задач современной криминалистики следует считать необходимость обучения студентов криминалистическому мышлению, к этому должна быть обращена и криминалистическая дидактика.

Однако, что собой представляет криминалистическое мышление, как оно реализуется в профессиональной юридической деятельности и почему этот вид мышления может стать универсальным для юристов?

Существующая методологическая парадигма криминалистики является прикладной и тесно связанной с уголовным правом и процессом. Этот факт уже давно «препятствовал» и препятствует до ныне исследованиям в криминалистике и обучению криминалистике в вузах. Своим предметом наш предмет мог бы охватывать не только систему «уголовное право и уголовный процесс – криминалистика», но и другие системы, где криминалистика могла бы стать полноценным элементом в системном мыследеятельностном аспекте. Мы имеем в виду полноценные исследования возможностей использования данных криминалистики и криминалистического мышления, например, в цивилистических видах юридической деятельности.

Однако для того, чтобы была возможна подобная реализация необходимо сделать несколько уточнений относительно корректировки структуры криминалистического мышления.

Начать следует с наиболее общих положений. Методологически значимым следует считать введение в криминалистический оборот диалектической категории «отражение», как исходной предпосылки. Это обеспечило возможность интерпретировать для криминалистики принцип восхождения абстрактного к конкретному, важный для расследования преступлений. Вместе с тем, остается непродуктивным непосредственное созерцание объекта отражения, до того момента, пока он не включен в чувственно-познавательную деятельность субъекта и не стал предметом его познания. На этом основании невозможно с начала определить содержание объекта, а за этим аспекты его предмета, то есть пока человеческое мышление не определит предмет в окружающем нас

мире, нельзя полноценно говорить и об объекте (для того или иного вида деятельности этот объект может быть рассмотрен с позиции различных предметов). Отметим, в этой связи, ведущую роль деятельностного познающего субъекта, который сам определяет предмет относительно того или иного объекта. Безусловно важная сама по себе категория «отражения», без сочетания с человеческой деятельностью и его мышлением, до конца, вероятно, не может раскрыть содержание и сущность криминалистики, для которой, отражения представляют собой результат чувственного восприятия объекта и воздействия на него.

Рассматривая деятельность как отдельную субстанцию и имея в виду ее ортогональное (прямое) соотношение с мышлением можно, избегая сложной аргументации, так как всем криминалистам она должна быть известна, предложить определение понятия «криминалистическое мышление». В основе этого процесса полезными будут определения подобного понятия, которые уже были даны ранее В.Г. Коломацким [7], Н.П. Яблоковым [14] и другими криминалистами, правда, ориентированные на уголовное судопроизводство.

Мы считаем криминалистическое мышление междисциплинарным юридическим понятием¹, а не только понятием криминалистики. Оно относится также к реализации назначения положений отраслевых правовых дисциплин. Основанием подобной гипотезы является наше представление о прикладном значении механизма реализации криминалистического мышления в юридической практике связанного с системным мышлением и деятельностной методологией субъекта в познании объектов, обусловленных его видовой профессиональной деятельностью.

Профессиональная деятельность юристов тесно связана с теоретическим понятием «деятельность», которое представляет собой процесс активного взаимодействия субъекта с объектом, во время которого субъект удовлетворяет какие-либо свои потребности. Важно отметить, что не субъект реализует ту или иную деятельность, а деятельность в связи с объектом определенным образом формирует активность и поведение субъекта. Иными словами, овладевая возможностями осуществлять тот или иной вид деятельности субъект «набирает» профессионализма.

Любой вид деятельности реализуется субъектом посредством определенных целенаправленных действий. Его взаимодействие с объектом формирует процесс отражения, однако этот процесс носит полноценный характер для познающего субъекта, когда он в состоянии осмыслить и понять сущность отраженного в призме соответствующего предмета. Для субъекта это операция системного мышления и соответствующая его результату деятельности, которая заменяет отраженный объект определенными знаковыми системами. В криминалистике, например, для этого разработана система правил и алгоритмов решения такой задачи, основанная на возможности использования необходимых терминов, понятий, их сочетаний и методик отражательных действий (описания, фиксации, исследования и пр.). Трансформация отраженного через знаковую систему позволяет субъекту познания воспринимать не

¹ Мы рассматриваем криминалистическое мышление в качестве универсального способа познания правовых объектов по причине того, что кроме криминалистики ни одна из дисциплин направления «Юриспруденция» (бакалавриат) подобные способы не рассматривает и им не обучает.

натуральный объект, а его образ, то, что формирует сознание в соответствии с формой существования материального в идеальном.

В криминалистике этот образ соответствует понятию след, то есть – это результат системного мышления и соответствующей ему деятельности. В других правовых дисциплинах этот образ может быть заменен другими понятиями. Важно только, чтобы соответствующий субъект познавая объект мог выполнять системные и мыследеятельностные операции, не задумываясь над их познавательной природой, что в состоянии обеспечить знания высокого уровня обученности, чтобы они играли роль методологического ориентира и организатора планируемого и выполняемого действия.

Возможность решения юристами задач, соответствующих особенностям их профессиональной деятельности определяется системой «знание – обученность – умения и навыки». Однако субъект не располагает бесконечными знаниями и у него всегда существует проблема выбора из того арсенала знаний знания необходимого для выполнения конкретных действий в определенных обстоятельствах. В этой связи важное значение имеет рефлексивное управление этим процессом, который обеспечивает субъекту свободу выбора и действий. Всему этому учит криминалистика и, в немалой степени, способствует криминалистическое мышление, интерпретированное к определенному объекту вида профессиональной юридической деятельности.

На наш взгляд, сущность криминалистического мышления, важная для развития криминалистической дидактики, может быть определена в качестве познавательной деятельности субъекта, на основе использования опосредованного и обобщенного способа отражения действительности, связанного с моделированием закономерностей окружающего мира на аксиоматических положениях, базой которого является юридическое образование и непрерывное пополнение запаса соответствующих ему понятий и представлений, в том числе введение в оборот новых суждений (осуществление умозаключений) для осуществления указанным субъектом профессиональной деятельности.

Определения криминалистического мышления на уровне явления могут носить различный характер, что может быть связано с предметом исследования.

Криминалистическое мышление можно считать одним из главных принципов криминалистической дидактики и, может быть, юридической подготовки бакалавров. Его методологическое развитие в системе образовательной услуги может способствовать подготовке в российских вузах профессионально квалифицированных специалистов (в широком смысле этого слова) способных успешно решать различные правовые задачи.

Рассмотрению вопросов криминалистического мышления мы уделили достаточно внимания и хотели бы обратиться к обсуждению еще нескольких вопросов затронутой в статье проблемы.

Например, коснемся негативной тенденции постоянного сокращения количества часов на преподавание криминалистики в вузовских учебных планах, что крайне негативно сказывается на качестве юридической подготовки. Особенно это касается не специализированных юридических вузов и факультетов, где, по непонятной причине, происходит увеличение часов преподавания общетеоретических предметов, например,

историко-юридической направленности. Мы ни в коей мере не хотим умалить значение и важность знания юристами истории государства и права, но возникает вопрос, как эти знания могут им помочь в практической деятельности в качестве следователей, адвокатов, судей, юрисконсультов компаний? Заниматься проблемами теории и истории государства и права будут очень немногие выпускники юридических вузов.

Думается, что одной из причин этой тенденции является проблема материально-технического обеспечения практических и семинарских занятий по криминалистике, которые уже давно, к сожалению, преподаются на вербальной основе, без использования современных технико-криминалистических и компьютерных средств. Неполучение студентами соответствующих криминалистических навыков и умений впоследствии негативно отражается на их обученности и профессиональной практической деятельности.

Непопулярность уголовно-правового направления подготовки бакалавров в неспециализированных юридических вузах и факультетах в последние годы объективно вызвали к жизни также негативную тенденцию замедления ротации профессорско-преподавательских кадров, обучающихся криминалистике в высшей школе. Этот факт отрицательно отражается на перспективах развития криминалистической дидактики, по причине того, что в современных условиях интенсивного развития цифровых технологий и их использования в преступной деятельности, необходимы постоянно пополняемые знания преподавателя для обучения студентов способам и средствам криминалистического противодействия подобным преступлениям, что могут только молодые преподаватели, обученные и способные успевать за обновлениями цифровых технологий. Разумеется, нельзя отрицать важность обучения фундаментальным основам криминалистики ее методологии, но это уже некая часть обучения криминалистики, ее теория, а криминалистика, все мы помним, наука прикладная, синтетическая по своей природе. На этом основании обучая бакалавров криминалистическому мышлению в теории, следует подкреплять эту теорию современной правоприменительной практикой, на основе эмпирических данных правоохранительной деятельности.

Мы уже неоднократно обращали внимание научно-педагогической общественности на острую необходимость подготовки в рамках криминалистики курса (раздела) и обучения на его основе студентов базовым принципам «цифровой криминалистики», по причине того, что в практике своей профессиональной деятельности они все реже будут сталкиваться с так называемыми традиционными криминалистическими объектами и все чаще с цифровыми объектами, которые «будут от них требовать» своего распознавания посредством криминалистического мышления.

Резюмируя наши размышления относительно перспектив криминалистической дидактики, мы делаем вывод о назревшей необходимости изменения (корректировки) натуралистической прикладной парадигмы криминалистики. Это сложная проблема, но ее рано или поздно придется решать, либо за нас это сделают другие люди, которым криминалистика не кажется важной для российского юридического образования.

Библиографический список/References:

1. Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. [Barshev J. Grounds for criminal proceedings with application to the Russian criminal proceedings. SPb., 1841.]
2. Буринский Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. СПб., 1903. [Burinsky E.F. Forensic examination of documents, its production and use of it. SPb., 1903.]
3. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910. [Vladimirov L.E. The doctrine of criminal evidence. SPb., 1910.]
4. Каминский М.К. Что есть, что должно быть и чего быть не должно в криминалистике XXI века. Криминалистика XXI века: материалы международной научно-практической конференции. 25 – 26 октября 2010 года. Харьков, Право, 2010. [Kaminsky M.K. What is, what should be and what should not be in forensic science of the XXI century. Forensic science of the XXI century: materials of the international scientific-practical conference. October 25-26, 2010. Kharkov, Law, 2010.]
5. Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. Ч. II. СПб., 1867. [Kvachevsky A.A. On criminal prosecution, inquest and preliminary investigation of crimes under the statutes of 1864. Part II. SPb., 1867.]
6. Колоколов Е. Правила и формы о производстве следствий, составленные по своду законов». М., 1950. [Kolokolov Ye. Rules and Forms on the Conduct of Consequences, drawn up according to a code of laws. " М., 1950.]
7. Коломацкий В.Г. Курс криминалистики (дидактика и методика). Автореф. дисс. д-ра юрид. наук. М., 1992. [Kolomatsky V.G. Forensics course (didactics and methods). Author. diss. Dr. Juridical sciences. М., 1992.]
8. Лебедев В.И. Искусство раскрытия преступлений. I. Дактилоскопия. СПб., 1909. [Lebedev V. I. the Art of crime detection. I. Dactyloscopy. SPb., 1909.]
9. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. Ч. II. Вып. 1. СПб., 1901. [Macalinski P. V. a Practical guide for forensic investigators, held in the district courts. Part II. Vol. 1. SPb., 1901.]
10. Орлов Н. Опыт краткого руководства для производства следствия. М., 1833. С. 46–47. [Orlov N. Experience of a brief guide to the investigation. М., 1833. P.46-47.]
11. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. СПб., 1861. [Spasovich V. D. on the theory of judicial and criminal evidence in connection with the judicial system and legal proceedings. SPb., 1861.]
12. Трегубов С.Н. Научная техника расследования преступлений. СПб., 1912. [Tregubov S. N. Scientific technique of crime investigation. SPb., 1912.]

13. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. Пг., 1915. [Tregubov S. N. Fundamentals of criminal technology. Scientific and technical methods of crime investigation. Pg., 1915.]
14. Яблоков Н.П. Ситуационный подход как один из методов научного познания в криминалистическом мышлении субъектов криминалистической деятельности / Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии / под ред. Т.С. Волчецкой; БФУ имени И. Канта. – Калининград: Изд-во БФУ имени И. Канта. 2012. [Yablokov N. P. The situational approach as one of the methods of scientific cognition in forensic mindset of the subjects of forensic activities / Situational approach to legal science and law enforcement: materials of International scientific-practical conference "Actual problems of use of the situational approach in the legal science and law enforcement activities", dedicated to the 10th anniversary of the scientific school of forensic citologia / edited by T. S. Volchetskaya; Immanuel Kant Baltic Federal University of Immanuel Kant. - Kaliningrad: Publishing house of I. Kant BFU. 2012.]

Komarov I.M., Jan E.I.

REFLECTIONS ON THE PROBLEMS OF FORENSIC DIDACTICS

Abstract: the article deals with the topical problems of forensic didactics, providing a historical analysis of its formation and development, justifies the importance of criminology in the modern Russian legal education, identified the main problems.

Keywords: forensic didactics, modern Russian education, criminology and legal education.

Сведения об авторах:

Комаров И. М., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Ян Е. И., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

КОМАРОВ И.М., ЯН Е.И.

About the authors:

Комаров И. М., Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of Department of criminalistics of the Lomonosov Moscow State University.

Ян Е.И., Candidate of Law Sciences, Docent, Associate Professor of Department of criminalistics of the Lomonosov Moscow State University.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ГРИГОРОВИЧ В.Л.

Аннотация: в статье рассматривается проблема законодательного регулирования использования достижений научно-технического прогресса в расследовании преступлений. Обосновывается то, что анализировать указанную проблему целесообразно в трех направлениях: установление правового регламента применения технико-криминалистических, тактико-криминалистических и методико-криминалистических средств противодействия преступности. Материал подается с учетом законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации. Предлагаются научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной науки.

Ключевые слова: криминалистические средства, уголовный процесс, собрание доказательств, исследование доказательств, научно-технические средства, научно-технический прогресс, расследование преступлений.

Уголовно-процессуальное право, как и другие отрасли права, являясь надстроечным институтом, не только выражает государственную волю, но и призвано обеспечить регулятивные функции, воздействовать на общественные отношения. Поэтому становится понятной важность совершенствования уголовно-процессуального законодательства как одного из условий повышения эффективности применения криминалистических средств в расследовании преступлений. «В условиях научно-технической революции, – писал Р.С. Белкин, – развитие криминалистики особенно тесно оказывается связанным с развитием и совершенствованием уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной науки» [1, с. 7]. Взаимодействие криминалистики и уголовно-процессуальной науки должно материализоваться во вновь принимаемых или предлагаемых к принятию уголовно-процессуальных нормах. Новая правовая норма, таким образом, рассматривается как единственно желаемый результат взаимодействия криминалистики и уголовного процесса. Развитие криминалистики напрямую зависит от правового регулирования внедряемых в практику выявления, расследования и предотвращения общественно опасных деяний достижений науки и техники.

Проблема законодательного регулирования использования достижений научно-технического прогресса в криминалистической практике в литературе рассматривается в трех направлениях: установление правового регламента применения технико-криминалистических, тактико-криминалистических и методико-криминалистических средств противодействия преступности.

Вопросам правового регулирования использования *технико-криминалистических средств* в борьбе с общественно опасными деяниями посвящены работы Р.С. Белкина,

А.И. Винберга, Г.И. Грамовича, Е.П. Ищенко, Н.Н. Лысова, А.А. Леви, М.В. Салтевского, Т.А. Седовой, Н.А. Селиванова, А.А. Эксархопуло, П.С. Элькинд и др. Так, Г.И. Грамович отмечал, что применение специальных знаний и научно-технических средств «правомерно лишь тогда, когда оно прямо предусмотрено или рекомендовано законом, или не противоречит закону по своей сущности и осуществляется в формах, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством или ведомственными нормативными актами, либо хотя прямо и не предусмотренных законом и подзаконными актами, но не противоречащих им и вытекающих из общих задач уголовного процесса» [2, с. 35]. Примерно такой же точки зрения придерживается и А.А. Эксархопуло: «Законом может быть признано применение технико-криминалистических средств, которые либо непосредственно закреплены в действующем законодательстве, либо их использование ему не противоречит, отвечает общим критериям допустимости применения средств криминалистической техники в уголовном процессе» [3, с. 147]. Такой подход характеризует условия правомерности использования специальных знаний и научно-технических средств в уголовном процессе, однако, не определяет четких критериев правового регулирования.

П.С. Элькинд отмечает, что проблема применения данных естественных и технических наук в борьбе с преступностью «требует уяснения необходимости и пределов нормативного закрепления использования в уголовном судопроизводстве... научно-технических средств, установления процессуальных гарантий личности от их незаконного применения» [4, с. 110]. Здесь уже определены, по крайней мере, два критерия правового регулирования – установление пределов нормативного закрепления и процессуальных гарантий от незаконного использования достижений НТС в криминалистической практике. Что касается процессуальных гарантий, то в отношении некоторых криминалистических средств они нашли свое законодательное закрепление. Так, в частности ст. 69 УПК Республики Беларусь предусматривает возможность использования технических средств контроля и прослушивания переговоров при наличии явной угрозы жизни, здоровью, имуществу защищаемого лица по его заявлению или с его письменного согласия, в ст. 219 УПК строго регламентирован порядок применения звуко- и видеозаписи при допросе, а также установлены при этом права допрашиваемого.

А.А. Леви и Н.А. Селиванов в этой связи подчеркивают следующее: «упоминание в законе, что результаты применения научно-технических средств – источники доказательств, связано с необходимостью установить критерии допустимости использования этих средств» [5, с. 46]. Е.Р. Россинская констатирует, что в уголовно-процессуальном кодексе РФ содержатся нормы, определяющие критерии допустимости использования в целях раскрытия и расследования преступлений технико-криминалистических средств (ч. 6 ст. 164 УПК РФ), а также относящиеся к использованию некоторых из этих средств (например, фотографирования, съемки, аудио- и видеозаписи ч. 2 ст. 84, ч. 8 ст. 166, ч. 4 ст. 189, ч. 6 ст. 164 УПК РФ) [6, с. 12–13]. Отметим, что ч. 6 ст. 164 УПК РФ не содержит критериев допустимости применения технико-криминалистических средств. В данной части статьи содержится лишь указание на возможность их использования: «При производстве следственных действий могут

применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств». По нашему мнению, критерии допустимости также должны быть включены в механизм правового регулирования использования криминалистических средств в уголовном процессе.

М.В. Салтевский утверждает, что каждое новое техническое средство, пока оно не предусмотрено законом, должно применяться в условиях, которые обеспечивают соблюдение общих принципов и положений уголовного процесса. Только в этом случае результаты использования таких средств могут являться источниками доказательств. Он один из первых предложил, в частности, использовать звукозапись в качестве самостоятельного источника доказательств, который должен быть включен в уголовно-процессуальный закон наряду с документами и протоколами следственных действий [7, с. 54–57]. Соблюдение общих принципов и положений уголовного процесса при применении технических средств – крайне расплывчатое предложение, которое также подтверждает необходимость разработки критериев правового регулирования такого применения. Что касается звукозаписи, она может быть использована в рамках указанных в законе источников доказательств и не требует самостоятельного законодательного закрепления.

Ряд ученых (Е.И. Галяшина, А.Ш. Каганов, Х.Е. Федюнин и др.) справедливо указывают на необходимость правового регулирования использования научно-технических средств при проведении экспертизы. Отражение в заключении эксперта содержания и результатов исследования с указанием примененных методик при отсутствии сведений о характеристиках и проверке использованных приборов является недостаточным для оценки допустимости и достоверности полученных экспертом выводов. Поскольку назначение и проведение экспертизы это следственное действие, то необходимость отражения НТС в заключении эксперта прямо вытекает из общего требования ч. 4 ст. 193 УПК Республики Беларусь и ч. 5 ст. 166 УПК России «... должны быть указаны также технические средства, примененные при производстве соответствующего следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены». Однако этого положения не содержит требований, которым должны соответствовать НТС. Для разрешения этой проблемы по мнению С.Д. Цолая «приборы и аппаратура, используемые для измерения и сравнения, должны иметь сертификат качества, что должно находить отражение в заключении эксперта. Правовым основанием к подобным требованиям будет являться... ФЗ «Об обеспечении единства измерений». Не выполнение этого закона входит в противоречие с ч. 2 ст. 5 Конституции РФ» [8, с. 191]. Нам представляется, что предложение С.Д. Цолая это частный случай общего требования научной обоснованности применения криминалистических средств в уголовном процессе.

Наши исследования показывают, что использование криминалистических средств в противодействии преступности требует правового регулирования, но при этом следует ответить на вопрос: есть ли необходимость в прямом законодательном закреплении всех применяемых в криминалистике средств? Высказываемые в литературе предложения о необходимости перечисления в законе или в подзаконных нормативных актах (приказах,

инструкциях) всех научно-технических средств, которые могут быть использованы при расследовании преступлений [9, с. 27], встречали справедливую критику. Так, Р.С. Белкин отмечал, что «законодатель не должен и не может называть в тексте УПК конкретные технические средства, как в силу развития техники, так и в силу зависимости, которая существует между конкретной ситуацией и тем техническим средством, которое в соответствии с этой ситуацией выбирает следователь» [10, с. 209]. Г.И. Грамович и Н.А. Селиванов также замечают, что даже если бы такой перечень удалось составить, то применение любого нового научно-технического средства можно было бы объявить неправомерным только на том основании, что оно не указано в перечне [11, с. 27]. «В законе невозможно предусмотреть все приемы и средства работы с доказательствами, ибо они беспрерывно совершенствуются и обновляются. Современная техника все более ускоряет темпы своего развития. Благодаря ее исключительному динамизму появляется значительное количество новой аппаратуры, пригодной для обнаружения и исследования судебных доказательств» [12, с. 9].

А.А. Эксархопуло считает оправданным закрепление в уголовно-процессуальном законе только лишь технических средств фиксации доказательств. «В подобной правовой регламентации, – считает он, – не нуждаются, например, поисковые приборы, средства освещения и связи, технические средства, предназначенные для исследования объектов, и другие средства, результаты применения которых не могут быть признаны самостоятельными источниками доказательств. Результаты использования технико-криминалистических средств, приемов и методов при проведении экспертного исследования также не имеют самостоятельного доказательственного значения» [3, с. 147]. С его утверждением трудно согласится, во-первых, потому, что по закону результаты любого технического средства, используемого в рамках следственного действия, не имеют самостоятельного доказательственного значения, так как, например, в соответствии с ч. 2 ст. 193 и ч. 4 ст. 308 УПК Республики Беларусь средства фиксации применяются для полноты протокола. Согласно ч. 7 ст. 193 результаты их применения являются приложениями к протоколам следственных действий, поэтому содержащиеся в них фактические данные приобретают доказательственное значение лишь с учетом сведений, отраженных в протоколах следственных и судебных действий. Данное положение закреплено в ч. 3 ст. 328 и ч. 3 ст. 333 УПК, которое гласит: «Не допускается воспроизведение звуко-, видеозаписи и киносъемки без предварительного оглашения показаний, содержащихся в соответствующем протоколе допроса или протоколе судебного заседания». К таким сведениям могут относиться описания технических средств, условие и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, полученные результаты, отметка, что перед применением технических средств об этом были уведомлены лица, участвующие в следственном действии. Во-вторых, абсолютно оправданным, по нашему мнению, является законодательное закрепление в ч. 3 ст. 192 УПК возможности использовать при проведении следственного действия не только средств фиксации, но также средств обнаружения и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Кроме того, законодатель в ч. 2 ст. 193 предоставил право следователю применять технические средства и для составления протокола следственного

действия.

Механизм правового регулирования использования криминалистических средств в уголовном процессе должен строиться не на основе закрепления в законе их перечня, а на разработке системы правовых критериев их использования, в том числе критерия допустимости. Необходимость правовой регламентации критериев «допустимости использования средств криминалистической техники в уголовном процессе очевидна и по той причине, – отмечает А.Ф. Волынский, – что любая попытка законодательно ограничить их применение в уголовном процессе (формальным перечнем в УПК) по существу равнозначна искусственному созданию барьера на пути научно-технического прогресса в борьбе с преступностью» [13, с. 80].

Рассматриваемая проблема включает в себя аспект, связанный с осмыслением доказательственного значения результатов применения криминалистических средств, как имеющих прямое законодательное закрепление, так и не указанных в законе.

Результаты применения технических средств обеих категорий могут быть выражены как в виде зафиксированных признаков исследуемого объекта, так и в выводах, построенных на основе оценки этих признаков. Например, к первому относится утверждение, что выявленные при осмотре с помощью средств криминалистики три следа являются следами пальцев рук, в которых отобразились дуговые папиллярные узоры. Ко второму следует отнести заключение, что эти следы образованы указательным, средним и безымянным пальцами правой руки в результате захвата [14, с. 29]. В первом случае результаты применения технических средств в виде обнаруженных, зафиксированных и изъятых следов пальцев рук являются приложениями к протоколу осмотра места происшествия или другого следственного действия. Они будут иметь доказательственное значение, если технические средства, порядок и результаты их применения описаны в протоколе следственного действия, а также, если выявленные и зафиксированные признаки однозначно воспринимаются и не требуют дополнительного исследования. Во втором случае заключение есть следствие интегрированного применения средств криминалистики и специальных знаний. Здесь полученные результаты приобретают доказательственное значение также в неразрывной связи с процессуальным документом, если формы использования криминалистических средств и специальных знаний соответствовали требованиям уголовно-процессуального закона. Например, эксперт при проведении исследования применил технические средства, выявил на объекте следы пальцев рук и с учетом специальных знаний в области дактилоскопии и механизма следообразования сформулировал в своем заключении вывод, что эти следы образованы в результате захвата указательным, средним и безымянным пальцами правой руки. В данном случае эксперт – установленный законом участник уголовного процесса, проводимое им исследование – предусмотренное законом следственное действие, форма применения криминалистических средств и специальных знаний – процессуальная, заключение эксперта – процессуальный документ, выявленные и зафиксированные следы пальцев рук – предусмотренные законом приложения к заключению эксперта. Если, например, следовательно результаты применения криминалистических средств и специальных знаний зафиксирует в протоколе осмотра в виде подобных выводов, то они не будут иметь

доказательственного значения в силу подмены полномочий одного участника уголовного процесса другим. В этой связи А.Ф. Волинский отмечает: «функции следователя и работников органов дознания процессуально не совмести с функцией эксперта; они не имеют права сами проводить экспертные исследования в целях получения фактических данных, имеющих доказательственное значение». Отсюда следует вывод, что один из критериев правового регулирования должен обеспечивать законодательное закрепление соответствия фиксируемых в процессуальных документах результатов использования участниками уголовного процесса средств криминалистики в противодействии преступности их полномочиям.

Использование технико-криминалистических средств в уголовном процессе регламентируется п. 4 ч. 3 ст. 62; ч. 2 и 3 ст. 68; ст. 69; ч. 2 ст. 100; п. 4 ч. 2 ст. 125; ч. 3 ст. 192; ч. 2, 4 и 7 ст. 193; ч. 2 ст. 204; ч. 3 ст. 207; ч. 6 ст. 217; ч. 2 и 3 ст. 218; ст. 219; ч. 5 ст. 222; ч. 6 ст. 225; ч. 5 ст. 287; ч. 4 ст. 308; ч. 1 и 3 ст. 328; ст. 333 УПК Республики Беларусь. Причем в законе имеются ничем не обоснованные дублирования (повторы). Например, в ч. 3 ст. 192 УПК содержится указание, что «при производстве следственных действий могут применяться технические средства...», которое воспроизводится в ч. 2 ст. 204 УПК «при осмотре используются научно-технические средства...». Это свидетельствует о необходимости дополнительного редактирования правовых норм, устанавливающих порядок применения технико-криминалистических средств противодействия преступности.

Определенный вклад в решение проблемы правовой регламентации использования в противодействии преступности *тактико-криминалистических средств* внесли О.А. Баев, Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, А.И. Винберг, А.В. Дулов, Л.Я. Драпкин, А.М. Ларин, С.П. Митричев, М.С. Строгович, М.П. Шаламов, В.И. Шиканов, А.Р. Ратинов и др. Так, например, Р.С. Белкин отмечал, что под правовыми основами использования тактических средств в уголовном процессе следует понимать систему установленных законом и подзаконными актами правил, определяющих условия допустимости, содержание, цели и порядок применения этих средств следователем, оперативным работником и судом. Он выделил пять видов норм, которые устанавливали систему указанных правил: 1) определяющие общие критерии допустимости использования тактических средств; 2) определяющие содержание этих средств; 3) содержащие указания на цели и условия их применения; 4) устанавливающие порядок их применения; 5) указывающие критерии оценки результатов их применения [10, с. 206].

Рассматривая психическое воздействие как одну из целей тактической комбинации и анализируя правовую норму, запрещающую принуждать к даче показаний и объяснений путем насилия и угроз (см. ч. 3 ст. 18 УПК Беларуси и ч. 4 ст. 164 УПК РФ), Р.С. Белкин подчеркивал, что «любой допрос свидетеля или потерпевшего начинается с угрозы: правомерной угрозы уголовным наказанием за отказ от дачи показаний или за дачу ложных показаний» [13, с. 173]. Если экстраполировать его утверждение на другие нормы закона, то любое разъяснение обязанностей участникам уголовного процесса и последствий их невыполнения нужно отнести к психическому воздействию, осуществляемому в форме угрозы, что по своей сути сомнительно. В данном случае такое

воздействие является не столько целью тактической комбинации, сколько содержанием тактической рекомендации, его правомерность основывается на свободе выбора позиции, непротиворечии закону и уважении чести и достоинства личности.

Правовая регламентация различных тактико-криминалистических средств отличается друг от друга. Например, тактико-криминалистические средства собирания и проверки доказательств, к которым относятся следственные действия, должны иметь строгое законодательное закрепление порядка проведения и процессуальных гарантий прав участвующих в них лиц. Следственные действия, не указанные в законе, не могут применяться в криминалистической практике, и наоборот, следственные действия, разработанные и апробированные наукой криминалистикой, должны находить отражение в законе, что позволит избежать неоправданных противоречий, которые сложились в свое время в отношении проверки показаний на месте.

Порядок правового регулирования тактико-криминалистических средств, способствующих эффективному противодействию преступности (тактических приемов, комбинаций, операций и рекомендаций), как и технико-криминалистических средств, может основываться лишь на законодательном закреплении общих критериев их использования в уголовном процессе. В отдельных случаях закон может обязывать органы уголовного преследования либо рекомендовать им применять определенные криминалистические средства. Например, в ч. 6 ст. 210 УПК содержится следующая тактическая рекомендация, носящая обязательный характер: «Приступая к обыску, следователь, лицо, производящее дознание, предлагают выдать добровольно подлежащие изъятию орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела». Ч. 6 ст. 217 УПК предоставляет право следователю, лицу, производящему дознание, в ходе допроса применить тактический прием, связанный с предъявлением допрашиваемому вещественных доказательств и документов. В этой связи утверждение А.Н. Васильева, И.Е. Быховского, С.П. Митричева и др. [15, с. 29, с. 282], что уголовно-процессуальный закон не содержит тактических средств, ибо возведение их в закон придает им новое качество, является неверным, так как, например, следственное действие, будучи закрепленным в законе, не теряет своего ни криминалистического, ни тактического значения. Р.С. Белкин также считает, что «тактический прием, ставший нормой закона, не перестает быть приемом и своего криминалистического содержания не утрачивает... Законодательная регламентация, закрепление тактического приема означает как раз признание законодателем, что этот прием и есть наиболее целесообразный, рациональный, эффективный способ действия при производстве определенного следственного акта, настолько целесообразный и эффективный, что его следует применять во всех случаях или что его можно применять во всех случаях» [10, с. 211–212]. «В нормы доказательственного права, – пишет О.Я. Баев, – включаются те и только те тактические приемы, которые показали свою оптимальность во всех мыслимых следственных ситуациях, возникающих при расследовании любых видов, разновидностей и категорий преступлений» [16, с. 10].

Некоторые авторы предлагают включить в систему правового регулирования тактико-криминалистических средств нормы, запрещающие применение тех или иных

тактических приемов, например, таких как постановка наводящих вопросов [10, с. 214] (ч. 4 ст. 217; ч. 7 ст. 224; ч. 2 ст. 225; ч. 1 ст. 327 УПК Республики Беларусь и ч. 1 ст. 189; ч. 7 ст. 193; ч. 2 ст. 194; ч. 1 ст. 275 УПК РФ). Такой подход нам представляется необоснованным, ибо подобного рода способы действия не могут относиться к тактическим приемам по определению.

Что касается *методико-криминалистических средств*, то они не нашли своего законодательного закрепления ни в белорусском, ни в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Вопросам правовой регламентации этих средств также не уделено должного внимания и в криминалистической литературе. По нашему глубокому убеждению, методико-криминалистические средства, которые представляют собой комплекс методических рекомендаций выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, должны иметь законодательное закрепление общих критериев их использования в уголовном процессе.

Таким образом, к критериям правового регулирования использования криминалистических средств в противодействии преступности следует отнести: законность; допустимость; научную обоснованность; процессуальные гарантии от незаконного применения; соответствия использования средств криминалистики участниками уголовного процесса их полномочиям; указание на цели и условия, а в необходимых случаях и на порядок применения этих средств; оценка результатов их применения; пределы нормативного закрепления.

Законность использования криминалистических средств в противодействии преступности, по нашему мнению, должна заключаться в соответствии их применения указанным в законе целям, условиям и порядку, а также букве и духу закона.

Допустимость использования криминалистических средств в противодействии преступности основана в первую очередь на уважении чести и достоинства личности (ст. 12 УПК Республики Беларусь), безопасности и правомерности [2, с. 35–39] применения этих средств в уголовном процессе и тесно связан с научной обоснованностью.

Под научной обоснованностью криминалистических средств противодействия преступности, по нашему мнению, следует понимать: «а) научность источника происхождения средства или приема (результат научных изысканий) или средства их проверки (научная проверка рекомендаций практики); б) соответствие средства или приема современным научным представлениям, современному состоянию науки и техники; в) возможность научного предвидения результатов применения средств или приемов и определение степени точности этих результатов; г) возможность заблаговременного обоснованного определения наиболее оптимальных условий применения средства или приема» [10, с. 209].

Процессуальные гарантии от незаконного применения средств криминалистики направлены на детализацию критерия допустимости. Так, например, в ч. 3 ст. 219 УПК содержится следующее указание: «Звуко- и видеозапись части допроса, а также повторение специально для записи показаний, данных в ходе того же допроса, не допускаются».

Критерий соответствия применения средств криминалистики участниками

уголовного процесса их полномочиям призван, с одной стороны, обеспечивать допустимость использования полученных при этом результатов в процессе доказывания, с другой – гарантировать от незаконного их применения.

Применение криминалистических средств в уголовном процессе должно иметь целевую направленность на полное, всестороннее, объективное и быстрое расследование преступления, и обеспечивать реализацию принципов эффективности и экономичности. При необходимости в законе могут быть конкретизированы цели, определены условия и порядок использования отдельных криминалистических средств. Так, например, в ч. 3 ст. 192 УПК указано, что «при производстве следственных действий могут применяться технические средства и использоваться научно обоснованные способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств».

Оценку результатов применения криминалистических средств в противодействии преступности целесообразно проводить с учетом правил, предусмотренных ст. 105 УПК Республики Беларусь.

Пределы нормативного закрепления использования криминалистических средств в уголовном процессе, по нашему мнению, определяются необходимостью и достаточностью их правовой регламентации, что позволит избежать засорения закона повторами или дублированиями одних и тех же положений.

На основании изложенного нами предлагается дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (а также России и других стран СНГ) нормой следующего содержания:

«Статья 25¹. Применения криминалистических средств в уголовном процессе

1. Криминалистические средства в уголовном процессе применяются в целях всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, а также быстроты расследования в условиях и порядке, предусмотренных законом.

2. Использование криминалистических средств в уголовном процессе должно соответствовать требованиям настоящего Кодекса либо не противоречить им.

3. В уголовном процессе допускается использование научно обоснованных криминалистических средств при условии уважения чести и достоинства личности. Не допускается применение криминалистических средств не уполномоченными на то лицами.

4. Оценка результатов применения криминалистических средств осуществляется в соответствии с правилами, установленными ст. 105 настоящего Кодекса».

Данная правовая норма позволит упорядочить использование в криминалистической и уголовно-процессуальной практике технических, тактических и методических средств, а также будет препятствовать процедуре внедрения криминалистических средств, не отвечающих содержащимся в ней положениям (например, полиграфа, «сыворотки правды», гипноза и т.п.), а также новых видов экспертиз без разработки научно обоснованных экспертных методик.

Библиографический список/References:

1. Белкин Р. С. Криминалистика: учеб. слов.-справ. / Р.С. Белкин. М.: Юристъ, 1999. 286 с. [Belkin R.S. Criminology: studies. words.-on the right / R.S. Belkin. M.: Lawyer, 1999. 286 p.]
2. Грамович Г. И. Криминалистическая техника (научные, правовые, методологические, организационные основы): монография. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. 215 с. [Gramovich G.I. Criminalistic technique (scientific, legal, methodological, organizational basis): monograph. Minsk: Akad. MIA Resp. Belarus, 2004. 215 p.]
3. Криминалистика: учеб. для образоват. учреждений М-ва юстиции Рос. Федерации / Г.А. Абдумажидов [и др.]; под ред.: И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина; Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации, Рос. правовая акад. М-ва юстиции Рос. Федерации. М.: Дело, 2001. 800 с. [Criminology: studies. for educated. institutions M-VA justice Grew. Federation / G.A. Abdumajidov [et al.]; ed: I.F. Krylov, A.I. Bastrykin; Acad. plank bed. households under the Government Grew. Federation, ROS. the legal Academy. M-VA justice Grew. Confederations. M: The Thing, 2001. 800 p.]
4. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 157 с. [Elkind P.S. Purposes and means of their achievement in the Soviet criminal procedural law. L.: Publishing house Leningrad state University, 1976. 157 p.]
5. Селиванов Н. А. Правовая регламентация применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве / Н.А. Селиванов, А.А. Леви // Соц. законность. 1979. № 11. С. 45–48. [Selivanov N. A. Legal regulation of the use of scientific-technical means in criminal proceedings / N.. Selivanov, A. A. Levy // SOC. legality. 1979. No. 11. P. 45-48.]
6. Россинская Е. Р. Общие положения криминалистической техники / Е.Р. Россинская // Криминалистическая техника: учебник / Н.М. Балашов [и др.]; под ред. Н.М. Балашова. М.: Юрлитинформ, 2002. 608 с. [Rossinskaya E.R. General provisions of forensic technology / E.R. Rossinskaya / / Forensic technology: textbook/N. Mmm. Balashov [et al.]; ed.Mmm. Balashova. M.: Yurlitinform, 2002. 608 p.]
7. Салтевский М. В. Процессуальные вопросы применения звукозаписи в следственной практике / М.В. Салтевский, Б.И. Коврижных // Использование научных методов и технических средств в борьбе с преступностью. Минск: Полымя, 1965. С. 54-57. [Zalewski M.V. Procedural application of sound practice in the investigation / M.V. Salewski, B.I. Kovrizhnykh // Use scientific methods and technical means in the fight against crime. Minsk: Polymya, 1965. P. 54-57.]
8. Цомая С. Д. Совершенствование процессуального регулирования применения научно-технических средств / С.Д. Цомая // Теория и практика судебной

- экспертизы в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 14–15 февр. 2007 г. / Е.Р. Россинская [и др.]; ГОУ высш. проф. образования «Московская гос. юрид. Акад.». М., 2007. С. 188–191. [Tsomaya S.D. Improvement of procedural regulation of application of scientific and technical means / S.D. Tsomaya // Theory and practice of forensic examination in modern conditions: materials international. science. - practice. Conf., Moscow, 14-15 February. 2007 / E.R. Rossinskaya [et al.]; GOU higher. professional education "Moscow state law. Acad.". M., 2007. P. 188–191.]
9. Филиппова М. А. Экспрессные методы фиксации фактических данных на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.А. Филиппова. Л., 1975. 224 с. [Filippova M.A. Express methods of recording the actual data on the preliminary investigation: dis. ... kand. the faculty of law. Sciences: 12.00.09 / M.A. Filippova. L., 1975. 224 p.]
 10. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов / Р.С. Белкин. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАТА, Закон и право, 2001. 837 с. [Belkin R.S. Course criminology: textbook. manual for universities / R.S. Belkin. 3rd ed. extra M.: YUNITI-DATE, policy and Law, 2001. 837 p.]
 11. Андреев И. С. Курс криминалистики / И.С. Андреев, Г.И. Грамович, Н.И. Порубов; под ред. Н.И. Порубова. Минск: Выш. шк., 2000. 335 с. [Andreev I.S. Course of criminalistics / I.S. Andreev, G.I. Gramovich, N.A. Porubov; ed. N.A. Porubov. Minsk: Enter. SHK., 2000. 335 p.]
 12. Селиванов Н. А. Основания и формы применения научно-технических средств и специальных знаний при расследовании преступлений / Н.А. Селиванов // Вопросы криминалистики. М., 1964. Вып. 12 (27). С. 7–12. [Selivanov N.A. Grounds and forms of application of scientific and technical means and special knowledge in the investigation of crimes / N.A. Selivanov // Questions of criminology. Moscow, 1964. Issue. 12 (27). P. 7-12.]
 13. Криминалистика: учеб. для студентов вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]; под ред. А.Ф. Волинского. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 615 с. [Criminology: studies. for University students / T.V. Averyanova [et al.]; ed. A.F. Volynsky. M.: Law and right, YUNITI-DANA, 1999. 615 p.]
 14. Порошин Г. П. О пределах применения криминалистических знаний следователем в процессе производства расследования / Г.П. Порошин // Использование специальных знаний на предварительном этапе расследования: сб. науч. тр. / Волгогр. высш. шк. МВД СССР. Волгоград, 1983. С. 27–31. [Poroshin G.P. On the limitations of forensic science as an investigator in the production process investigation / G.P. Poroshin // Use special knowledge during the preliminary phase of the investigation: collection of scientific works. Tr. higher. SHK. OF THE USSR. Volga-grad, 1983. P. 27-31.]
 15. Васильев А. Н. Основы следственной тактики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / А.Н. Васильев; АН СССР, Ин-т гос. и права. М., 1960. 31 с.; Криминалистика: учеб. для вузов по специальности «Правоведение» / Н.С.

ГРИГОРОВИЧ В.Л.

- Алексеев [и др.]; под ред. И.Ф. Крылова; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 591 с. [Vasil'ev A.N. The basics of investigative tactics: author. dis. ... d-RA jurid. Sciences: 12.00.09 / A.N. Vasiliev; USSR Academy of Sciences, Institute of state and law. M., 1960. 51 p.; Criminology: studies. for high schools on specialty "Jurisprudence" / N.With. Alekseev [et al.]; ed. by I. F. Krylov; Leningrad. state UN-t im. A.A. Zhdanov. L.: Publishing house Leningrad state University, 1976. 591 p.]
16. Баев О. Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 224 с. [Baev O.Ya. Tactics investigative actions: proc. benefit. – Voronezh: NPO "MODEK", 1995. 224 p.]

Grigorovich V.L.

THE LEGAL BASIS FOR THE USE OF FORENSIC TOOLS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Abstract: The problem of legislative regulation of the use of scientific and technological progress in the investigation of crimes is considered. It is substantiated that it is expedient to analyze this problem in three directions: the establishment of the legal regulations for the use of technical and criminalistic, tactical and criminalistic and methodological and criminal means of countering criminality. The material is submitted subject to the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation. Proposals are scientifically grounded for improving the criminal procedural legislation and criminal procedure science.

Keywords: criminalistic means, criminal process, collection of evidence, research of evidence, scientific and technical means, scientific and technical progress, investigation of crimes.

Сведения об авторе:

Григорович В. Л., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, gylmail@mail.ru

About the author:

Grigorovich V.L., Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Law Faculty, the Belarusian State University.

МЕТОДЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ НЕОПОЗНАННЫХ ТРУПОВ И ИХ ЧАСТЕЙ В ПОЛЬСКОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

СОЛТЫШЕВСКИЙ И., СОЛОДОВ Д.А., АХРЕМ В.

Аннотация: идентификация неопознанного трупа и его частей представляет собой комплексный процесс, целью которого является установление личности погибшего в ситуации, когда обстоятельства обнаружения тела или его частей не позволяют однозначно ответить на вопрос, кем был погибший. В процессе идентификации в польской криминалистической практике используются методы судебной медицины, антропологии, криминалистики, судебной одонтологии, предполагающие наличие сравнительного материала адекватного качества.

Ключевые слова: неопознанный труп, части трупа, методы идентификации.

Идентификация неопознанного трупа и его частей представляет собой процесс, целью которого является установление личности погибшего в ситуации, когда обстоятельства обнаружения тела или его частей не позволяют однозначно ответить на вопрос, кем был погибший. В Польше в процессе идентификации используются методы различных судебных наук: судебная медицина и антропология, криминастика, одонтология. Установление личности неопознанного трупа представляет собой трудную задачу. Сотрудникам полиции и прокуратуры далеко не всегда удастся выяснить, кем был погибший. Причиной неудачи могут быть обстоятельства наступления смерти, время, которое прошло с момента смерти до момента обнаружения трупа или его частей, отсутствие у погибшего близких, знакомых [1]. Особое значение придается качеству доступного сравнительного материала. Большинство используемых методов отождествления личности предполагает сравнение групповых и индивидуальных признаков погибшего с характерными признаками лица, пропавшего без вести. Так, при генетическом исследовании в качестве сравнительных образцов используются кровь или мазки из ротовой полости, полученные от членов семьи пропавшего. При использовании некоторых методов идентификации сравнительный материал не нужен. Например, в судебной антропологии, когда речь идет о пластической реконструкции внешнего облика пропавшего лица. С помощью данного метода эксперты воссоздают характерные признаки внешности погибшего, что в дальнейшем позволяет инициировать юридическую процедуру признания пропавшего лица умершим.

Методы идентификации неопознанного трупа и его частей

В зависимости от обстоятельств обнаружения трупа в польской криминалистической практике используются различные методы идентификации. Каждый из них характеризуется определенной степенью «надежности», которая оказывает непосредственное влияние на достоверность получаемых результатов. В прошлом процесс идентификации был более субъективным и состоял, в основном, в предъявлении тела близким, а также сравнении особых примет пропавшего и обнаруженного трупа. Иногда

личность неопознанного трупа удавалось установить благодаря обнаруженным при нем документам и личным вещам. Сегодня параллельно с этими традиционными методами используются более объективные, научные методы, с помощью которых устанавливаются неповторимые, индивидуальные признаки погибшего такие, как его генетический профиль, отпечатки пальцев, особенности строения зубного аппарата. Выбор конкретного метода или метода идентификации зависит, прежде всего, от состояния трупа, его частей, а также от характера доступного сравнительного материала. Достоверность отождествления зависит от того, сколько индивидуализирующих признаков было исследовано, как часто эти признаки встречаются в данной популяции. В Польше в целях идентификации неопознанных трупов используются следующие методы.

1. Сравнение генетического кода.

Принимая во внимание тот факт, что генетический профиль может быть определен на основе весьма разнородного биологического материала (кровь, слюна, волосы, кости), а также то, что существует возможность исследования биологического материала, поборанного очень давно, сравнение генетических профилей по праву занимает первое место среди рекомендуемых методов идентификации личности. Это связано также с тем, что получение качественных отпечатков пальцев неопознанного трупа далеко не всегда возможно [2].

При идентификации неопознанного трупа и его фрагментов методом генетического исследования, прежде всего, устанавливается генотип погибшего. Полученные данные сравниваются с генетическим профилем пропавшего или генетическими профилями кровных родственников (родители, близкие родственники, дети). Следует обратить внимание на то, что генетические исследования не позволяют установить индивидуальное тождество. В тоже время на их основе можно однозначно исключить возможность происхождения сравнительного материала от погибшего. В ситуации, когда результат исследования не исключает происхождения сравнительного материала от погибшего, вероятность такой принадлежности определяется с помощью статистических методов.

Решение о том, какой вид биологического материала следует изъять в целях установления личности неопознанного трупа, принимается индивидуально в зависимости от конкретной ситуации. Это могут быть образцы высушенной крови, волосы, фрагменты головки бедренной или плечевой костей (размером около 5 см), зубы, фрагменты ткани [3].

В целях идентификации личности в Польше используется анализ участков ДНК с высокой степенью полиморфизма с короткими повторяющимися последовательностями. Благодаря явлению полимеразной цепной реакции, можно исследовать очень малые или сильно деградированные следы биологического происхождения. Данный метод применим ко всем видам биологического материала. Однако в ситуации, когда биологический материал сильно деградирован, используется другой метод, основанный на анализе простых коротких tandemных повторов и маркеров полиморфизма отдельных нуклеотидов (Single Nucleotide Polymorphism) [4].

В целях установления родства погибшего с предполагаемыми членами его семьи проводится также исследование полиморфизма Y-хромосомы, для которой характерно

наследование в мужской линии. Этот метод позволяет установить родственные связи между отцом и сыном, дедом и внуком и т. д. Используется также анализ полиморфизма X-хромосомы, позволяющий установить, к примеру, родство матери с предполагаемым сыном. Если биологический материал сильно деградировал и нельзя применить методы анализа ядерного ДНК, используется анализ секвенций митохондриального ДНК (mtDNA). В соответствии с принятой моделью наследования, лица, происходящие от одной и той же матери, имеют идентичные гаплотипы митохондриального ДНК. Следует, однако, помнить о том, что статистический анализ результатов такого исследования должен опираться на большую и достаточно репрезентативную базу гаплотипов митохондриального ДНК мужской популяции (справочная база). Это особенно важно в случае, когда устанавливается частота встречаемости редких и уникальных гаплотипов [5].

Опыт многих государств свидетельствует о том, что базы генетических данных, содержащие маркеры типа коротких tandemных повторов (STR) позволяют достаточно эффективно устанавливать личность неопознанных трупов. Благодаря компьютеризации таких баз можно относительно быстро сравнивать генетические профили неопознанных трупов или их фрагментов с генотипами предполагаемых членов семьи пропавшего лица (родители, родственники, дети).

Судебная генетика в Польше представляет собой достаточно динамично развивающуюся научную дисциплину. Идет процесс разработки новых методов исследования, которые могут найти свое применение также в процессе идентификации личности неопознанных трупов и их частей. В настоящее время доступны и используются такие вспомогательные методы генетического исследования, как определение географического происхождения, физических признаков человека (цвет глаз, волос, кожи), его приблизительного хронологического возраста. Вполне возможно, что в недалеком будущем можно будет анализировать весь человеческий геном благодаря применению техники нового поколения секвенирования (NGS, то есть Next Generation Sequencing), что позволит осуществлять индивидуальную идентификацию человека на основе его ДНК [6].

2. Сравнение отпечатков папиллярных линий

Дактилоскопическая идентификация от более, чем 100 лет рассматривается в качестве своего рода золотого стандарта в процессе отождествлении личности. Для того, чтобы провести такую идентификацию необходимо обладать сравнительным материалом в виде прижизненной дактилоскопической карты погибшего [7]. В Польше применяются различные методы дактилоскопирования трупа. Самым простым является использование типографской краски, которая наносится на пальцы трупа с помощью дактилоскопического валика. Затем с помощью специальной дактилоскопической ложки отпечатки папиллярных линий переносятся на полоску бумаги. Данный метод можно применить, если с момента наступления смерти не прошло много времени, кожа и подкожная ткань сохранили эластичность, а тело погибшего не подвергалось воздействию разрушительных факторов. Вместо типографской краски используют также дактилоскопические порошки. В этом случае полученные дактилоскопические отпечатки фиксируют с помощью дактилоскопической пленки. В случае, если кожа трупа сухая и поморщенная, применяется силиконовая паста. В практике в этих целях иногда

используется копоть нагретого хлорида аммония или частиц твердой магнезии [8].

В случае обнаружения неопознанного трупа возможность идентификации погибшего с использованием дактилоскопического метода во многом зависит от времени, которое прошло с момента наступления смерти, а также от условий, в которых находилось тело, что связано с определенными посмертными изменениями, в частности, с явлением трупного аутолиза. Оптимальная ситуация складывается в случае, когда удалось получить дактилоскопические отпечатки трупа и, одновременно, в базе дактилоскопической информации AFIS (Automated Fingerprint Identification System) находится дактилоскопическая карта погибшего. Возможно возникновение и обратной ситуации, когда дактилоскопические данные погибшего находятся в базе, однако, гнилостные изменения трупа не позволяют на получение качественных отпечатков. Случается также, что качественные отпечатки можно получить, но в базе нет близкого по признакам сравнительного материала [9].

3. Идентификация на основе особенностей строения зубного аппарата и иных стоматологических данных.

Одонтологическое исследование является достаточно известным методом идентификации неопознанных трупов, в основе которого лежит сравнение морфологических признаков зубного аппарата, строения челюсти со стоматологическими данными пропавшего лица. Особую значимость придается аномалиям лицевой поверхности черепа и зубов, различного рода отклонениям от нормы в строении зубного аппарата, таким как наличие дополнительных зубов, следов переломов, хирургического вмешательства. Данные об использованных в ходе стоматологического лечения методах, гипсовые модели зубов, описания протетических операций позволяют создать уникальный, индивидуальный образ. В некоторых случаях, важное значение имеют результаты радиологического обследования челюсти и зубов. Процесс сравнения начинается с детального анализа вида и числа сохранившихся зубов. Особое внимание обращается на индивидуализирующие особенности прикуса. Имеет значение форма, размеры зубов, их положение, дополнительные особенности, такие как наличие и положение пломб, мостов, имплантов, материал, из которого они сделаны. Данные, полученные в результате исследования, используются также в целях установления возраста погибшего. Если неопознанный труп принадлежит несовершеннолетнему, то благодаря тому, что изменения в строении зубного аппарата в данном случае происходят с известной регулярностью, его возраст можно установить с высокой степенью точности. Трудности возникают при определении возраста взрослого. Точность диагностики в данном случае уже не так высока, а различие между возрастом костей и зубов, а довольно часто причиной расхождений является плохое состояние зубного аппарата, ведет к тому, что окончательный вывод о возрасте погибшего может быть неточным. Идеальная ситуация складывается, когда возраст погибшего, установленный с помощью антропометрических методов, соответствует возрасту, установленному в рамках исследования зубного аппарата [10].

В польской криминалистической практике в процессе одонтологической идентификации используются четыре вида выводов: позитивная идентификация (данные,

полученные в результате исследования костных останков и зубов, указывают на то, что речь идет об одном и том же лице), вероятностная идентификация (данные, полученные в результате исследования костных останков и зубов, в связи с тем, что наблюдаются определенные различия, не позволяют однозначно высказаться об их принадлежности конкретному пропавшему лицу), отсутствие однозначных доказательств тождества (доступные данные являются недостаточными для того, чтобы сделать однозначный вывод), негативная идентификация (данные, полученный в результате исследования костных останков и зубов однозначно исключают их происхождение от пропавшего лица) [11].

Следует отметить, что в Польше метод идентификации неопознанных трупов на основе стоматологических (одонтологических) данных в ситуации, когда имеется сравнительный материал, является гораздо более результативным по сравнению с дактилоскопической идентификацией [12]. Общее количество дактилоскопических карт в базе AFIS относительно невелико, а действующее право существенно ограничивает возможность получения и хранения таких данных, если речь идет о лицах, не являющихся участниками уголовного судопроизводства. В Польше несмотря на то, что рынок стоматологических услуг весьма развит, могут возникать также сложности с получением стоматологических данных пропавшего. Причин есть несколько. Медицинская документация в частных стоматологических кабинетах в прошлом не всегда велась и должным образом хранилась. В настоящее время такая документация хотя и ведется, ее качество оставляет желать лучшего. Записи очень часто оказываются несистематичными и неполными, плохо читаемыми, встречаются и ошибки при описании зубов. На практике одно и то же лицо может неоднократно менять врачей-стоматологов, а его семья может и не знать о том, где их близкий проходил такое лечение [13].

Следует обратить внимание на то, что зубы достаточно устойчивы, если речь идет о посмертных изменениях, воздействию высокой температуры, механических и химических факторов. В этой связи одонтологические исследования приобретают особое значение в случае, когда тело находится в состоянии разложения или подвергалось воздействию разрушающих факторов (огонь, химические вещества, механические силы).

4. Радиологические исследования.

Термин «радиологическая идентификация» в Польше охватывает такие методы как компьютерная томография, электромагнитный резонанс, стинтиграфия, ультрасонография. Данный метод идентификации предполагает проведение сравнительного исследования костей скелета погибшего и прижизненных радиологических снимков пропавшего лица [14, 15]. Идентифицирующее значение придается таким признакам, как следы переломов, ампутаций, трепанаций, краниотомии, наличие фрагментов костей в тканях [16].

5. Антропологические (антропометрические) исследования.

Если состояние трупа исключает проведение опознания, польские криминалисты прибегают к реконструкции прижизненного облика погибшего. Прежде всего, измеряется и описывается череп, определяются пол и возраст, расовая принадлежность, а также индивидуальные признаки погибшего. При реконструкции лица используются графический, пластический и компьютерный методы. Графический метод заключается в воссоздании прижизненного облика на основе фотографии, рентгенограммы или

томограммы. В некоторых случаях используется также пластический метод, разработанный профессором М. М. Герасимовым. Компьютерная реконструкция лица, которая предполагает создание объемного образа, позволяет получать более точные результаты. В Польше применяется несколько методов компьютерной реконструкции. Первый метод основывается на описании исследуемого черепа, то есть использовании данных, полученных в рамках антропологического исследования. Процесс создания объемной модели в данном случае чем-то напоминает процесс создания словесного портрета неустановленного лица на основе показаний свидетелей. Второй метод предполагает виртуальное наложение на полученный в результате сканирования образ черепа элементов лица, имеющихся в базе данных программы. В польских криминалистических лабораториях для этих целей используется специальное программное обеспечение, которое позволяет воссоздать прижизненный облик человека с учетом его пола и возраста. Преимущество этих техник заключается в том, что специалист может создать несколько вариантов в относительно короткий период времени [17]. Указанные программные комплексы помогают идентифицировать трупы, подвергавшиеся деструктивному внешнему воздействию. С помощью данных программ можно в реальном времени наблюдать возрастную прогрессию лица ребенка, а также процесс старения лица взрослого [18].

Следует отметить, что полученный в результате работы такой программы образ будет плоским. Для того, чтобы создать объемную цифровую модель головы, череп должен быть помещен на специальной вращающейся платформе. От вращающегося черепа отражается луч лазера, создается сетка пунктов, на которую программа накладывает образ твердых тканей, а затем добавляет мягкие ткани лица. Этот метод носит название 3D моделирования (Three Dimensional Facial Reconstruction) [19].

Достоверность идентификации погибшего на основе черепа зависит от нескольких факторов. Прежде всего, значение имеет морфология черепа и его характерные признаки, а, если быть более точным, то, как эксперт интерпретирует данные признаки. Важное значение имеет субъективная оценка эксперта, его субъективное видение [20]. Следующий элемент – это правильная реконструкция и безошибочное наложение мягких тканей соответствующей толщины.

В польской криминалистической практике используется также метод компьютерной суперпроекции, заключающийся в сопоставлении прижизненных фотографий головы пропавшего с полученным в результате сканирования образом черепа неопознанного трупа. Обязательным условием применения данного метода является наличие в распоряжении эксперта фотографий пропавшего, сделанных непосредственно перед исчезновением под соответствующим углом [21].

6. Сравнение внешнего облика и особых примет, в том числе шрамов и татуировок.

Методика создания описания внешнего облика неопознанного трупа в Польше в общих чертах аналогична российской. Считается, что данный метод идентификации сам по себе не гарантирует получения достоверных результатов.

7. Сравнение медицинских данных.

Понятие «медицинские данные» охватывает любые сведения о здоровье пропавшего лица. Источником таких сведений в Польше является медицинская документация, которая в настоящее время сохраняется в цифровой форме. Доступ к такой информации ограничен и регулируется отдельными правовыми нормами. С точки зрения практики, наибольшую ценность представляют собой данные, касающиеся болезненных изменений кожи, хирургических и кардиологических операций, пооперационных шрамов, имплантов, материалов, использованных при их изготовлении. Следует отметить, что в Польше медицинские учреждения ведут не только реестр пациентов, но и реестр заводских обозначений (например, номеров) на вживляемых имплантах.

8. Идентификация личности погибшего на основе личных вещей, найденных при трупе.

Так же, как и в России, в Польше в этих целях проводится опознание. Рекомендуется в первую очередь допросить свидетеля и получить от него подробное описание элементов одежды пропавшего. В ходе опознания предметы, обнаруженные при трупе, предъявляются вместе с другими, подобными. Опознающий должен указать, на основе каких признаков опознает данный предмет.

9. Идентификация личности неопознанного трупа на основе обнаруженных при нем документов.

Случается, что в ходе осмотра места происшествия рядом с трупом сотрудники полиции обнаруживают различные документы, которые могут облегчить процесс идентификации. Иногда такие документы снабжены фотографиями их владельца. Однако не всегда внешний вид погибшего полностью отвечает внешнему виду лица, изображенного на фотографии. Рекомендуется помнить о том, что документы могут не принадлежать погибшему.

10. Распознавание погибшего свидетелями, членами семьи, знакомыми.

Этот метод считается самым простым и, одновременно, наименее надежным. Как показывает практика, при подготовке и проведении опознания трупа сотрудники полиции и прокуратуры часто допускают ошибки, которые могут негативно отразиться на достоверности результатов опознания. Смерть вызывает изменения во внешнем облике человека. Со временем это эти изменения прогрессируют. Остановка кровообращения, утрата мышцами тонуса приводят к тому, что лицо погибшего напоминает маску. Опознающий под воздействием стресса, эмоциональных переживаний может испытывать трудности с распознаванием даже хорошо знакомого ему лица. Фотографирование трупа в целях последующего предъявления снимков для опознания (так называемое не прямое опознание) также не решает проблемы.

Опознание трупа должно производиться отдельно с каждым свидетелем. Если результат опознания позитивный, рекомендуется удостовериться в том, что труп действительно принадлежит разыскиваемому. С этой целью проводятся иные, более объективные исследования (одонтологические, генетические).

Результат идентификации

На основе собранной документации (протокола осмотра трупа, его одежды, места обнаружения, результатов судебно-медицинского вскрытия, фотографии и результатов экспертиз) формулируется окончательный вывод о личности погибшего. В Польше результат идентификации считается позитивным, если погибшего распознал близкий, член семьи или по крайней мере два лица, которые хорошо знали пропавшего. Идентификация считается успешной также в ситуации, когда получен положительный результат дактилоскопической, генной или антропологической (антропоскопической) экспертизы. Существует, однако, возможность завершения процесса идентификации после подтверждения сотрудником дипломатической службы Республики Польша или представителем органа власти зарубежного государства личности погибшего.

Заключение

Во многих случаях идентификация неопознанных трупов возможна благодаря использованию достижений современных судебных наук. Применяемый в Польше алгоритм идентификации неопознанных трупов сконструирован таким образом, что окончательный вывод делается только после верификации промежуточных результатов. Считается, что проведение идентификации с использованием только одного метода недопустимо и может приводить к ошибкам.

Библиографический список/References:

1. Pikulski S., Kaliszczak M. Nowa metoda kryminalistycznej identyfikacji zwlok ludzkich. Szczytno, 1998. P. 9
2. Prinz M., Carracedo A., Mayr W. R., Morling N., Parsons T. J., Sajantila A., Scheithauer R., Schmitter H., Schneider P. M. DNA Commission of the International Society for Forensic Genetics (ISFG): Recommendations regarding the role of forensic genetics for disaster victim identification (DVI) // Forensic Science International Genetics, vol. 1, 2007. P. 3–12.
3. Soltyszewski I., Młodziejowski B., Plonski R., Pepinski W., Janica J. Kryminalistyczne i sadowo-lekarskie metody identyfikacji zwlok i szczatkow ludzkich // Problemy Kryminalistyki, nr 239, 2003. P. 7-12.
4. Drabik J. Markery miniSTR jako nowa technologia badania śladów biologicznych w kryminalistyce // Problemy Kryminalistyki, nr 258, 2007. P. 56-62.
5. Dąca P., Mielnik-Sikorska M., Bednarek J., Grzybowski T. Ocena stopnia wysycenia bazy danych mitochondrialnego DNA dla populacji Polski // Archiwum Medycyny Sądowej i Kryminologii, nr LX, 2010. P. 263-269.
6. Branicki W., Pośpiech E., Kupiec T., Styrna J. Nowy wymiar ekspertyzy DNA – potrzeba szkoleń ekspertów i odbiorców ekspertyz // Archiwum Medycyny Sądowej i Kryminologii, nr 64 (3), 2014. P. 175-194.
7. Kaushal N., Kaushal P. Human Identification and Fingerprints: A Review // Journal of Biometrics and Biostatistics, nr 2, 2011. P. 123.

8. Wójcik A., Rogoża E., Drzewiecka K., Wudarczyk M. Daktyloskopowanie i poprawa czytelności linii papilarnych opuszek palców zwłok // Problemy Kryminalistki, nr 286 (4), 2014. P. 48-54.
9. Tomaszycski K. Zarządzanie badaniami daktyloskopijnymi w pracy Policji w ujęciu statystycznym i badań ankietowych // Problemy Kryminalistki, 274 (4), 2011. P. 60-71.
10. Lorkiewicz-Muszyńska D., Przysańska A., Kulczyk T., Hyrczała A., Bartecki B., Kociemba W., Glapiński M., Łabęcka M., Świderski P. Wykorzystanie zdjęć rentgenowskich do oceny wieku zębowego dla celów medyczno-sądowych // Archiwum Medycyny Sądowej i Kryminologii, nr 65 (1), 2015. P. 1-16.
11. Wochna K., Smędra A. K., Berent J., Szustowski S. Ustalenie tożsamości NN zwłok na podstawie badań odontologicznych uzębienia – opis dwóch przypadków // Archiwum Medycyny Sądowej Kryminologii, nr 66 (3), 2016. P.158-171.
12. Lewandowski B., Brodowski R. Wykorzystanie badania stomatologicznego do identyfikacji szczątków ludzkich // Przegląd Medyczny Uniwersytetu Rzeszowskiego i Narodowego Instytutu Leków w Warszawie, nr 3, 2011. P. 380-383.
13. Lorkiewicz-Muszyńska D., Łabęcka M., Żaba C., Kis-Wojciechowska M., Kołowski J., Sobol J. Trudności identyfikacji zwłok i szczątków ludzkich w oparciu o dokumentację i badania stomatologiczne // Archiwum Medycyny Sądowej Kryminologii, nr LIX, 2009. P. 218-224.
14. Leo C., O'Connor J. E., McNulty J. P. Combined radiographic and anthropological approaches to victim identification of partially decomposed or skeletal remains // Radiography, nr 19, 2013. P.353-362.
15. Berent J. Wartość dowodowa zdjęć radiologicznych dla identyfikacji zwłok // Archiwum Medycyny Sądowej Kryminologii, nr XLVII, 1997. P. 222-226.
16. Kaliszczyk M. Kryminalistyczno-identyfikacyjne aspekty diagnostyki obrazowej cech patologii kości // Archiwum Medycyny Sądowej i Kryminologii, nr 52 (3), 2004. P. 205-211.
17. Gąsiorowski J. Nowoczesne technologie w kryminalistyce // Kultura Bezpieczeństwa Nauka – Praktyka – Refleksje, nr 21, 2016. P.73-114.
18. Zajdel D., Metody identyfikacji zwłok ludzkich pośmiertnie zniekształconych z wykorzystaniem systemu komputerowego POL-SIT // Problemy Kryminalistyki, nr 211, 1996. P. 24-28.
19. Woźniak K., Moskała A., Urbanik A., Kłys M. Pośmiertne badania obrazowe TK z rekonstrukcją 3D u ofiar wypadków drogowych // Archiwum Medycyny Sądowej i Kryminologii, t. 59, nr 2, 2009. P. 93-100.

20. Kempieńska-Podhorecka A., Knap O., Parafiniuk M. Metody kryminalistyczne w archeologii-Współpraca Zakładu Medycyny Sądowej Pomorskiej Akademii Medycznej z Muzeum Archeologicznym w Gdańsku // Annales Academiae Medicae Stetinensis, nr 53, Suppl. 2, 2007. P. 113–121.
21. Gąsiorowski J. Rekonstrukcja przyżyciowego wyglądu twarzy na podstawie czaszki // Acta Securitate. Wybrane zagadnienia problematyki bezpieczeństwa wewnętrznego, nr 2, 2015. P. 103-148.

Soltyshevsky I., Solodov D., Achrem V.

IDENTIFICATION METHODS FOR UNIDENTIFIED CORPSES AND THEIR PARTS IN POLISH FORENSIC PRACTICE

Abstract: The NN identification of the body and human remains is a process aiming at establishing the dead identity of a person, of which body (fragments of the body) or remains were found in circumstances which don't let his personal details. It is process which multilevel character in which research methods are being used from many fields of judicial studies has so as the forensic medicine, anthropology, the forensic science and the court odontology. Largely of applied methods of the identification obtaining widely understood comparative material is essential.

Keywords: NN corpses, human remains, identification methods

Сведения об авторах:

Солтышевский Иринеуш, доктор медицинских наук, профессор, кафедра криминалистики и судебной медицины, Факультет права и администрации, Варминско-Мазурский университет в г. Ольштын, Польша.

Солодов Денис Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, кафедра криминалистики и судебной медицины, Факультет права и администрации, Варминско-Мазурский университет в г. Ольштын, Польша.

Вочех Ахрем, Криминалистическая лаборатория Воеводского управления полиции в г. Щитне, Польша.

About the authors:

Soltyshevsky I., Doctor of Medicine Sciences, Professor, Department of Criminalistics and Forensic Medicine, Faculty of Law and Administration, University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland.

Solodov D., Doctor of Law Sciences, Professor, Department of Criminalistics and Forensic Medicine, Faculty of Law and Administration, University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland.

Achrem W., Forensic laboratory of the Voivodeship Police Department in Shchitne, Poland.

БЕЗДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ОРГАНА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ГРИБУНОВ О.П., БЕЛЯЕВА Е.Р.

Аннотация: в статье на основе мнений ведущих ученых анализируются спорные моменты совершения фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности в виде бездействия. Автор рассматривает не только активные действия совершения данного вида преступления, но такой способ совершения фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности, как не представление оперативно-розыскных документов, фиксирующих производство отдельных оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: бездействие, способ преступления, фальсификация, результаты оперативно-розыскной деятельности, преступление, оперативный сотрудник, должностное преступление, правоохранительные органы, фальсификация доказательств, субъект преступления.

Федеральным законом от 29 ноября 2012 года № 207 – ФЗ ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации была дополнена новой нормой, устанавливающей уголовную ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности. Все чаще подкладывание, подбрасывание, искажение данных о преступном событии недобросовестными сотрудниками оперативно-розыскных органов являются чуть ли ни самой популярной формой получения различного рода выгоды, как материальной, так и в области своей служебной деятельности. Согласно статистике МВД РФ, наибольшее количество сотрудников, занимающихся данным видом преступной деятельности, проходят службу в подразделениях уголовного розыска, а также в отделе по борьбе с экономическими преступлениями и противодействия коррупции, то есть это лица, которые в соответствии с законодательством РФ, а также внутриведомственными нормативно-правовыми актами, уполномочены проводить оперативно-розыскные мероприятия.

То, что в ч. 4 ст. 303 УК РФ субъект является специальным, не вызывает сомнений. Помимо общих свойств в данном случае лицо обладает дополнительными качествами, присущими только данной категории граждан. Наличие указанных качеств и позволяет ему в дальнейшем совершить общественно опасное деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 303 УК РФ. В норме законодателем уже указано, что это лицо, уполномоченное на проведение оперативно-розыскных мероприятий. То есть это лицо, на которое законодатель возложил указанную функцию, соответствующие задачи и обязанности, для выполнения которых он наделен соответствующими правами на применение конкретных мер оперативно-розыскной деятельности и использование оперативных и оперативно-технических средств [9, с. 108].

Помимо субъекта данный вид преступления выделяет и предмет преступного деяния, который является одним из обязательных элементов криминалистической

характеристики. П. 36.1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что под результатами оперативно-розыскной деятельности следует понимать «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия и суда» и иного разъяснения законодатель не дает. Обобщая мнения ведущих ученых в области криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, уголовного и уголовно-процессуального права мы предлагаем свое видение данного понятия, применительно к ч. 4 ст. 303 УК РФ. Так, под результатами оперативно-розыскной деятельности, следует понимать данные (информация, сведения), полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности оперативными подразделениями, а также лицами, уполномоченными на проведение оперативно-розыскных мероприятий, сотрудниками оперативно-технических и оперативно-поисковых подразделений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, закрепленные в установленном законе порядке и отвечающими требованиям УПК РФ, а именно оперативно-служебные документы, в виде справки, рапорта, акта, постановления, протокола, схемы и т.п.

В настоящее время при исследовании данного вида преступления с различных сторон между учеными ведутся споры, одним из которых является вопрос: «Может ли фальсификация доказательств или результатов оперативно-розыскной деятельности совершена не только в виде действия, но и бездействия?»

В ходе проведения исследования рассматриваемого вида преступления нами был выделен один из способов совершения фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности - непредставление оперативно-розыскных документов, фиксирующих производство отдельных оперативно-розыскных мероприятий. То есть мы рассмотрели способы совершения данного вида преступления не только в виде действия, но и в виде бездействия, и в обосновании верности принятого решения первоначально хотелось бы остановиться на понятии фальсификации. Большинство ученых, а также сотрудники органов предварительного следствия, судебные органы при расследовании или рассмотрении уголовного дела, возбужденного по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ не имея единого понимания термина фальсификация, а также какого либо толкования, ограничиваются общеупотребительным смыслом и подразумевают под ней только действия в виде подделки, подмены, искажения, при этом во многом сужая толкование самой нормы.

В.В. Демидов, исследуя тему фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности отмечает, что фальсификация может выражаться только в преднамеренном искажении доказательств путем их подделки, подчистки, внесения исправлений, искажающих действительный смысл [4, с. 125]. А.И. Чучаев и И.В. Дворянсков говорят о том, что «в ст. 303 УК РФ речь идет о сознательном искажении фактических данных, необходимых для установления обстоятельств, имеющих значение

для правильного разрешения дела». При этом справедливо отмечая, что уничтожение и изъятие полностью ликвидируют доказательство, а фальсификация подразумевает их оставление в деле, хотя и в искаженном виде [11, с. 46]. А.Г. Кибальник и В.А. Майборода, анализируя состав преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, приходят к выводу о том, что «сущностной характеристикой любой фальсификации доказательств является либо создание фальсифицированного (подложного) доказательства заново, либо внесение любого изменения, искажающего достоверный характер, содержащихся в нем сведений, в уже имеющееся доказательство» [6, с. 15-16]. Л.В. Лобанова считает, что «в максимальный смысловой объем «фальсификации доказательств» с точки зрения его грамматического толкования включены только такие действия, как подделка, подмена и искажение» [8, с. 30], который надо учитывать при вынесении обвинительного приговора по ст. 303 УК РФ. А.Ю. Епихин говорит о том, что фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности может быть совершена только в виде активных действий, который будут заключаться в искажении информации, которая в дальнейшем может послужить основанием для начала уголовного преследования невиновного лица, а также унижении его чести и достоинства [5, с. 102]. Н.Р. Косевич предлагает под фальсификацией результатов оперативно-розыскной деятельности понимать предоставление заранее ложных сведений, внесение ложных сведений в документы, включая и фальсификацию даты составления служебного документа, называя то интеллектуальным и материальным подлогом [7]. Также в фальсификацию Н.Р. Косевич включает подбрасывание наркотиков, оружия и иных предметов, которые в дальнейшем могут стать ключевым доказательством вины лица, заведомо невиновного в совершении преступления.

В Обзоре кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2006 г. указывается, что «по смыслу ст. 303 УК РФ под фальсификацией доказательств понимается искусственное создание или уничтожение доказательств в пользу обвиняемого или потерпевшего. Такими действиями могут быть признаны уничтожение или сокрытие улик, предъявление вещественных доказательств» [12].

Ю.А. Цветков говорит о том, что: «В системной парадигме понимания судебных доказательств вопрос о возможности их фальсификации путем бездействия должен решаться точно также положительно, как и вопрос о ее возможности путем уничтожения или изъятия доказательств» [10, с. 94].

Обобщая вновь мнения ученых, мы говорим о том, что фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности – это индивидуальные приемы и методы криминальных действий (бездействий), используемые уполномоченным на то должностными лицами оперативных подразделений на проведение оперативно-розыскных мероприятий, по подготовке, совершению и сокрытию преступления, направленные на достижение преступного результата, как правило, с непосредственным или опосредованным имущественным и личным интересом для себя или иных лиц при незаконном использовании своих должностных полномочий и служебного положения, а

также выбранных при этом орудий, средств и в условиях конкретной материальной обстановки и субъективного окружения.

Таким образом, фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности в виде непредставления оперативно-розыскных документов, фиксирующих производство отдельных оперативно-розыскных мероприятий, возможна и имеет место быть.

Возвращаясь к понятию результатов оперативно-розыскной деятельности, где мы говорим о том, что это данные, полученные в соответствии с Федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, мы имеем в виду сведения о преступлении, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий или комплекса таких мероприятий. Таким образом, можно говорить о том, что это совокупность сведений о преступном деянии, закрепленных в оперативно-служебных документах. То есть непредставление даже части таких документов искажает полученную о преступлении информацию.

Однако если непредставление каких-либо оперативно-розыскных данных (результатов оперативно-розыскной деятельности) существенно не искажает действительного смысла содержания информации о преступлении, то указанные действия не могут быть квалифицированы по ч. 4 ст. 303 УК РФ и не содержат в себе фальсификации. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд допускает представление материалов, документов и иных объектов, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в копиях (выписках), в том числе с переносом наиболее важных частей (разговоров, сюжетов) на единый носитель, о чем обязательно указывается в сообщении (рапорте) и не бумажном носителе записи переговоров [10, с. 95].

Подводя итог всему вышесказанному, отмечаем, что способ совершения преступления является ключевым, информативно-насыщенным элементом криминалистической характеристики любого вида преступления [3, с. 6]. А само расследование преступлений является сложным и трудоемким процессом и для достижения положительных результатов в данной деятельности требуются определенные знания [2, с. 33].

Так, при расследовании фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности оперативный сотрудник, следователь должен учитывать, что с целью получения материальной выгоды, или преследуя иные интересы, лицо, обладающее специальными полномочиями, в нашем случае, уполномоченного на проведение оперативно-розыскных мероприятий пойдет на любые способы совершения преступления, не исключая и не предоставление результатов оперативно-розыскной деятельности для возбуждения уголовного дела с целью освобождения от уголовной ответственности виновного лица.

Библиографический список/References:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) // Российская газета. №249. 22.12.2001. [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation from 12/18/2001 of

- No. 174-FZ (in an edition from 7/21/2014)//the Russian newspaper. No. 249. 12/22/2001.]
2. Варданыан А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений//Вестник Восточно-Сибирского института МВД РФ. 2017. № 2 (81). 23-35 с. [Vardanyan A.V., Gribunov O.P. Modern doctrine of metodiko-criminalistic ensuring investigation of separate types of crimes//Bulletin of the East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2017. No. 2 (81). 23-35 pages.]
 3. Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: Автореф. дис. ... док. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2016. [Gribunov O.P. Theoretical bases and applied aspects of disclosure, investigation and prevention of the crimes against property committed on transport: Avtoref. yew.... dock. юрид. sciences. Rostov-on-Don, 2016.]
 4. Демидов В.В. Фальсификация доказательств//Уголовная ответственность за преступления против правосудия/Под ред. А.В. Галаховой. М.: Российская академия правосудия, 2003. 125 с. [Demidov V.V. Falsification of proofs//Criminal liability for crimes against justice / Under the editorship of A.V. Galakhova. M.: Russian academy of justice, 2003. 125 pages.]
 5. Епихин А.Ю. Межотраслевые проблемы фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ)//Вестник Удмуртского университета. 2015. № 4. 102 с. [Epikhin A.Y. Interindustry problems of falsification of results of investigation and search operations (p. 4 of Art. 303 of the Criminal Code of the Russian Federation)//Bulletin of the Udmurt university. 2015. No. 4. 102 pages.]
 6. Кибальник А.Г., Майборода В.А. Фальсификация доказательств: уголовная ответственность//Законность. 2009. № 1. 15-16 с. [Kibalnik A.G., Mayboroda VA. Falsification of proofs: criminal liability//Legality. 2009. No. 1. 15-16 pages.]
 7. Косевич Н.Р. Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ) [Электронный ресурс]//СПС «Консультант плюс». [Kosevich N.R. Falsification of results of investigation and search operations (p. 4 of Art. 303 of the Criminal Code of the Russian Federation) [An electronic resource]//Union of Right Forces "Consultant plus"]
 8. Лобанова Л., Рожнов А., Синельников А. Фальсификация доказательств по уголовному делу: вопросы квалификации и недостатки правовой регламентации//Уголовное право. 2012. № 6. 28-34 с. [Lobanova L., Rozhnov A., Sinelnikov A. Falsification of proofs on criminal case: questions of qualification and shortcomings of a legal regulation//Criminal law. 2012. No. 6. 28-34 pages.]

9. Радачинская Н.А. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (уголовно-правовой анализ)//Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. 107-110 с. [Radachinskaya N.A. Falsification of proofs and results of investigation and search operations (criminal and legal analysis)//Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Russian Interior Ministry Academy. 2013. № 22. 107-110 pages.]
10. Цветков Ю.А. Вопросы объективной стороны фальсификации доказательств// Уголовное право. 2016. № 6. 90-97 с. [Tsvetkov Y.A. Questions of the objective party of falsification of proofs//Criminal law. 2016 № 6. 90-97 pages.]
11. Чучаев А.И., Дворянсков И.В. Фальсификация доказательств//Уголовное право. 2001. № 2. 46 с. [Chuchayev A.I., Dvoryanskov I.V. Falsification of proofs//Criminal law. 2001. No. 2. 46 pages.]
12. Кассационное определение Верховного суда РФ от 15 сентября 2010 г. № 46-о10-80. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2006 год//Бюллетень Верховного суда РФ. 2007. № 9. [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.08.2018 г.). [Cassation definition of the Supreme Court of the Russian Federation of September 15, 2010 No. 46-o10-80. The review of cassation practice of Judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation for 2006//the Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2007. No. 9. [Electronic resource] Union of Right Forces ConsultantPlus (date of the address 8/15/2018).]

Gribunov O. P., Belyaeva E. R.

**INACTION OF THE EMPLOYEE OF QUICK AND INVESTIGATION BODY, AS
ONE OF WAYS OF COMMISSION OF FALSIFICATION OF RESULTS INVESTIGATION
AND SEARCH OPERATIONS.**

Abstract: In article on the basis of opinions of the leading scientists it is analyzed disputed issues of commission of falsification of results of investigation and search operations in the form of inaction. The author considers not only active actions of commission of this type of crime, but such way of commission of falsification of results of investigation and search operations as not submission of the quick and investigation documents fixing production of separate investigation and search operations.

Keywords: inaction, way of crime, falsification, results of investigation and search operations, crime, quick employee, malfeasance, law enforcement agencies, falsification of proofs, subject of crime.

ГРИБУНОВ О.П., БЕЛЯЕВА Е.Р.

Сведения об авторах:

Грибунов О. П., доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника института (по научной работе), Восточно-Сибирский институт МВД РФ.

Беляева Е. Р., адъюнкт адъюнктуры, Уральский юридический институт МВД России.

About the authors:

Gribunov O. P., Doctor of Law Sciences, Docent, the deputy chief of institute (on scientific work) East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, gribunov@mail.ru

gribunov@mail.ru

Belyaeva E. R., graduated in a military academy of a graduate military course, Ural legal institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Vatya@list.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ-ДАКТИЛОСКОПИСТОВ В США

ХОЛЕВЧУК А.Г.

Аннотация: в статье анализируется зарубежный опыт в части подготовки судебных экспертов-дактилоскопистов. Обращается внимание на проблемные аспекты подготовки. Подчеркивается важность поиска альтернативных способов повышения экспертной квалификации, которые основываются на современных информационных технологиях и способствуют оптимизации учебной подготовки экспертов в США.

Ключевые слова: анализ; дактилоскопия; подготовка экспертов; повышение квалификации; современные подходы.

В США статус экспертов, занятых в судебно-экспертных учреждениях, зависит от квалификационных экзаменов, проводимых для подтверждения достоверности и надёжности используемых исследовательских методов по уголовному делу. Квалификационные экзамены в области дактилоскопии созданы для проверки лабораторных экспертных методов, показателей работы отдельных экспертов, выполняемой в форме смоделированных ситуаций, призванных воссоздать повседневную экспертную деятельность. Квалификационные экзамены могут проводиться собственными силами лаборатории и с привлечением сторонних организаций, имеющих соответствующую аккредитацию. В частности, в Международном стандарте ISO/IEC 17043 «Оценка соответствия - Основные требования к проведению проверки квалификации» [1] говорится:

Параграф 4.4.2.3: Матрица, измеряемые величины и концентрации образцов для проверки квалификации должны максимально соответствовать типам образцов или материалов, с которыми участники работают при повседневных испытаниях и калибровках.

Кроме того, Научная рабочая группа (Scientific Working Group), устанавливающая стандарты дактилоскопической экспертизы в Северной Америке (SWGFAST), даёт рекомендации по проведению квалификационных экзаменов в области дактилоскопии. Специалисты SWGFAST заявляют, что «программа проверки квалификации [в области дактилоскопии] является надежным средством оценки качества эксперта с точки зрения его способности выполнять работу» [2]. Рекомендуются, чтобы квалификационные экзамены содержали проверочные материалы различной сложности, характерные для повседневной экспертной работы. В 2016 году в Докладе Президенту «Судебная экспертиза в уголовных судах: обеспечение научной достоверности методов сопоставления признаков» Консультативный совет по науке и технологиям при Президенте США (PCAST) обсудил целесообразность проверки квалификации экспертов.

PCAST укрепляет рекомендацию SWGFAST утверждая, что проверка профессиональной подготовки должна отражать весь спектр встречающихся в экспертной работе образцов разного типа и качества [2;3].

Квалификационные экзамены, проводимые на коммерческой основе, могут быть подвергнуты критике из-за используемых методов определения уровня их сложности. В настоящее время соответствие определенному уровню сложности устанавливается посредством двух методов: 1) субъективной экспертной оценки сложности отдельных отпечатков в рамках проверочных испытаний; 2) метода достижения согласия экспертов. До выхода материалов квалификационного экзамена эксперты работают над субъективным определением того, является ли сложность отпечатков в рамках подготавливаемого тестового испытания характерной для тех, что исследуются в повседневной работе. Субъективные мнения экспертов по поводу сложности дактилоскопического экзамена будут варьироваться с учётом нескольких факторов (опыта, квалификации, времени, потраченного на работу с отпечатками). Независимо от того, насколько надежны критерии определения сложности отпечатка, экспертные оценки могут иметь отклонения. Основная аттестационная организация по дактилоскопии оценивает сложность экзамена путём определения – «достаточно» ли единогласных выводов экспертов получено по всем вопросам. Обычно 80% точности в ответах на задания являются порогом экспертного согласия. В результате образцы, не соответствующие определённому уровню согласия, считаются образцами низкого качества, даже если отпечаток верно отображает оригинал [4]. Таким образом, отсутствие согласия стало показателем недостаточной разработки экзаменационных заданий или приводило к критике этого сегмента судебно-экспертного сообщества.

Организации, занимающиеся проверкой экспертной квалификации, зачастую, по окончании экзаменов публикуют сводный отчет на своем общедоступном веб-сайте [5]. Эти отчеты об экзаменах содержат информацию о том, как проводилась проверка, краткое изложение полученных результатов, ответы на непосредственные вопросы и раздел дополнительных комментариев с отзывами, предоставленными участниками. Обзор комментариев лиц, прошедших тестирование в одной из основных аттестационных организаций, показывает широкий диапазон оценки сложности. Комментарии экспертов в рамках результатов одного и того же экзамена показывают, что тест оказался самым сложным из тех, что когда-либо приходилось решать, в то время как другие пользователи заявляют, что сравнение представленных отпечатков оказалось намного проще, чем тех, которые обычно исследуются в работе [5].

После изучения практики проверки квалификации в сравнительных криминалистических отраслях в отчете PCAST рекомендовалось улучшить эти тесты, сделав их более строгими [3]. К сожалению, во время разработки данных тестов отсутствовал иной способ измерения степени их сложности, строгости и репрезентативности. В настоящей работе исследуется метод объективной оценки сложности в попытке определить, действительно ли отпечатки, представленные на квалификационных экзаменах, соответствуют следам пальцев рук, изымаемым в рамках ежедневной работы экспертов [12].

Материалы и методы

Субъективная экспертная оценка является наиболее часто используемым методом выявления качества следов пальцев рук, предоставляемых на экзаменах [6]. Четкость отпечатка определяется количеством деталей трёхмерных папиллярных линий, перенесённых на двумерное изображение [7]. Четкость в значительной степени оказывает влияние на субъективную оценку качества, выполняемую экспертом. В результате термины «качество» и «четкость» стали взаимозаменяемы в судебно-экспертном сообществе США.

Из-за прогнозируемой изменчивости в оценках качества разными экспертами, исследователями предприняты меры к обеспечению объективных, надежных и воспроизводимых методов оценки качества изображения отпечатков. Федеральное бюро расследований (ФБР) выпустило версию (6.6.0) универсальной рабочей станции (Universal Latent Workstation – ULW), в которую вошло программное обеспечение по стандартам качества отпечатков (LQMetrics) [8]. Элемент программного обеспечения LQMetrics, измеряющий общий показатель четкости и качества в деталях, присваивает оценку, колеблющуюся от 0 до 100, являющуюся мерой уровня и качества папиллярных линий в отпечатках [8]. Чем больше общий показатель четкости, тем выше уровень или качество деталей папиллярных линий.

Прежде чем использовать показатели четкости LQMetrics для оценки сложности указанных следов пальцев рук в целях их сравнения, необходимо оценить взаимосвязь между качеством (четкостью) и сложностью отпечатка. Результаты исследований показали прямую корреляцию между экспертными оценками качества и сложностью скрытых отпечатков [6;9]. По мере уменьшения качества скрытого отпечатка или его четкости сложность экзамена увеличивается; кроме того, шанс совершения ошибки выше в более сложных экзаменах. Таким образом, оценка качества может быть показателем сложности отпечатка. В целях исследования обусловленной потенциальной корреляции, компанией «Рон Смит и Партнёры» (Ron Smith and Associates, Inc.) предоставлен набор данных, содержащий 500 изображений скрытых отпечатков. Создатели набора субъективно оценивали сложность каждого отпечатка и классифицировали их на семь уровней сложности (1-7), с присвоением оценки «без значения». Более сложным присваивалось меньшее число. Каждый из этих 500 скрытых отпечатков оценен программным обеспечением LQMetrics для получения общей оценки четкости. При условии, что наблюдается прямая тенденция между общей оценкой четкости по LQMetrics и субъективно определенной сложностью отпечатка, общий показатель четкости используется в качестве основной величины для оценки сложности скрытых отпечатков.

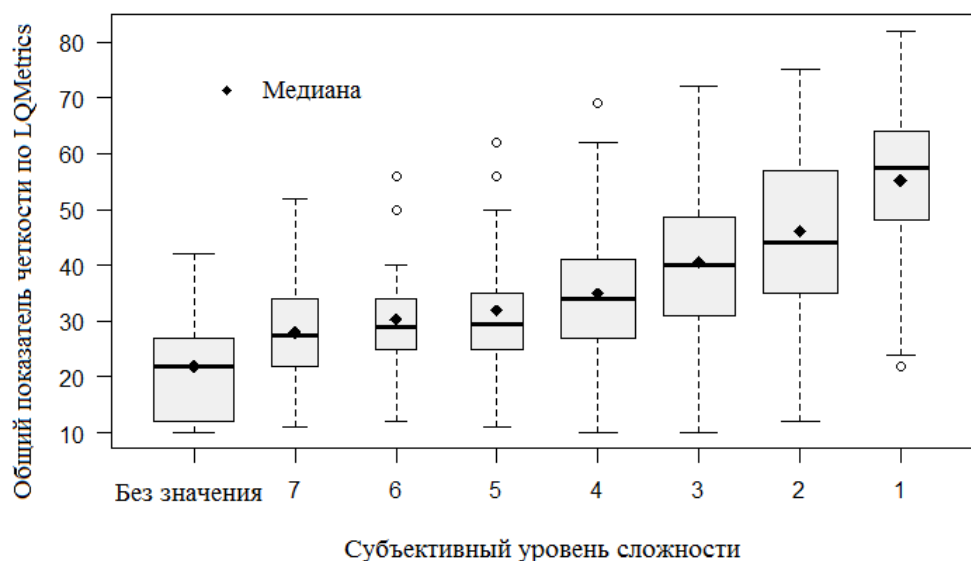
Предполагая, что общий показатель четкости и сложность взаимосвязаны, ключевым вопросом является: могут ли скрытые отпечатки, встречающиеся в квалификационных экзаменах, реально отражать те, которые встречаются в повседневной экспертной работе? В попытке ответить на этот вопрос получены два дополнительных набора образцов скрытых отпечатков: 129 из 13 экзаменационных тестов, проводимых Службой организации совместных испытаний (Collaborative Testing Services – CTS) (с 2009 по 2016 годы) и 215, полученных в ходе повседневной работы в американской

федеральной лаборатории и представлены для поиска в автоматизированной системе идентификации отпечатков пальцев (AFIS). Каждый скрытый отпечаток пальца из двух наборов данных исследован с помощью общей оценки четкости LQMetrics, используемой в качестве объективной и воспроизводимой величины для определения сложности отпечатков.

Результаты работы и их обсуждение

Как показано на рисунке 1, менее сложные скрытые отпечатки, которые были субъективно определены аттестованными экспертами часто приводят к более высоким общим показателям четкости по LQMetrics. Эти данные, наряду с другими опубликованными материалами [6] показывают, что оценки качества или четкости могут использоваться в качестве основной величины для определения сложности скрытого отпечатка пальца [12].

Рисунок 1. Диаграмма прямоугольников-столбиков, отражающая сопоставление субъективных уровней сложности 500 скрытых отпечатков пальцев и связанных с ними показателей общей четкости по LQMetrics. Она иллюстрирует восходящую тенденцию отношений между скрытыми отпечатками, субъективно определенными как «менее сложные» и более высокими показателями четкости по LQMetrics. Разная ширина прямоугольников для каждого уровня сложности связана с размером образца этой группировки¹.

Вопрос, заданный в исследовании: являются ли невидимые следы пальцев рук, встречающиеся в повседневной работе, более сложными, чем скрытые отпечатки, предоставляемые в рамках квалификационных экзаменов? Для его проверки можно сформулировать нулевую гипотезу.

Нулевая гипотеза: уровни сложности скрытых отпечатков, встречающихся в тестах на квалификацию, и следов, полученных в рамках повседневной работы, схожи.

¹ Для сведения: LQMetrics Overall Clarity Score – общий показатель четкости по LQMetrics; Subjective Difficulty Level – субъективный уровень сложности; No Value – без значения; Mean – медиана.

Тест Колмогорова-Смирнова (К-С) с двумя выборками может использоваться для определения того, получены ли два образца данных из одного и того же распределения. Преимущество теста К-С заключается в том, что распределения этих двух образцов из базы данных не должны быть одинаковы или соответствовать параметрическим критериям [10]. Результаты расчётов теста К-С приведены в таблице 1. Используя тест К-С, нулевую гипотезу можно отбросить при $p < 0,001$. На рисунке 2 показан существенный сдвиг в двух кумулятивных распределениях, в основном означающий, что набор данных, полученный в ходе повседневной работы, содержал большее число скрытых отпечатков с меньшим показателем четкости. Это еще раз подтверждается значительными различиями медианных значений и доверительных интервалов оценки четкости в таблице 1.

Рисунок 2. Эмпирические кумулятивные частотные распределения суммарной оценки четкости по LQMetrics из набора данных скрытых отпечатков пальцев, полученных в ходе работы по уголовным делам и квалификационным экзаменам¹.

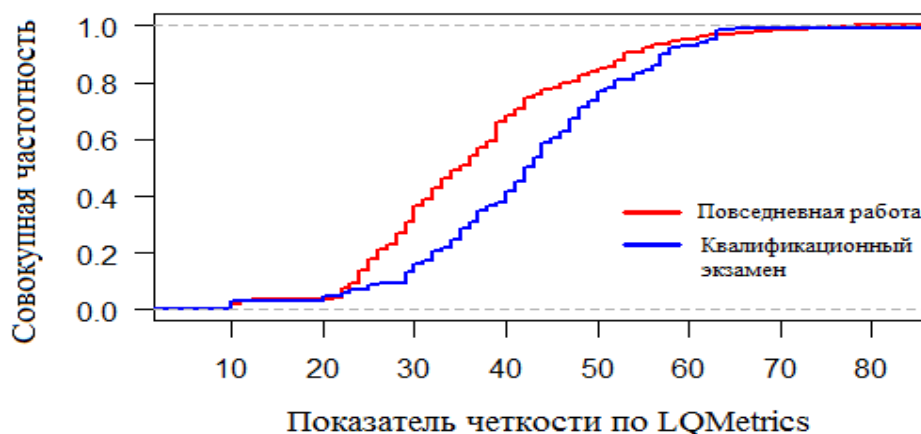

Таблица 1. Анализ общей четкости скрытых отпечатков, полученных в ходе повседневной работы, и из тестов на квалификацию. Результаты теста Колмогорова-Смирнова, примененного для проверки нулевой гипотезы о том, что уровни сложности скрытых отпечатков, встречающихся в тестах на квалификацию, и отпечатков, полученных в повседневной работе, схожи.

Общий показатель четкости	Число образцов (n)	Медианное значение (μ)	Стандартное отклонение (σ)	99%-ный доверительный интервал
Повседневная работа	215	36.63	12.62	34.41 – 38.85
Квалификационный экзамен	129	42.28	12.53	39.44 – 45.12
Тест Колмогорова-Смирнова		$D_{n,n1}$		$D(\alpha)$

¹ Для сведения: LQMetrics Clarity Score – показатель четкости по LQMetrics; Cumulative Frequency – совокупная частотность; Casework – повседневная работа; Proficiency – квалификационный экзамен.

$\alpha = 0.001$		0.281	>	0.217
------------------	--	-------	---	-------

Алгоритм оценки общей четкости по LQMetrics имеет некоторые ограничения. С его помощью не может анализироваться скрытый отпечаток настолько точно, как делает эксперт. Эти ограничения включают в себя возможность выявления типов папиллярных узоров, участков интенсивности узоров и других атрибутов отпечатка, делающих поиск и сравнение трудными. Эти компоненты поиска и сравнения влияют на решение эксперта в части прогнозирования или оценки сложности исследования конкретного скрытого отпечатка. Например, эксперт может оценить скрытый отпечаток, содержащий завершённое ядро или дельту, как менее трудный, даже несмотря на то, что четкость может быть ухудшена, поскольку ядро или дельта представляют привязку или исходную точку для исследования. С другой стороны, эксперт может оценить четкий скрытый отпечаток, произошедший от кончика пальца, как более трудный, в связи с тем, что требуется потенциально кропотливое исследование, связанное с отсутствием исходной точки (дельта, ядро и т.д.).

Любые решения, требующие от лица интерпретации определённых трудностей, будут варьироваться в зависимости от субъективного характера его оценки. Различия в субъективной интерпретации скрытых отпечатков, вероятно, обусловлены уровнем подготовки экспертов, опытом, естественным «талантом» и приобретённой оценкой сложности, вытекающей из повседневного анализа скрытых отпечатков, встречающихся в работе. Несмотря на обсуждаемые ограничения, может оказаться более полезным оценивать уровень сложности скрытых отпечатков в квалификационных экзаменах с помощью систем измерения, таких как программное обеспечение оценки общей четкости LQMetric или другие подобные программы.

Используя эти оценки, вытекающие из двух наборов данных скрытых следов пальцев рук (из работы AFIS и квалификационных экзаменов), проанализирована репрезентативность этих образцов по отношению друг к другу. Ещё один пункт, который следует подчеркнуть, заключается в том, что эксперты традиционно выбирали высококачественные отпечатки, полученные в конкретном случае для поиска в AFIS, поэтому среднее качество набора данных AFIS (рабочих отпечатков) может быть выше, потому что отпечатки, считающиеся «не подходящими AFIS» не были включены. Можно сказать, что на уровне значимости $\alpha = 0,001$ нулевая гипотеза о том, что уровни сложности скрытых отпечатков, встречающихся в тестах на квалификацию, и тех, которые получены в ходе обычной работы, схожи, может быть отклонена. Уровень сложности отпечатков, исследуемых в ходе экзаменов на профессиональную квалификацию, не является показателем уровня сложности отпечатков, которые обычно анализируются экспертом.

Заключение

Как правило, скрытые отпечатки, являющиеся менее информативными на всех уровнях детализации, имеют более низкий уровень качества и считаются более сложными. Рисунок 1 оценивает это утверждение, сравнивая уровень сложности, присвоенный экспертом, и показатель общей четкости скрытых отпечатков по

«LQMetrics». В результате метрика оценки общей четкости использовалась для сравнения отпечатков из двух источников: скрытых отпечатков, полученных из квалификационных тестов CTS, и отпечатков, наблюдаемых в повседневной работе. Это исследование предполагает, что скрытые отпечатки, встречающиеся в коммерчески доступных тестах на квалификацию по дактилоскопии, менее трудны и не являются характерными для множества отпечатков, наблюдаемых в повседневной работе. Данные, использованные для достижения заявленного заключения, основаны на объективных, надежных и воспроизводимых показателях, поддерживаемых исследованиями [11].

Представители системы уголовного правосудия должны оценить целесообразно ли определять квалификацию эксперта, если используемый тестовый материал не отражает должным образом полный диапазон сложностей, существующих в работе. Определение сложностей с использованием субъективных критериев экспертов может иметь существенные различия, поэтому разработчики соответствующих тестов должны полагаться на объективные показатели сложности, когда таковые имеются. Наконец, для тех, кто проходит тестирование, нецелесообразно оказывать влияние на строгость будущих тестовых материалов путём достижения согласия и комментариев [4].

Библиографический список/ References

1. International Organization for Standardization. ISO/IEC 17043:2010 Conformity Assessment—General Requirements for Proficiency Testing. February 2010 // URL: <https://www.iso.org/standard/29366.html> (дата обращения: 01.05. 2018 г.).
2. Scientific Working Group on Friction Ridge Analysis, Study and Technology (SWGFAST). Document #13 Friction Ridge Comparison Proficiency Testing Program (Latent/Tenprint), version 2.0, November 2012.
3. President's Council of Advisors on Science and Technology (PCAST). Forensic Science in Criminal Courts: Ensuring Scientific Validity of Feature-Comparison Methods. Executive Office of the President: Washington, D.C., 2016.
4. Czyryca C. A Proficiency Test Provider's Perspective. National Commission on Forensic Science, A Presentation at the Accreditation and Proficiency Testing Subcommittee Webinar. August 2015 // URL: www.justice.gov/ncfs/file/761061/download (дата обращения: 01.08.2015 г.).
5. Collaborative Testing Services, Inc. Latent Print Examination Proficiency Testing Results Reports 2011 through 2016 // URL: http://www.ctsforensics.com/reports/default.aspx?F_CategoryId=21 (дата обращения: 07.01.2017 г.).
6. Hicklin R.A., Buscaglia J., Roberts M.A., Meagher S.B., Fellner W., Burge M.J., Monaco M., Vera D., Pantzer L.R., Yeung C.C., Unnikumaran T.N. Latent Fingerprint Quality: A Survey of Examiners // Journal of Forensic Identification. 2011. Vol. 61. Iss. 4. P. 385-418.
7. Ashbaugh D.R. Quantitative-Qualitative Friction Ridge Analysis, An Introduction to Basic and Advanced Ridgeology; CRC Press: Boca Raton, FL. 1999. P. 83-148.

ХОЛЕВЧУК А.Г.

8. FBI. Universal Latent Workstation (ULW) LQMetrics User Guide. November 2015 // URL: <https://www.fbibiospecs.cjis.gov/Document/Get?fileName=20151109%20LQMetrics%20User%20Guide.pdf> (дата обращения: 09.01.2017 г.).
9. Kellman P.J., Mnookin J.L., Erlikhman G., Garrigan P., Ghose T., Mettler E., Charlton D., Dror I.E. Forensic Comparison and Matching of Fingerprints: Using Quantitative Image Measures for Estimating Error Rates through Understanding and Predicting Difficulty // PLOS One. 2014. Vol. 9. Iss. 5. P. e94617.
10. National Institute of Standards and Technology. Kolmogorov Smirnov Two Sample. July 2016 // URL: <http://www.itl.nist.gov/div898/software/dataplot/refman1/auxillar/ks2samp.htm> (01.05.2017 г.).
11. Hicklin R.A., Buscaglia J., Roberts M.A. Assessing the Clarity of Friction Ridge Impressions // Forensic Science International. 2013. Vol. 266. Iss. 1-3. P. 106-117.
12. Koertner A.J., Swofford H.J. Comparison of latent print proficiency tests with latent prints obtained in routine casework using automated and objective quality metrics // Journal of Forensic Identification. 2018. Vol. 68. Iss. 3. P. 379-388.

Holevchuk A.G.

**PROBLEM ASPECTS OF TRAINING OF COURT EXPERTS ON FINGERPRINTS
IN THE USA**

Abstract: In article the analysis of foreign experience, regarding training of court experts in the field of dactyloscopy is given. The attention to separate problem aspects of training of experts of the designated profile is paid. Importance of search of alternative ways of increase in expert qualification, based on the modern information technologies promoting optimization of educational training of experts in fingerprints is emphasized in the USA.

Keywords: analysis; dactyloscopy; training of experts; professional development; modern approaches.

Сведения об авторе:

Холевчук А. Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет, филиал в г. Новороссийске, адрес: г. Новороссийск, ул. Коммунистическая, 36. aholevchuk@mail.ru.

About the author:

Holevchuk A. G. Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities disciplines of the Kuban State University, branch in Novorossiysk, Novorossiysk, Kommunisticheskaya street, 36.

ПРАВИЛА О ПРОИЗВОДСТВѢ СЛѢДСТВІЙ ПО ПРЕСТУПЛЕНІЯМЪ.
ЧАСТЬ II. О ФОРМАЛЬНОМЪ СЛѢДСТВІИ.
ГЛАВА III. О СОБРАНІИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ

ОТДѢЛЕНИЕ III.

О лигномъ осмотрѣ слѣдовъ преступленія и вещей, обязывающихъ совершеніе онаго.

§ 222. Слѣды преступленій осматривать порядкомъ въ главѣ объ изслѣдованіи происшествія и осмотрѣ, въ статьяхъ 947 — 953 кн. II, Т. XV изложеннымъ (см. §§ 42 — 52-й); о всякомъ осмотрѣ долженъ быть составленъ журналъ за подписаніемъ слѣдователя. (Т. XV, ст. 1079).

§ 223. Вынутое поличное орудіе, коимъ совершено преступленіе, вещи, найденныя при обвиняемомъ, и вообще все, что можетъ служить въ доказательство или объясненіе преступленія, должно, буде возможно, быть приобщено къ дѣлу. (Т. XV, ст. 1080).

§ 224. Никто не можетъ отрицаться выдать нужныя къ производству уголовного слѣдствія вещественныя доказательства, какъ-то: печати и тому подобное, подъ опасеніемъ, за сокрытіе или утайку, сужденія и наказанія какъ за укрывательство, по ст. 16, 130 и 134 Уложенія о наказаніяхъ (Т. XV, ст. 1081 по Прод. VI).

§ 225. Вещественныя доказательства должны быть хранимы тщательно при описи и за печатью. (Т. XV, ст. 1082).

ОТДѢЛЕНИЕ IV.

О показаніяхъ свѣдущихъ людей.

§ 226. Если точное узнаніе встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства предполагаетъ особенныя свѣдѣнія или опытность въ какой-либо наукѣ, искусствѣ или ремеслѣ:

то надлежитъ истребовать о нихъ показаніе и мнѣніе свѣдущихъ людей, соображаясь съ правилами, изложенными въ главѣ объ изслѣдованіи происшествія и осмотрѣ, см. §§ 42—52. (К. XV, ст. 1083).

ОТДѢЛЕНИЕ V.

О показаніяхъ свидѣтелей.

1. КТО МОЖЕТЪ БЫТЬ СВИДѢТЕЛЕМЪ.

§ 227. Всякое лице, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, можетъ быть допрошено, какъ свидѣтель, когда оно имѣетъ здравыя физическія чувства и разумъ для познанія предмета, о которомъ требуется его свѣдѣтельство, и когда нѣтъ причины предполагать, что показаніе его будетъ невѣрно. (Т. XV, ст. 1084).

§ 228. Монахи, священники, діаконы, и церковные причетники отъ свѣдѣтельства не устраниются. (Т. XV, ст. 1085).

§ 229. Не допускаются въ дѣлѣ уголовномъ къ свѣдѣтельству подъ присягою:

- 1) Малолѣтныя, недостигшіе 15-лѣтняго возраста.
- 2) Безумные и сумасшедшіе.
- 3) Глухонѣмые.

4) Смертоубійцы, разбойники, воры, люди, портившіе тайно межевые знаки, учинившіе прежде въ Судѣ лживую присягу, склонившіе другихъ къ ложному свѣдѣтельству, изгнанные изъ Государства, публично за преступленія наказанные, и вообще всѣ лишенные чести и всѣхъ правъ состоянія.

- ✓ 5) Тѣ, кои свидѣтельствуютъ по слуху отъ другихъ.
- 6) Явные прелюбодѣи.
- 7) Небывшіе никогда у Святаго Причастія.
- 8) Тѣ, кои отъ церкви отчуждены или прокляты.
- 9) Иностранцы, коихъ поведеніе не извѣстно. (Т. XV, ст. 1086).

§ 230. Равномѣрно не допускаются въ дѣлѣ уголовномъ къ свидѣтельству подъ присягою:

- 1) Лица, прикосновенныя къ дѣлу.
- 2) Находящіеся съ подсудимымъ въ родствѣ и ближнемъ свойствѣ, или въ дружбѣ, или имѣвшіе съ нимъ до того времени вражду, хотя бы потомъ они помирились.
- 3) Дети противъ родителей; но родители дѣтьми отъ свидѣтельства устранены быть не могутъ.
- 4) Отпущенные на волю противъ прежнихъ помѣщиковъ своихъ и дѣтей ихъ.
- 5) Люди, подкупленные къ свидѣтельству.
- 6) Жены противъ мужей.
- 7) Раскольники въ дѣлахъ правовѣрныхъ; въ дѣлахъ же между собою они къ свидѣтельству допускаются. (Т. XV, ст. 1087).

§ 231. Въ губерніяхъ, въ коихъ Евреямъ дозволяется постоянное жительство, допускается свидѣтельство ихъ и по дѣламъ Христіанъ. Относительно же допущенія Магометанъ въ свидѣтели, въ 1828 г. постановлено въ дополненіе къ существующимъ въ Закавказскомъ краѣ правиламъ слѣдующее: 1) дозволить Магометанъ принимать въ свидѣтели и по дѣламъ Христіанъ; но 2) въ тѣхъ случаяхъ, когда по общему закону признается достаточнымъ свидѣтельство двухъ человекъ, изъ Магометанъ должно быть не менѣе четырехъ свидѣтелей; 3) при каждомъ случаѣ, когда Магометанинъ призывается въ свидѣтели по дѣламъ Христіанъ, внушать ему всю важность онаго и всю строгость Законовъ, наказывающихъ за ложное

свидѣтельство. 4) Свидѣтельство по дѣламъ Христіанъ менѣе четырехъ человекъ Магометанъ и даже одного, можетъ быть приѣмлемо въ такомъ токмо случаѣ, когда обѣ спорящія стороны дѣлаютъ общую ссылку на тѣ лица; и 5) въ дѣлахъ, между одними Магометанами производящихся, оставить свидѣтельство ихъ на прежнемъ основаніи. Въ Оренбургской же и прочихъ губерніяхъ, гдѣ живутъ Магометане, свидѣтельство ихъ по дѣламъ Христіанъ оставлено на общемъ основаніи Законовъ. (Т. XV Примѣч. 1-е къ ст. 1087).

§ 232. Въ отношеніи числа свидѣтелей и порядка свидѣтельства по уголовнымъ дѣламъ Сибирскихъ Киргизовъ, дѣйствуютъ правила, изданныя для Закавказскаго края и изложенныя въ пяти пунктахъ Примѣчанія 1-го къ ст. 1087. (Т. XV, Примѣч. 2-е къ ст. 1087. Прод. VI).

§ 253. Къ свидѣтельству по дѣламъ Евреевъ, принявшихъ Христіанское исповѣданіе, бывшіе ихъ единоверцы, то есть, Евреи же, допускаются въ мѣстахъ постоянного ихъ жительства тогда только, когда не будетъ достаточнаго числа свидѣтелей изъ Христіанъ. Въ семъ случаѣ они приводятся къ присягѣ по формамъ, постановленнымъ въ приложеніи къ статьѣ 1102 см. § 249. (Т. XV, Примѣч. 3-е къ ст. 1087, по Прод. VII).

§ 234. Крѣпостные люди подсудимыхъ, ихъ вольноотпущенные, и люди, находящіеся у нихъ въ услуженіи и получающіе отъ нихъ пропитаніе, могутъ быть допрашиваемы только за недостаткомъ другихъ свидѣтелей. Если крѣпостные люди, будучи спрошены, покажутъ противу помѣщиковъ ихъ, то они поручаются особенному покровительству мѣстнаго Начальства, для огражденія ихъ отъ преслѣдованія. (Т. XV, ст. 1088).

§ 235. Помѣщики не устраниются отъ свидѣтельства по дѣламъ о воровствѣ, разбоѣ, или убійствѣ, учиненныхъ ихъ крѣпостными людьми. (Т. XV, ст. 1089).

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ И ДЕЛ В УГОЛОВНОМ, ГРАЖДАНСКОМ, АРБИТРАЖНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

28-29 сентября 2018 г. в Санкт-Петербурге проходила Международная научно-практическая конференция «Теория и практика судебной экспертизы при рассмотрении экономических споров и дел в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве». Организаторами конференции выступили Северо-Западный филиал ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия» совместно с Союзом Финансово-экономических судебных экспертов при содействии Санкт-Петербургского отделения общероссийской общественной организации «Российское объединение судей».

К обсуждению предлагались следующие актуальные вопросы:

- унификация судебно-экспертной деятельности и проблемы доступа к профессии эксперта. О проекте Федерального Закона «О судебно-экспертной деятельности в РФ»;
- классификация и стандартизация судебно-экспертной деятельности в целях устранения некоторых процессуальных и методических проблем ее осуществления. Методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности: вопросы содержания и нормативной регламентации;
- процессуальные и организационные ошибки при назначении и производстве экспертиз;
- процессуальные и организационные вопросы взаимодействия суда, участников процесса и экспертных организаций при назначении и проведении судебных экспертиз;
- правовой статус негосударственного судебного эксперта и экспертного учреждения;
- практика привлечения судебных экспертов при рассмотрении дел об оспаривании кадастровой стоимости в административном судопроизводстве;
- практика проведения финансово-экономической судебной экспертизы по отдельным категориям дел (определение признаков умышленного банкротства, определение стоимости доли «ООО» в судебном порядке, при рассмотрении споров об утверждении и применении тарифов и т.д.);
- тенденции развития судебно-бухгалтерской экспертизы при расследовании преступлений коррупционной направленности;
- роль строительно-технической и стоимостной экспертизы в судопроизводстве;
- особенности назначения и проведения судебно-оценочных экспертиз;
- экономическая судебная экспертиза в спорах по защите интеллектуальных прав в уголовном, гражданском и арбитражном процессах.

МОИСЕЕВА Т.Ф.

С приветственным словом к участникам конференции обратились: председатель Санкт-Петербургского городского суда, председатель Санкт-Петербургского отделения Общероссийской общественной организации «Российское объединение судей» Алексей Вадимович Лаков, директор Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения Общероссийской общественной организации «Российское объединение судей» Ярослав Борисович Жолобов, председатель совета судей г. Санкт-Петербурга Олег Олегович Кутыев, генеральный директор, вице-президент Союза Финансово-экономических судебных экспертов Алёна Валерьевна Верховзина – Рогич. Они отметили актуальность и важность темы конференции, а также значимость рассматриваемых вопросов для развития теории судебной экспертизы, для практики судебного рассмотрения экономических споров и дел. Было зачитано приветствие участникам конференции заместителя председателя Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции Анатолия Борисовича Выборного. От имени ректора Российского государственного университета правосудия Валентина Валентиновича Ершова участников конференции приветствовала заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики РГУП, д.ю.н Т.Ф. Моисеева, которая отметила вклад РГУП в развитие судебно-экономической экспертизы и передала пожелания успешной и плодотворной работы конференции.

На пленарном заседании 29 сентября 2018 г. с докладами выступили ученые и практики в области судебной экспертизы, экономических экспертиз и оценочной деятельности, которые в своих докладах обозначили наиболее острые проблемы судебно-экспертной деятельности в целом и, связанные с рассмотрением экономических споров.

Одним из приоритетным направлением развития теории и практики судебной экспертизы является унификация всех аспектов судебно-экспертной деятельности.

Вопросы унификации отраслевого законодательства рассматривались в докладе Т.Ф. Моисеевой. Отмечались различия в изложении норм, регулирующих судебно-экспертную деятельность в разных видах судопроизводства, не только по форме изложения, но и по их содержанию, что никак не связано со спецификой вида процесса и вызывает определенные сложности для правоприменителя при оценке судебных экспертиз как доказательств. Также была обоснована необходимость совершенствования законодательства по вопросам негосударственной судебно-экспертной деятельности и выработки и законодательного закрепления формальных критериев оценки компетентности негосударственных экспертов. Лицензирование как один из возможных способов регулирования компетентности судебных экспертов, рассматриваемое в проекте закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» воспринимается экспертным сообществом неоднозначно. Высказывались опасения о негативном влиянии такого введения на аспекты независимости эксперта и возможных коррупционных проявлениях, связанных с лицензированием.

Проблемы, связанные с назначением и оценкой результатов судебных экспертиз рассматривались в докладах представителей судейского корпуса.

Об актуальных проблемах, возникающих при назначении судебных экспертиз при рассмотрении гражданских дел, говорил в своем выступлении судья Красносельского районного суда Санкт-Петербурга Д.Г. Никулин, а М.Г. Ковалева, врио председателя Пушкинского районного суда Санкт-Петербурга, обратила внимание на некоторые процессуальные проблемы, возникающие при оценке заключения эксперта на стадии судебного разбирательства по уголовным делам. Судья Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области, кандидат юридических наук С.С. Покровский затронул проблемы научного, методологического и организационного обеспечения судебных экспертиз по делам о банкротстве. О некоторых проблемах сбора арбитражным судом материалов для проведения финансово-экономической экспертизы по делам о банкротстве говорил в своем докладе И.М. Шевченко, председатель судебного состава Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Директор Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения Общероссийской общественной организации «Российское объединение судей» Я.Б. Жолобов обратил внимание на разумные сроки рассмотрения гражданских и уголовных дел в связи с необходимостью назначения и проведения экспертиз

Большой интерес вызвал доклад и.о. зав. кафедрой гражданского процесса СПбГУ, профессор, кандидат юридических наук М.З. Шварца «Спорные вопросы назначения и проведения судебных экспертиз в гражданском судопроизводстве». В частности, в своем выступлении он затронул вопрос об имущественной ответственности судебного эксперта за несоблюдение сроков и за некачественное производство судебных экспертиз.

Интересный анализ законодательства Франции по регулированию судебной экспертизы был сделан в докладе доцента кафедры гражданского процесса Уральской государственной юридической академии, кандидата юридических наук, доктора права (Франция) И.Г. Ренца. Информация о ведении общенационального и окружных списков судебных экспертов Франции, требования к экспертам для вхождения в данные списки и вопросы судебно-экспертной этики представляют несомненный интерес для совершенствования законодательного регулирования судебно-экспертной деятельности в России.

О значении судебной экспертизы в системе доказательств и доказывания по уголовному делу говорилось в докладе профессора кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук М.Х. Гельдибаева, а о последствиях нарушения процессуальных норм при назначении экспертизы шла речь в докладе доктор юридических наук А. Н. Кузбагарова, профессора кафедры гражданского права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Вопросам унификации методического и кадрового аспектов судебно-экспертной деятельности был посвящен доклад Н.А. Замараевой, начальника ФБУ «Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции РФ», в котором отмечалась значимая роль образованного при Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии Технического комитета №34 «Судебная экспертиза» в

стандартизации путем унификации типовых экспертных судебно-экспертной деятельности.

Развернутый доклад о современном состоянии и перспективах развития судебной финансово-экономической экспертизы был сделан вице-президентом Союза Финансово-экономических судебных экспертов, кандидатом экономических наук А.А. Савицким.

Наиболее актуальными и востребованными практикой расследования экономических преступлений и решения экономических споров в настоящее время являются экспертизы по оценке стоимости – судебно-оценочные экспертизы, которые пока не входят ни в перечень экспертиз, проводимых в системе государственных экспертных учреждений и в научную классификацию судебных экспертиз. К проблемам судебно-оценочной деятельности было обращено основное внимание участников конференции.

Установочный доклад о перспективах развития и актуальных вопросах судебных стоимостных экспертиз сделал президент Союза Финансово-экономических судебных экспертов, профессор Московского государственного строительного университета, доктор экономических наук К.Ю. Кулаков. Он рассмотрел соотношение судебно-экспертной деятельности в области оценки и оценочной деятельности как таковой. Сравнение нормативно-правовой показало, что оценочная деятельность, осуществляемая на основе закона об оценочной деятельности, более четко регламентирована, профессиональные требования к оценщику более строгие, чем к судебному эксперту, деятельность которого регламентирована процессуальными кодексами и ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Особенности определения стоимости земельных участков при их изъятии для государственных нужд в рамках судебной экспертизы был посвящен доклад директора ООО «Институт оценки собственности и финансовой деятельности», члена Совета Союза Финансово-экономических судебных экспертов, доктора юридических наук Н.В. Воловича.

Вопросы подготовки кадров судебных экспертов также были предметом обсуждения конференции. Рассматривались проблемы дополнительного образования по судебной экспертизе и отмечалась необходимость унификации образовательных программ по конкретным направлениям, а также введение требований входящих компетенций для лиц, проходящих профессиональную переподготовку. Необходимость базовой фундаментальной подготовки для получения дополнительного образования по судебной экспертизе была обоснована в докладах К.Ю. Кулакова, Т.Ф. Моисеевой, Н.А. Замараевой, А.А. Савицкого. О практике подготовки и осуществления профессиональной деятельности судебных экспертов-строителей говорилось в докладе заведующего лабораторией судебной строительно-технической экспертизы Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, профессор Московского государственного строительного университета, доктор юридических наук А.Ю. Бутырина.

О некоторых вопросах судебной экспертизы при рассмотрении споров и дел в сфере интеллектуальных прав сделал сообщение Х.А.Мамаджанов, член Российского общества оценщиков, член Союза Финансово-экономических судебных экспертов, доктор технических наук.

29 сентября конференция продолжила свою работу в формате круглого стола, на котором продолжилось обсуждение актуальных вопросов судебно-экономических экспертиз.

Об особенностях проведения экспертизы по определению размера компенсаций вреда, причинённого родственникам и членам семей в связи с гибелью пассажиров в авиакатастрофе, сделали сообщение И.А. Комар и Н.Р. Киршина.

Актуальному и новому аспекту исследования цифровых активов, Блокчейну и финансовому надзору было посвящено выступление А.В. Мануйлова и Н.В. Мануйловой.

О принципиальных отличиях судебной оценочной экспертизы от оценочной деятельности шла речь в сообщении д.т.н. П.А. Козина и Д.Т.Н. Д.Д. Кузнецова.

А.Р. Цой, исполнительный директор Союза ФЭСЭ рассмотрела вопросы финансового обоснования проведения судебной экспертизы.

Актуальным вопросам производства строительно-технических экспертиз, назначаемых в ходе рассмотрения экономических споров и дел, было посвящено выступление эксперта И.Г. Братской. О судебной строительно-технической экспертизе как средстве доказывания в уголовном и гражданском судопроизводстве сделала сообщение к.ю.н. О.Г. Карнаухова.

Адвокат, вице-президент Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, президент Балтийской коллегии адвокатов им. Анатолия Собчака Ю.М. Новолодский в своем сообщении рассмотрел практику применения экспертиз в уголовном судопроизводстве. Проблемы процессуального положения оценщика в гражданском судопроизводстве осветила в своем выступлении к.ю.н. Л.В. Войтович. Правовые последствия ошибок при назначении и производстве экспертиз по гражданским делам были рассмотрены в сообщении Н.В. Непринцевой

В своем выступлении к.э.н. А.А. Савицкий проанализировал практику проведения финансово-экономической судебной экспертизы по определению признаков умышленного банкротства. Специфике экспертного исследования тарифообразования было посвящено выступление к.э.н. Д.О. Воронцова.

Об экспертизе правовой парадигмы по защите от уничтожения объектов всемирного наследия и культурных ценностей народов мира речь шла в выступлении д.э.н. М.Ю. Гаспаряна

А.И. Москалев рассмотрел судебную практику по вопросам изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд в Центрально-Черноземном регионе. Опыт судебной экспертизы по оценке бизнеса для Следственного комитета РФ поделилась к.э.н. К.Е. Калинкина. Отдельные методические вопросы судебной экспертизы: действительной vs рыночная стоимость доли в ООО, НДС в ОКСах, стоимости юридических услуг были рассмотрены в докладе к.э.н. В.И. Лебединского.

Особенности проведения экспертизы по объектам культурного наследия выявил в своем сообщении А.Ю. Бойко.

Актуальному и все еще дискуссионному вопросу о юридической (правовой) экспертизе были посвящены доклады к.э.н. Т.Ю. Феофиловой, которая остановилась на вопросах подготовки судебных юридических экспертов, обозначив проблемы и пути из

МОИСЕЕВА Т.Ф.

решения, и к.ю.н. К.А. Корсакова, который рассмотрел вопрос правомерности юридической экспертизы.

Проблемам экспертной оценки стоимости объектов были посвящены выступления: к.т.н. Н.П. Барина, который обозначил методические неопределенности оценки рыночной стоимости объектов недвижимости при проведении экспертизы по оспариванию результатов кадастровой стоимости;

К.Л. Петрова, который рассмотрел основы определения стоимости в рамках судебно-экспертной деятельности различных экспертных специальностей, в том числе в спорах по защите интеллектуальных прав; и А.В. Добровольской подготовившей сообщение о проблемах оценки рыночной стоимости миноритарной доли в жилой квартире при принудительном выкупе.

Судебная бухгалтерская экспертиза незаконной банковской деятельности, судебная бухгалтерская экспертиза движения денежных средств на расчетных счетах исследуемых лиц были предметами исследований к.э.н. Е.В. Батуриной.

В завершении работы конференции организаторы: Кулаков К.Ю., президент Союза Финансово-экономических судебных экспертов, НИУ МГСУ, доктор экономических наук; Верховина – Рогич А.В., генеральный директор, вице-президент Союза Финансово-экономических судебных экспертов; Жолобов Я.Б., директор Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения Общероссийской общественной организации «Российское объединение судей»; Очердько В.П., заместитель директора по научной работе Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ подвели итоги работы конференции.

Был отмечен высокий научный и профессиональный уровень выступлений, актуальность рассмотренных в процессе работы конференции проблем и значимость высказанных предложений для совершенствования судебно-экспертной деятельности в области экономических экспертиз и всей судебно-экспертной деятельности в целом.

Обзор подготовлен д.ю.н., к.б.н., профессором Т.Ф. Моисеевой

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

25 – 26 октября 2018 года в Минске (Республика Беларусь) проводилась Международная научно-практическая конференция «История и современность судебно-экспертного образования», посвященная 15-летию образования Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. В конференции приняли участие ученые, преподаватели и практикующие эксперты из шести стран: России, Беларуси, Казахстана, Латвии, Молдовы и Украины.

С приветственным словом к участникам конференции обратился Председатель Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь генерал-майор юстиции, кандидат юридических наук, доцент А.И. Швед.

Основными направлениями работы конференции выступили наиболее актуальные темы, не оставившие равнодушными никого из участников. Среди них:

1. История и перспективы развития образования в сфере судебно-экспертной деятельности.
2. Значение судебной экспертизы и криминалистики в современной практике правоохранительной деятельности.
3. Зарубежный опыт подготовки кадров для нужд судебной экспертизы.
4. Перспективные направления проведения различных видов судебных экспертиз.
5. Проблемы и перспективы повышения квалификации в учреждениях силовых структур.
6. Современные тенденции подготовки экспертов в области судебных психолого-психиатрических и лингвистических экспертиз.
7. Актуальные вопросы судебной медицины в аспекте подготовки судебных экспертов.

ДЯКОНОВА О.Г.

В рамках Пленарного заседания прозвучали доклады, вызвавшие интерес участников конференции, и побудившие к дискуссии и обмену опытом.

И.А. Лапина, ректор ГУО «Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент выступила с приветственным словом и рассказала об истории создания и перспективах развития института.

Е.Р. Россинская, директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор раскрыла особенности подготовки судебных экспертов в Российской Федерации в историческом аспекте, на современном этапе и обозначила перспективы ее развития.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

Заместитель директора ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, профессор кафедры судебно-экспертной деятельности РУДН, доктор юридических наук, доцент Г. Г. Омелянюк посвятил свой доклад современным подходам к обучению судебных экспертов в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России.

О. Катараса и П. Петкович представили совместный доклад, посвященный актуальным вопросам производства судебных экспертиз в Республике Молдова, особое внимание уделив проблемам подготовки экспертов.

Председатель Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент А.Е. Гучок в своем сообщении обратил внимание участников

ДЯКОНОВА О.Г.

конференции на проблемы проведения исследований текстов научных работ с целью установления их авторства, актуализировав проблемы написания «научных» работ «под заказ» за оплату и заимствования в текстах диссертаций, представленных на соискание ученых степеней.

Ю.Г. Лиодорова, старший эксперт отдела бухгалтерских экспертиз Бюро экспертиз криминалистического управления Государственной полиции Латвии, магистр экономики рассказала участникам конференции о навыках и персональных характеристиках судебного эксперта-экономиста, которые считает необходимыми для надлежащего осуществления им своей деятельности. В своем докладе Ю.Г. Лиодорова приводила примеры из практики Латвии и Евросоюза.

Выступив в соавторстве, Ю.Г. Лиодорова и И.С. Воронова обозначили проблемы использования моделей для оценивания умышленного банкротства в судебных экспертизах, ссылаясь на опыт европейских государств.

С докладом о формах подготовки судебных экспертов на постсоветском пространстве и перспективах развития, вызвав оживленную дискуссию, выступили Е.В. Иванова и О.Г. Дьяконова.

Основные направления совершенствования и развития судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан определила в своем докладе Д. Даулеткелдиқызы, директор Научно-исследовательского института РГКП Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, кандидат филологических наук.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

Про современный опыт подготовки экспертных кадров рассказала старший научный сотрудник Харьковского научно-исследовательского института судебных экспертиз им. Засл. проф. Н.С. Бокариуса Министерства юстиции Украины — С.Г. Гаспарян.

Н. В. Нестор, заместитель директора Киевского научно-исследовательского института судебных экспертиз Министерства юстиции Украины, кандидат юридических наук, в исторической ретроспективе раскрыла судебно-экспертное образование в Республике Украина.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

В рамках Круглого стола «Проблемы и перспективы судебно-экспертного образования», который стал логичным продолжением конференции 26 октября 2018 года, выступили преподаватели Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Оживленную дискуссию вызвало сообщение В. В. Голубович о подготовке специалистов в области судебных медицинских психиатрических и психологических экспертиз в государственном учреждении образования «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь». Она поделилась опытом Института и обозначила направления развития программ обучения в рамках данной специальности.

Неподеленный интерес вызвали также доклады А.Ю. Крылова «Подготовка экспертов медицинского профиля на кафедре судебной медицины ГУО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» и А.С. Кузьмина, рассказавшего о подготовке судебных экспертов в области исследования маркировочных обозначений транспортных средств.

Для гостей и участников конференции была проведена экскурсия по учебным полигонам и аудиториям Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, были представлены научно-методические пособия, а также оборудование, на котором обучаются эксперты.

Обзор подготовлен к.ю.н., доцентом О.Г. Дьяконовой

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ПРАЗДНИК НАИБОЛЬШЕГО БЕСКОРЫСТИЯ

СМИРНОВА И.Г.

Аннотация: в статье дается оценка современного состояния криминалистической науки, особенности ее развития в сибирском регионе, описывается вклад, внесенный в формирование сибирской научной школы криминалистики доктора юридических наук, профессора Дианы Аркадьевны Степаненко.

Ключевые слова: криминалистика, научная школа, тенденции научного развития.

За последние годы в правотворчестве, правоприменении произошли достаточно серьезные, более того, радикальные изменения! Во-первых, меняется парадигма уголовно-процессуального законодательства, первоначально – путем принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), а затем – с помощью продолжающегося и в настоящее время внесения в него изменений и дополнений, выражения

Конституционным Судом РФ правовых позиций по вопросам конституционности отдельных уголовно-процессуальных норм, формулирования правовых позиций Верховным Судом РФ, принятия решений Европейским судом по правам человека. Такое нестабильное правовое регулирование общественных отношений не может не сказаться на сложностях в развитии теории криминалистики, в разработках криминалистических рекомендаций.

В свою очередь, нельзя не отметить еще одну значимую тенденцию научного развития современного общества: в качестве одного из наиболее значимых факторов для технологического развития общества называют размывание междисциплинарных и отраслевых границ в научно-практических исследованиях, что отмечено в п. 16 б Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [2], что наиболее актуально в свете социальных, экономических, юридических преобразований, происходящих в современном обществе. Однако, вопреки изложенному в сфере научного поиска все более явно проявляются сепаратистские тенденции, выражающиеся в большей степени обособленности отдельных отраслей научного знания. Так, в 2012 году претерпела существенные изменения номенклатура научных специальностей, в частности, специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» преобразовалась в две самостоятельные специальности – 12.00.09 «Уголовный процесс» и 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность». На данный нюанс можно было бы не обращать внимания, если бы это не приводило к существенному затруднению в проведении междисциплинарных научных исследований, направленных на оптимизацию, усовершенствование производства по уголовным делам, учитывающих как содержание уголовно-процессуального законодательства, так и потребности правоприменительной практики и запросы общества. Более того, не всегда удается получить значимый для правоприменительной практики результат только методами одной отрасли научного знания. Именно поэтому задача ученого на современном этапе развития нашего общества является многотрудной, поливариантной, многоаспектной.

Как в свое время очень точно отметил Максим Горький, труд ученого – достояние всего человечества, и наука является областью наибольшего бескорыстия. Несмотря на новый виток циклического развития истории, указанное в полной мере применимо к заместителю директора Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия по научной работе, доктору юридических наук, профессору Степаненко Диане Аркадьевне.

Преимуществом добрых традиций научной порядочности и честности, самоотверженности и преданности своему делу отличают Учителя, Ученого, Научного руководителя, Профессионала своего дела – Д.А. Степаненко.

Как известно, наличие сформированной научной школы подразумевает определяющее значение широкого круга научных интересов, креативности мышления, индивидуального инструментария для постановки и достижения научно-практических задач, эффективность творческой научной работы. С учетом указанных критериев можно

с полной уверенностью утверждать констатировать, что Диана Аркадьевна является одним из ярких представителей сибирской научной криминалистической школы.

Во-первых, обширный круг научных интересов, обусловленный и детерминированный перманентным ускорением процессов обновления информации, увеличивающимися темпами развития информационных технологий, внедрения их во все сферы человеческой жизни, в том числе и в криминальную сферу, предопределили обращение Д.А. Степаненко к анализу таких актуальных вопросов, как криминалистическая идентификация в научном и практическом измерениях [4], криминалистическое обеспечение досудебного и судебного производства, проблемные вопросы уголовного судопроизводства [1; 5 и др.], психологические и этические аспекты правоприменительной деятельности [3].

Особого внимания заслуживает исключительная профессиональная востребованность профессора, что проявляется в нескольких взаимодополняющих, последовательных аспектах: аккумуляции знаний, их обобщения, интерпретации и использования; передачи знаний, а также их оценки.

Познавать, открывать, опубликовывать — вот судьба ученого. Так, Диана Аркадьевна как истинный ученый является автором более 100 научных и учебно-методических работ (монографий, статей и иных публикаций в ведущих научных изданиях, в том числе уровня WoS и Scopus в России и за рубежом). Научная любознательность, активность научно-исследовательского поиска способствуют успешному развитию Иркутской криминалистической научной школы: с помощью легкой руки Д.А. Степаненко успешно защитили в диссертационных советах РФ диссертации на соискание ученых степеней кандидата юридических наук четверо кандидатов по специальности 12.00.12.

Как научный руководитель Д.А. Степаненко оказывала помощь в разработке и научном исследовании наиболее актуальных вопросов теории и практики правоприменения. В частности, весомый вклад совместно с учениками был внесен ею в развитие таких аспектов криминалистического знания, как расследование и раскрытие убийств прошлых лет, тактико-психологические основы предъявления для опознания лиц по признакам внешности, расследование мошенничества в сфере компьютерной информации, криминалистическое обеспечение первоначального этапа расследования нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта.

Основой абсолютно всех диссертаций, защищенных под руководством Дианы Аркадьевны Степаненко, являются привитие ею фундаментальных основ научной смелости и состоятельности, щепетильности и ответственности, основательности и научной порядочности.

Как в свое время точно отметила французская учёная-физик, лауреат Нобелевской премии по химии Ирен Жоллио-Кюри, в любой профессии любовь к ней является одним из условий успеха, но это особенно справедливо для научно-исследовательской работы. И сегодня в юбилей известного сибирского ученого-криминалиста, доктора юридических наук, профессора, Почетного работника высшего профессионального образования, члена диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученых степеней

кандидата и доктора юридических наук Российского университета правосудия (г. Москва), квалификационной коллегии судей Иркутской области, аттестационной комиссии по проведению квалификационного экзамена государственных и гражданских служащих Иркутской области, научно-исследовательского совета Следственного управления Следственного комитета РФ по Иркутской области, Международного союза юристов, Ассоциации юристов России – Дианы Аркадьевны Степаненко – хочется пожелать такой же высоты полета научной мысли, яркости научного бытия, долгих лет сложившейся сибирской криминалистической научной школе, и стабильного высшего знака качества научного результата.

Библиографический список/References:

1. Днепровская М.А., Лухнев А.И., Степаненко Д.А. Предварительное слушание как форма подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: актуальные проблемы судебной практики // Уголовное право. 2011. № 5. С. 66-71. [Dneprovskaya M.A., Lukhnev A.I., Stepanenko D.A. Preliminary hearing as a form of preparation of a criminal case for trial: current problems of judicial practice // Criminal Law. 2011. No. 5. P. 66-71.]
2. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01 декабря 2016г. № 642 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6887. [On the Strategy of the Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 01, 2016 № 642 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 49. Art. 6887.]
3. Степаненко Д.А., Полянская В.А. К вопросу об оценке заключения эксперта-психолога // Юридическая психология. 2013. № 3. С. 37-40. [Stepanenko D.A., Polyanskaya V.A. On the issue of assessing the opinion of an expert psychologist // Legal psychology. 2013. No. 3. S. 37-40.]
4. Степаненко Д.А. Проблемы теории и практики криминалистической идентификации: дисс. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2006. 337 с. [Stepanenko D.A. Problems of the theory and practice of forensic identification: diss. ... Dr. Law sciences. Irkutsk, 2006. 337 p.]
5. Степаненко Д.А. Психологическое воздействие в уголовном судопроизводстве: понятие и критерии допустимости // Российский следователь. 2014. № 9. С. 52-56. [Stepanenko D.A. Psychological impact in criminal court-proceedings: the concept and criteria of admissibility // Russian investigator. 2014. No. 9. S. 52-56.]

Сведения об авторе:

Смирнова Ирина Георгиевна, д.ю.н., профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23а; e-mail: smirnova-ig@mail.ru

СМИРНОВА И.Г.

About the author:

Smirnova Irina Georgievna, Doctor of Law Sciences, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, ul. Ivan Franko, 23a.

«ВЕСТНИКЪ КРИМИНАЛИСТИКИ ~ BULLETIN OF CRIMINALISTICS»

Тематика журнала «ВестникЪ криминалистики ~ Bulletin of criminalistics»:

Научно-практический журнал «ВестникЪ криминалистики ~ Bulletin of Criminalistics» издается с 1999 года. В журнале публикуются статьи по криминалистике, судебной экспертизе и оперативно-розыскной деятельности, представляющие интерес для практических работников правоохранительных органов, а также адвокатов, судей, преподавателей криминалистики и научных работников.

Журнал распространяется преимущественно по подписке. Подписчиками журнала являются юридические ВУЗы и юридические факультеты России, ближнего и дальнего зарубежья (Белоруссия, Казахстан, Украина, Узбекистан, Литва, Латвия, Эстония, Польша, Словения, Словакия, Сербия), правоохранительные органы России (МВД, Следственный Комитет России), а также ученые и практики.

Порядок направления материалов в редакцию

1. Автор направляет в электронном виде на адрес редакции журнала: author@vestcrim.ru статью и заявку.

2. Для обеспечения соблюдения законодательства Российской Федерации в сфере авторского права, редакция журнала «Вестник криминалистики» предлагает заключить авторский договор на опубликование авторских материалов, который в виде публичной оферты размещен на официальном сайте журнала и на странице журнала «Вестник криминалистики» в социальной сети Facebook (<https://www.facebook.com/VestCrim/>).

Договор считается заключенным после получения редакцией журнала статьи и заявки на опубликование статьи. В заявке приводятся следующие сведения об авторе:

- данные об авторе (ФИО, дата рождения, место рождения, паспортные данные: серия, №, выдан, код подразделения);
- адрес места работы;
- электронный адрес;
- телефон.

Те же сведения указываются в отношении каждого соавтора.

3. Направление статьи и заявки в электронном виде в редакцию журнала является акцептом о заключении с редакцией журнала «Вестник криминалистики» безвозмездного договора об отчуждении исключительного права на Произведение на основании ст.ст.1234, 1285 ГК РФ.

4. Статьи проходят рецензирование в обязательном порядке.

5. Если автором является соискатель ученой степени кандидата юридических наук, следует дополнительно представить сканированную копию рецензии научного руководителя.

6. В случае включения в текст статьи рисунков, графиков, иного иллюстративного материала, автор должен представить в отдельном файле эти иллюстрации с подписями под каждой из них.

Рецензирование рукописей

В журнале осуществляется рецензирование всех представленных для опубликования рукописей.

Рецензирование осуществляется квалифицированным специалистом по тематике рецензируемого материала.

Рецензирование осуществляется в течение 45 дней с момента поступления рукописи по электронной почте на адрес редакции журнала.

В рецензии отражается актуальность и проблематика темы исследования, соответствие тематике журнала, адекватность примененных методов исследования, степень научной новизны исследования, практическая значимость, характеристика статьи по стилю, замечания рецензента автору (если имеются), в качестве общего заключения — вывод о рекомендации для опубликования в журнале «Вестник криминалистики».

При наличии замечаний рецензента, автору рекомендуется внести исправления в статью в срок до 14 рабочих дней. После устранения замечаний и прохождения повторного рецензирования, статья принимается к опубликованию.

Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет.

Статьи, опубликованные или принятые к публикации в других изданиях, к публикации в журнале «Вестник криминалистики» не допускаются. Если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Статья публикуется в авторской редакции, но в случае превышения объема, рукопись может быть сокращена по усмотрению редактора.

Общие требования к рукописям статей

1. Статья принимается в электронном виде в формате MS Word 7.0 и более поздних версий.

2. Текст оформляется через полуторный интервал, кегль шрифта – 14, поля: верхнее, нижнее = 2 см, правое = 3 см, левое = 2 см. Абзацный отступ следует задавать только с помощью функции «ГЛАВНАЯ / АБЗАЦ / ОТСТУПЫ И ИНТЕРВАЛЫ / ПЕРВАЯ СТРОКА» и должен быть равен 1 см.

3. Допускается размещение диаграмм в формате Excel, рисунков в формате TIFF или JPEG, с обязательным приведением их в отдельном файле с подписями к каждому рисунку. Рисунки и диаграммы выполняются без заливки в черно-белом варианте.

4. Сноски в тексте не размещаются. Оформляются затекстовые библиографические ссылки с размещением номер источника и страницы цитирования в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Образец оформления библиографической ссылки:

Если делается ссылка на автора и его книгу, без цитирования конкретного фрагмента:

В тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И. М. Кауфмана [59].

В затекстовой ссылке: 59. Кауфман И. М. Терминологические словари: библиография. М., 1961.

Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа:

В тексте: [10, с. 81]

В затекстовой ссылке: 10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

5. Объем материала допускается до 30 000 печатных знаков, что соответствует объему до 20 страниц.

Образец оформления Библиографического списка.

Библиографический список / References:

1. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с. [Berdyayev N.A. The meaning of history. M.: Mysl', 1990. 175 p. (In Russ.)]

2. Кауфман И. М. Терминологические словари: библиография. М., 1961. 419 с. [Kaufman IM Terminological dictionaries: bibliography. M., 1961. 419 p. (In Russ.)]

3. Иванова Е.В., Дьяконова О.Г. Правовые формы судебно-экспертной деятельности в ракурсе проблемы конкурентно-способности // Аубакировские чтения: материалы международной научно-практической конференции (19 февраля 2018 г.). Алматы, 2018. С.144-147. [Ivanova EV, Dyakonova OG Legal forms of forensic activity in the view of the problem of competitiveness: Aubakirov's readings: materials of the international scientific-practical conference. Almaty, 2018. P.144-147. (In Russ.)]

6. На последней странице статья должна быть проставлена подпись автора, подтверждающая, что статья выверена, данные соответствуют действительности.

7. Структурные элементы статьи, подлежащие опубликованию:

- 1) Заголовок статьи на русском и английском языках;
- 2) Сведения об авторе: фамилия (полностью), инициалы;
- 3) Аннотация (Abstract). Представляется на русском и английском языках в количестве от 150-250 слов и должна отражать постановку проблемы исследования, цель работы, результаты исследования и краткий вывод.
- 4) Ключевые слова (Keywords) – 10-15 слов на русском и английском языках;
- 5) Текст статьи, включающий: введение, цель работы, материал, обсуждение, выводы.
- 6) Библиографический список на русском языке и список литературы на английском языке в отношении источников, опубликованных на русском языке (References).
- 7) Сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, адрес места работы, адрес электронной почты на русском и английском языках.

Адрес редакции:

author@vestcrim.ru, contact@fact-gsgu.ru

тел.8(499)3933894, 8(916)7174507.

BULLETIN OF CRIMINALISTICS № 3 (67), 2018

*Всероссийский научно-практический журнал
«ВестникЪ криминалистики ~ Bulletin of Criminalistics»*

Ответственный редактор доцент Е.В. Иванова

Корректор Е.Н. Самсонова

Подписано в печать 10.12.2018. Формат 70х108/16.

Печ. л. 4. Тираж 600 экз. Заказ № 11-12-04/2018

Отпечатано в ООО «Объединенная Рязанская типография»
390000, г. Рязань, ул. Семинарская, 39

140410, г. Коломна, ул. Зеленая, 30.

Автономная некоммерческая организация «Центр судебных экспертиз
Государственного социально-гуманитарного университета
«ФАКТ»

Издаётся при содействии ГОУ ВО МО «Государственный социально-
гуманитарный университет»